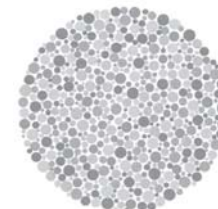
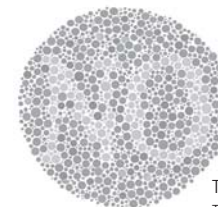
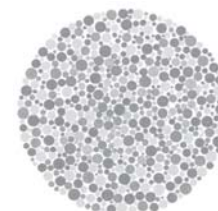

БОРИС КОРНЕВ
ДАЛЬТОНИК

НЕ ВСЯКИЕ ГЛАЗА ВИДЯТ ВРАГА

ПОВЕСТЬ

Издание второе,
исправленное
и дополненное

Тест Ишихары расшифровывается
только дальтоником

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2016

Корнев Б.Ф. Дальтоник: Не всякие глаза видят врага. – Повесть. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. – 256 с., [16,5] л.: ил.

ISBN 978-5-89566-164-2

Европа перед большой войной: политические интриги, аморальность европейских союзников и нейтралов. Главный герой повести – молодой офицер-десантник, как и миллионы других, таких же как он, оказался в круговороте тяжелых испытаний и самопожертвований первых дней и месяцев войны, в омуте политической лжи и лицемерия. Окружающая трагическая обстановка ломает былой юношеский романтизм офицера и вынуждает его принимать самостоятельные, сложные и жизненно важные решения и в бою, и в плену, и в тылу врага.

События начинаются с советско-финской кампании 1939–1940 годов, переходят в страны Балтии и потом развиваются во время войны с Германией на самом малоизвестном читателю фронте – в Прибалтике.

На основании отечественных и зарубежных документальных публикаций и исторических исследований показаны драматические ошибки в управлении советскими войсками в первые дни войны и в становлении партизанского движения в тылу немецкой группы армий «Север». Оккупационный режим на захваченной территории, сопровождавшийся коллаборационизмом местного населения, – это те условия, в которых приходится действовать главному герою.

В основе сюжета подлинные события. Фамилии основных персонажей – вымышленные.

По важнейшим историческим событиям и фактам, упоминаемым в повести, даются развернутые примечания.

Лица, страдающие легкими формами дальтонизма, учатся ассоциировать цвета с определенными объектами и обычно способны определять эти цвета в повседневной жизни, как и люди с нормальным цветоощущением. Однако их ощущение цветов сильно отличается от нормального.

...Перестать быть дальтоником невозможно.

(Журнал «Здоровье», 1983)

Памяти моего отца посвящается...

ПРЕДИСЛОВИЕ

П Р Е Д И С Л О В И Е

В детстве, мальчишками, мы часто играли в войну. Тогда, пожалуй, это была для нас самая любимая игра. Кто за наших? Кто сегодня за немцев? Этих выбирали по очереди, потому что их все ненавидели, и они всегда проигрывали. Даже пересказывая приятелям какой-нибудь только что увиденный фильм вовсе не про войну, мы часто называли его плохих действующих лиц «немцами» – так сильны были впечатления от главной трагедии XX века. Конечно, прошло только десять лет. У кого-то нет отца, у кого-то брата. У этих вся семья погибла... Телевизоров было еще мало, а фильмов про войну – всего два или три. Понятно, что мы как губка впитывали все, что говорили про ЭТО наши родители.

Когда было свободное время, чаще всего перед сном, мой отец тоже много и интересно рассказывал о войне. Прямо как сказку на ночь. Особенно не вдаваясь в сложные рассуждения о патриотизме, о Родине и других высоких понятиях, он просто рисовал картины первых боев, отступления, плена, побега... Тогда в моем воображении они все перемешивались как в калейдоскопе. В памяти оставалось только одно: действия, события и то, какой сильный и храбрый был мой отец.

Прошло еще лет десять, и уже можно было все это сравнивать с тем, что описывали в книгах и показывали в кино. Отец сам однажды повел всю семью смотреть «Живые и мертвые». Я помню, как он глядел тогда на нас. Он видел, что мы многое понимаем.

Со временем меня больше стали интересовать не столько сами действия, сколько ответы на появляющиеся все новые и новые вопросы. Как это удалось ему и почему не смогли сделать другие? Что было причиной тех или иных поступков разных людей? Мне было интересно, с каким чувством они их совершали. Почему, идя в атаку, кричали: «За Родину! За Сталина!», если сзади стояли автоматчики из заградительных отрядов? Почему в фильме «Батальоны просят огня» все показано чуть мягче, чем в таком же сюжете киноэпопеи «Освобождение». Только потому, что второй от первого разделяют десять лет спокойной мирной жизни? Но тогда со временем может вообще все сгладиться...

Постепенно от разговора к разговору становилась понятнее полная картина всего того, что произошло с отцом в те трагические для всей страны годы. Вернее, как и почему он выбирал свою судьбу, принимая в критические моменты такие трудные, но свои, самостоятельные решения.

Конечно, выбор всегда неизбежен. Это единственный способ изменения отношений человека как с самим собой, так и с окружающим миром. Любой из таких выборов, как лакмусовая бумажка, обнажает истинную сущность каждого. Война лишь делает это беспощаднее. Мне кажется, что для отца всегда определяющим был поиск своего места в огромном круговороте событий и понимание последствий принимаемых непростых решений. То есть личная ответственность.

Крепкий, по-крестьянски обстоятельный и самодостаточный, отец по жизни старался все делать сам. До войны, на войне и после нее. По складу своего характера он всегда был ближе к природе, чем к людям. Уже на пенсии – по полгода вместе с женой жил в родной деревне. К ним на лето приезжали внуки. Он был нужен. Когда заболела жена, он долго ухаживал за ней, а после ее смерти еще десять лет жил один. Сам варил

себе еду, с радостью и гордостью кормил сыновей и внуков своими щами, когда родственники приезжали его навестить. В шкафу, на полках у него всегда был порядок. Все выстирано, выглажено, ровненько сложено.

...Он прожил девяносто лет. И однажды сам сказал своему сыну: «Пора заканчивать эту историю...»

Недавно передавали репортаж с парада на Красной площади. Журналист окружил себя пацанами и стал их расспрашивать в прямом эфире: «А кто, ребята, принимал парад Победы в 1945 году?» Те переглянулись, ища друг у друга подсказки. Один, тот, что посмелее, как-то неуверенно, наверное, так, как привык это делать на уроках, сохраняя возможность быстренько исправиться в случае чего, пробурчал: «М-м... Ленин?..» Я не могу точно описать, то, что почувствовал тогда. Какое-то редкое по силе удивление, переходящее в страх. Это будет покруче тех ощущений, какие испытывают сегодня многие, находясь в бесконечных пробках или видя, как ищут еду на помойках. Тут экономика. Тоже сложно. Но здесь – история, генетическая память народа. Такие вещи исправляются только через поколения. Если вообще исправляются. Духовная инфантильность и социальное безразличие, постепенно поражающие современную молодежь, могут вконец исковеркать ее сознание, и тогда все мы неотвратимо придем к еще большей трагедии, чем та, что случилась в прошлом веке.

Наверное, нужно каждому приложить руку к тому, чтобы отвести эту беду. Сделать что-то свое. Пусть мизерное, но так нужное для детей, для истории, для памяти. Может быть, тогда у новых поколений мальчишек проснется осознание причастности к сложной истории своей страны, и каждому из них вдруг станет понятно, с чего для него начинается Родина...

Повесть «Дальтоник» о самом трагическом периоде в истории Европы и о конкретном человеке – малень-

кой песчинке в этом круговороте тяжелых испытаний и самопожертвований, в омуте политической лжи и лицемерия. Именно такие, десятки, сотни тысяч таких, уверенных, а не убежденных, сначала притормозили и в конце концов остановили раскрутившийся маховик беды. Он постепенно, с большим трудом начал возвращаться в другую сторону, вовлекая в эту спасительную круговорот все новые и новые массы людей. Чаще всего они это делали без идеологизированного и самозабвенного героизма, не замечая изменчивого разнообразия искусственного и наносного. Главное было за плотными слоями налипшей грязи и лжи **УВИДЕТЬ ДОБРО**. Не менее важно – **РАЗГЛЯДЕТЬ ЗЛО** под сверкающим на свету, густо намазанным повидлом.

Но как это трудно! Ведь даже через семьдесят лет после тех трагических событий слишком много и слишком запросто красят в разные цвета все подряд, чтобы потом в угоду сиюминутной политической конъюнктуре с такой же легкостью перекрашивать заново.

Борис Корнев

ПРОЛОГ

рядом с устьем реки Лемовжа есть высокая гора. Сверху видно, как заснеженная неподвижная Луга белой полосой разрывает темно-синее пятно из острых вершук елей. Для лыжника это самое опасное и самое красивое место на всем пути от Хотнежи до Сабска. Нужно внимательно смотреть вперед и крепко держать согнутыми в коленях ноги. А мокрый снег как назло острыми хлопьями летит навстречу и больно бьет по лицу, застилая глаза. Не дай бог, если на крутом и длинном склоне между редко стоящими соснами мелькнет яма или корень – не успеешь объехать и не устоишь...

Потом еще верст пятнадцать по Луге – и назад, домой. Мальчишке уже двенадцать. Он – деревенский почтальон и должен каждый день приносить почту. Зимой на лыжах, а летом – бегом, босиком прямо через лес.

Люди по-разному относятся к нему. Кто-то его ждет и радуется. Другой боится и с недобрым чувством берет от него любую бумагу со штампами. Но один запомнился ему на всю жизнь. Говорили, что он художник, из ссыльных еще с дореволюционных времен. Почтальон часто привозил ему по несколько газет и журналов, а тот на квитанции выводил остро заточенным карандашом ровными круглыми буквочками свою фамилию «Докукин». От него всегда пахло красками, а гладко причесанные короткие и уже седеющие волосы были слегка испачканы белилами. В большой комнате, в углу на лавке, – аккуратно сложенные хол-

сты. Иногда к маленькому домику художника подъезжали черные блестящие машины. Внутри сидела целая семья какого-нибудь начальника или большого военного в форме с красными нашивками. Докукин писал их портреты.

– Вы сегодня что-то поздно, – говорил он мальчишке-почтальону назидательно, но с уважением. – И почему нет «Художественного альманаха» и вчерашней «Правды»?

Обычно они пили чай с маленькими разноцветными леденцами, и Докукин подолгу разговаривал с парнем обо всем как со взрослым. Про войну, про Ленина и Сталина, про коммунизм. Было понятно и интересно.

Иногда художник вручал почтальону кисть и приглашал его к мольберту поучаствовать в раскрашивании какой-нибудь мелочи: облаков на небе или одинаковой на всех портретах овальной броши на платье супруги очередного военачальника. Потом отходил чуть в сторону, долго смотрел то на парнишку, то на его художество и говорил, нежно глядя его по голове: «Да вы просто импрессионист, Федор, не иначе...»

Летом они посещали старинное шведское кладбище, что затерялось в зарослях около деревни с таким же названием, что и речка, и рассматривали надгробия. Затем, перейдя мост, уже на другом берегу Лемовжи Докукин показывал крутой обрыв из желто-красного песка. Он называл его «сечением времени» и долго рассказывал о том, что якобы свыше трехсот миллионов лет назад на земле произошло крупнейшее вымирание всех живых организмов. Они вымирали и оседали на дно большого моря, которое было тогда на этом месте. Так образовалась целая гора.

Они выходили, петляя по лесу, к вершине обрыва. Здесь все было видно как на ладони: деревня Хотнежа, излуцина реки, мост и купола церкви Покрова Пресвятой Богородицы...

Перед уходом мальчишки Докукин всегда давал юному почтальону с собой одну книжку и цветные репродукции с картин какого-то художника. Ночью, забравшись со свечой на печку, мальчуган подолгу их разглядывал, а потом медленно читал под шум дождя. Смаковал от удовольствия буквы и слова, мало понимая смысл прочитанного и увиденного. Запомнилось только что-то про Ангела с мечом, про Ледовое побоище и Минина с Пожарским, про победы Суворова... На обложке был русский богатырь, топором отбивающийся от целого кольца врагов.

Однажды отец мальчишки вырвал несколько страниц из такой книжки и, завернув в них махорку, скурил. Парень тогда долго ревел. Он боялся потерять новый и заманчивый мир Докукина и его умных книжек. Мать сильно ругала отца, а сына утешала как могла. «Нужно купить такую же в городе», – сказала она и дала денег. Они вместе отправились к местному начальнику почты. Тот согласился купить книгу, а чуть позднее, когда мальчишка остался один, попросил его прикрепить антенну от радио на самое высокое место в деревне, к кресту на церкви.

В последнее время в церковь мало кто ходил. Она начинала разрушаться, крест заржавел, пол провалился. Мальчишка привязал к ноге какую-то шутовину и стал карабкаться наверх. Железная лестница скрипела и обламывалась под ногами. Собрался народ, смотрели и охали: «Что за дурак такой лезет?»

В общем, прикрепил он эту антенну. Начал было спускаться, но перекладина лестницы хрустнула под ногой, и парень полетел вниз, размахивая руками. Он ударился о карниз, прежде чем зацепился расстегнутой курточкой за крест малого купола...

Радио в деревне заработало. Мать мальчишки плакала весь день, а начальник почты подарил ей полфунта конфет. Через неделю он вручил и новую книжку.

Позднее Докукин все узнал и долго ругал пацана. Конечно, ведь тот запросто мог разбиться. И он тихо, как бы для себя, приговаривал: «А этот голубоглазенький везучий, да не по годам ответственный малой. Только пока глупенький... Бог его храни!»

ЧАСТЬ 1

ВСЕ КОНЧИЛОСЬ —
В С Е К О Н Ч И Л О С Ь —

НЕ НАЧИНАЯСЬ
Н Е Н А Ч И Н Я Я С Я

РАССТАНОВКА СИЛ. ЕВРОПА ПЕРЕД БОЛЬШОЙ ВОЙНОЙ

...Как ни один из лидеров демократических стран, Сталин был готов в любую минуту заняться скрупулезным изучением соотношения сил. И именно в силу своей убежденности, что он – носитель исторической правды, отражением которой служит его идеология, он твердо и решительно отстаивал советские национальные интересы, не отягощая себя бременем лицемерной, как он считал, морали или личными привязанностями.

(Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997)

Все началось с того, что в августе 29-го на конференции в Гааге победители в Первой мировой войне отменили контроль над экономикой и финансами Германии¹. Отменили, должно быть, за ненадобностью. Его весьма результативно осуществляла другая страна. Она уже за пять лет до этого предоставила Германии кредитов в шесть раз больше, чем та выплатила репараций по Версальскому договору. Потому и присутствовали США на конференции в ненавязчивой роли арбитра. Ибо тогда только они могли регулировать политические устремления европейских стран с помощью агрессивной и финансово зависимой Германии. Вся история Веймарской республики показывает, что обеспечением ее «нужного» политического курса служили свое-

временные денежные вливания и управляемые кредиторами финансовые потрясения. Ключевыми игроками, определявшими стратегию всех этих процессов, были центральные финансовые институты США и Великобритании.

Что ж удивляться тому, что в конце 30 – начале 40-х годов уже вся Европа жила по законам джунглей. Вчерашние союзники становились врагами, враги – союзниками порою за считанные дни.

Англия и Франция тогда заняли явно попустительскую позицию в отношении военных реваншистских планов Германии, надеясь на ее большую войну с большевистской Россией. Ничуть не заботясь о соблюдении Версальских договоренностей, они сначала в 29-м, позволили Германии бесконтрольно развивать свою экономику, потом сочли за благо «не заметить» в марте 37-го захват Германией Рейнской области, а через год и Австрии. Чуть позднее, в сентябре 38-го, отдавая Гитлеру Судеты, они гарантировали Чехословакии границы того, что от нее осталось. Но уже через полгода не выполнили и этого. Чехословакия исчезла с карты Европы с такой же легкостью, с какой победители в Первой мировой войне отказались от создания любой антигитлеровской коалиции.

После расчленения Чехословакии польским дипломатам стало ясно, что теперь пришел и их черед на нарушение версальских постановлений. Польша буквально на следующий день после подписания мюнхенских соглашений в ультимативной форме потребовала от чехословацкого правительства передачи ей Тешинской и Фриштатской областей и добилась своего. Через месяц свой кусок получила и Венгрия. Чувствуя уязвимость своей страны после мюнхенского соглашения, чехословацкое правительство отправило шесть миллионов фунтов стерлингов золотом в подвалы английского банка как часть своего вклада в Банк международных расчетов. Германия

потребовала это золото себе и с согласия британского министра финансов – получила.

Не прошло и десяти дней после оккупации Парижа войсками Третьего рейха, как английский флот расстрелял французские военные корабли, стоявшие на якоре в Оране, Мерс-эль-Кебуре и Дакаре. Во время этой операции под циничным названием «Катапульта» погибли сотни французских моряков. А ведь флот Франции не собирался сдаваться немцам, уже взявшим Париж! Были отброшены все маски, традиции и приличия. «Никогда еще ни одно действие не было более необходимым для спасения Англии», – говорил тогда Черчилль, испугавшийся того, что французские корабли попадут в руки Гитлера. Делая выбор, премьер-министр Великобритании предпочел отправить на тот свет 1300 французов.

После таких метаморфоз в лагере союзников Гитлер больше не стал утруждать себя согласованиями и никого ни о чем не спрашивал. Теперь он сам определял, какая страна будет следующей.

Что касается Польши, то в ее руководстве, несмотря на двадцать лет «самостоятельности»², по-прежнему преобладали иллюзии и рудименты прежних политических отношений. Начиная с 34-го и практически до самой войны с ней она упорно настаивала на союзе с Германией против СССР. Как будто ее правители не читали «Майн Кампф»³ и не знали того, что ей уготовано в ближайшем будущем. Естественно, что в самый критический момент переговоров о создании коалиции против Германии польские представители отказались даже обсуждать вопрос о пропуске через свою территорию столь нелюбимой ею Красной армии.

В это время Советский Союз выполнял свои обязательства перед Монголией и был занят на востоке в конфликте с японцами у реки Халхин-Гол⁴. В такой обстановке ему оставалось либо ждать нападения Германии, причем, возможно, вместе с теми, кто, настоя-

чиво отказываясь от коалиции с СССР, уже имел свои договоры с Гитлером, или самому начинать переговоры с Германией.

Как любил говорить Уинстон Черчилль: «Единственный способ быть последовательным – это меняться вместе с обстоятельствами, сохраняя при этом неизменной доминирующую цель». Вот в Кремле и выбрали второе.

23 августа 1939 года в Москве был подписан знаменитый договор о ненападении. В нем Германия отказывалась от какого-либо влияния в Финляндии, Латвии, Эстонии и Бессарабии, а чуть позднее и Литвы. Ряд бывших областей Польского государства по желанию Советского Союза мог быть включен в его состав. Все остальное – устно, все в личной беседе Молотова и Риббентропа. Позднее эта неопределенность будет использована Третьим рейхом для обоснования войны с СССР.

Спустя два дня министр иностранных дел Англии и посол Польши в Лондоне подписали свой англо-польский союзнический договор. Они взяли на себя обязательство в случае прямого или косвенного нападения «какого-либо европейского государства» оказывать друг другу немедленную помощь. Вот к этому договору действительно прилагался секретный протокол. В нем однозначно расшифровывалось понятие «европейское государство» – это Германия и только Германия! Предусмотрительная и постоянная в своих устремлениях Англия воевать с Советским Союзом из-за Польши не собиралась. Поэтому и настояла на вышеуказанной оговорке в секретном протоколе.

Гитлер же, в свою очередь, узнав о пакте Польши и Англии, сначала было задумался и отменил первоначальный срок начала операций «Вайс» и «Гиммлер», назначенных на 26 августа⁵. Однако, получив подтверждение тому, что Англия по-прежнему не будет ничего делать, кроме формального объявления войны, через

четыре дня все же решился. Первого сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу с запада. Когда же польское правительство покинуло страну и этого государства, как такового, в очередной раз фактически не стало, СССР, возвращая себе отнятое двадцать лет назад, проделал то же самое с востока.

...События, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства. Все это произошло за самый короткий срок... Население Польши брошено на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого рода положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договоры прекратили свое действие... Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создавшемуся положению...

(Из текста Ноты советского правительства от 17 сентября 1939 года)

В этот же день польско-советскую границу перешли 21 стрелковая и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и две мотострелковые бригады. То есть 700 тысяч человек, 4500 танков и 4000 самолетов.

Тогда в нарушение августовских договоренностей немецкие войска фактически беспрепятственно продвигались к границам СССР. Только начавшиеся под управлением комкора Чуйкова и комбрига Кривошеина активные боевые действия против немецких войск в зоне интересов Советского Союза вынудили Гитлера 20 сентября 1939 года дать приказ об отводе назад германских войск от Львова и других городов, захваченных вермахтом. Германские генералы, которые были готовы уже тогда пойти на открытое военное столкновение с СССР, квалифицировали это решение фюрера как «день позора немецкого политического

руководства», однако были вынуждены подчиниться приказу.

А 2 ноября 1939 года Верховный Совет СССР принял законы о включении в состав Советского Союза территорий Западной Белоруссии и Западной Украины. К ним добавили еще и Галицию. История предоставила последнюю возможность завершить укрепление Красной армии и советского государства перед неминуемой большой войной.

...В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий... Им нужно было силой или обманом оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной...

(Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991)

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Самолет легко разбежался по грунтовой полосе, оттолкнулся и быстро стал набирать высоту. На борту было пятеро: лейтенант-инструктор и четыре старших офицера из стрелковой дивизии. В пехоте такой порядок: раз в год, в августе, каждый офицер должен совершить прыжок с парашютом. Обычно они боятся. Боятся — это не то слово. Здесь смесь переживаний. Агрессивное сопротивление и полная покорность одновременно. И это естественно. Кому же хочется рисковать? Вон в Пушкине целое кладбище разбившихся парашютистов.

Так то профессионалы из воздушно-десантной бригады. А этих-то даже сравнить нельзя. Не умеют. Но и для них один прыжок с парашютом обязателен. Иначе разжалуют.

Инструктор носил на груди значок, на котором была большая цифра «100». То есть, несмотря на свои двадцать шесть лет, он уже сделал не меньше ста прыжков. Совсем недавно ему вручили два «кубаря» и назначили командиром первого взвода лучшей роты воздушно-десантной бригады. Именно ему обычно доверяли эту деликатную миссию: вытолкнуть из самолета или чаще всего столкнуть с крыла какого-нибудь вконец напуганного майора или полковника. Как всегда, он подробно проинструктировал каждого, проверил парашюты, заправку ранцев, пломбировку и контровку замыкающей шпильки, привычно надел всем на правую руку резинку, привязанную к вытяжному кольцу основного парашюта и, держась за металлические перекладины, потащил первого на крыло самолета. В таких случаях он никогда не надевал запасной парашют. Тот мешал, когда приходилось вести перед собой «клиента», крепко обняв его за плечи.

На крыле летящего самолета, конечно, не очень уютно, но оттуда всегда легче прыгнуть. И так тебя сдувает ветром – нужно только разжать пальцы и отпустить перекладину. Даже если ты потеряешь сознание, все равно руки во время свободного полета расходятся, и так или иначе резинка натянется и вытащит кольцо, а с ним и парашют. Главное в этом деле – вовремя столкнуть. Нужно точно выбрать момент, когда центр тяжести резко сдвигается, и всего лишь толкнуть.

Полковник и два майора прыгнули довольно легко. Третий майор показался каким-то замкнутым и даже упрямым. Выйдя вместе с инструктором на крыло, он сразу же сел на плоскость и схватился за железную трубу с таким лицом, что можно было больше

уже ничего не пробовать. Вся «теория» с центром тяжести была вмиг разрушена. Все попытки уговорить майора или просто столкнуть были бесполезны. Даже неудобно как-то. Ведь в бригаде инструктора считали главным спецом по таким делам. Чуть поразмыслив, он что-то показал рукой пилоту. Через несколько секунд тот сделал резкий крен влево, и майор, держась обеими руками за поперечные трубы, сначала повис в воздухе, а потом наконец сорвался и полетел вниз. «Только бы от страха не сразу дернул за кольцо, – подумали летчики, – а то купол заденет хвост самолета, и придется долго кружить над аэродромом, пытаясь втащить обратно горе-парашютиста. Такой ведь ни в жизнь не решится обрезать стропы и раскрыть запасной».

Внизу, под самолетом, медленно удалялся белый круг купола парашюта. Инструктор «ласточкой» прыгнул вдогонку. Он легко развернулся в воздухе, увидел под собой знакомый ландшафт и привычно потянулся рукой...

Кольца не было. Не было и все тут! В его сознании в одно мгновение промелькнул целый ворох возможных причин. Но кольца все равно не было! Зато с каждой секундой приближалась земля. Все рельефнее становились машины на аэродроме, пара самолетов на полосе... Вот уже видны люди. Рядом пруд, речка... Да какая разница, с такой высоты это не спасет...

Вдруг вокруг падающего парашютиста все слилось в одно большое серое пятно: и небо, и земля, и люди на взлетной полосе. Исчезло яркое солнце, пропал страшный свист в ушах от упруго бьющего в грудь и пролетающего мимо потока воздуха. Перед его глазами – только теплый родительский дом на берегу быстрой речушки, Докукин с его умными книжками, чугонок с горячими щами и улыбающаяся маманя.

«...Ай, да и хрен с ним!» – от полного отчаяния решил инструктор. Ему захотелось вдруг лениво потянуться

на теплой печке, зажечь свечу и читать... Он инстинктивно расправил руки в стороны и с широко раскрытыми глазами полетел навстречу неотвратно приближающейся земле...

Лямка парашюта сдвинулась. Где-то сбоку всего лишь на мгновение мелькнуло спасительное кольцо. Парашютист успел его выдернуть, одним пальцем. Еще через мгновение он уже был на земле. Парашют успел погасить смертельную скорость свободного падения.

У лейтенанта не было сил ни встать, ни собрать стропы. Его больно тащило по траве и разворачивало из стороны в сторону. Подбежали люди, погасили купол, ощупали, что-то спрашивали. Перед глазами инструктора появился старший политрук роты. Он нагнулся, смотрит на него, улыбается и как всегда что-то жует...

Ни молодой офицер, ни политрук – никто из воздушно-десантной бригады, стоявшей тогда в Старой Руссе, не знал, что через месяц всем им придется сделать свой главный, самый сложный прыжок. Им предстоит безрассудно броситься в омут угроз и противоречий совсем новой для них жизни, часто требующей тяжелого выбора и своего «спасительного кольца».

ВСЕ КОНЧИЛОСЬ – НЕ НАЧИНАЯСЬ

В сентябре 39-го парашютную бригаду, где служил Федор Астахов, не использовали. Даже после того, как немцы, нарушив условия московского договора, заняли Львов. А вот когда началась финская кампания, их то и дело вытаскивали в полной боевой готовности на аэродром и заставляли часами ждать приказа. При-

каз все не поступал. Так проходили недели. Только в самом начале января 40-го о бригаде наконец-то вспомнили.

Огромный, медленный бомбардировщик ТБ-3⁶ сильно трясло и качало из стороны в сторону. Шум от четырех моторов, мороз и холодный ветер через щели пронизывали насквозь весь самолет. Внутри фюзеляжа прямо на полу, на гофрированном дюрале, в проходах между кабинами, за бензобаками и в бомбоотсеках сидели парашютисты. Бойцы старались теснее прижиматься друг к другу, чтобы не кататься по полу, как шары от бильярда. Которые поопытнее, закрепляли на ногах валенки, чтобы они не слетели после раскрытия парашюта. Те, кого укачивало, на несколько минут подползали к открытому бомболюку и потом возвращались назад. Всякий раз, когда самолет сваливался в воздушную яму, белая каша из утренних макарон влетала обратно в самолет, обрызгивая всех рядом сидящих. Она, будто специальная маскировочная маска, успевала застыть на их лицах, ушанках и на высоко поднятых коричневых меховых воротниках полушубков, торчащих из-под белых маскхалатов. К этому все привыкли.

Командир роты десантников капитан Алексей Богданов и еще какой-то майор, хотя и с парашютом, но явно пехотинец, устроились в крыле, рядом с одним из моторов. Шум от него был ужасающий, но зато удобно сидеть. Капитан сидел без шлема и, наклонив голову, что-то кричал соседу. Его короткие русые волосы торчали ежиком, серые глаза под покрасневшими веками смотрели тяжело и устало. Из задней кабины вышел штурман и что-то сказал Богданову на ухо. Капитан, и так-то всегда мрачный и чем-то недовольный, теперь вообще стал чернее тучи.

– Соколов, Астахов, продвигайтесь ко мне! – крикнул Богданов, подзывая рукой старшего политрука роты Соколова и командира 1-го взвода.

Валентин Соколов – это белобрысый улыбчивый двадцатипятилетний парень. Два года назад его направили в роту парашютистов политруком из Нарвского райкома комсомола Ленинграда⁷. Он сидел вместе с новичками и потому приполз почти весь белый от замершей «каши».

– О чем только они думают, сволочи? – выдавил из себя Богданов. – Там нет боеприпасов. Только что сообщили на борт по «коротковолновой». Ты понял, Астахов?

– Чего ж не понять. Приземлимся, и всех накроют через полчаса.

– Может, у тех, что в окружение попали, хоть что-нибудь есть? – Соколов еле заметно мотнул головой в сторону майора, представителя 18-й дивизии.

– Есть или нет? Никто не знает. Уж во всяком случае, на них рассчитывать не приходится. – Богданов схватился замерзшей пятерней за подбородок. Он всегда, когда злился, хватался рукой за подбородок, как бы запирая рот на замок. – Короче! Давай так. Я с ротой выбрасываюсь, а вы вдвоем летите обратно. Соколов, ты глоткой пробьешь всех бездельников из штаба. Тебе можно. На все про все вам три часа дается. Без мин не возвращайтесь! – Последние слова были явно адресованы Астахову. Богданов проговорил их четко, и не отрывая глаз от Федора.

– Есть лететь обратно, – сказал Астахов.

В это мгновение громко застучали чужие пулеметы. Все сразу засуетились и прильнули к иллюминаторам. Тогда только ленивый не охотился за тихоходным бомбардировщиком. Обычно они вылетали без поддержки истребителей и ползли по небу со скоростью 170 километров в час навстречу неминуемой гибели. В этот раз было видно, как два фоккера⁸ зашли в хвост летящего рядом ТБ-3 и открыли по нему огонь. Оба пулемета бомбардировщика почему-то молчали, а из-под крыла уже скользила черная струйка дыма и прорыва-

лось пламя. Самолет медленно, заваливаясь на бок, тянулся к земле. Из бомбового люка и через верхнюю турель, соскальзывая вниз по огромным крыльям падающей черной машины, друг за другом вываливались парашютисты. Человек пять камнем летели вниз с горящими парашютами. Другие медленно спускались, и между ними, строча из пулеметов, шныряли истребители с голубой свастикой на фюзеляже. Там, куда на целых полчаса раньше положенного срока падал третий взвод десантников, их ждал противник...

Остальные самолеты благополучно выбросили оставшиеся два взвода и вернулись на базу.

Вблизи северного берега озера лежали замерзающие на 40-градусном морозе красноармейцы из 18-й дивизии 8-й армии и небольшой отряд парашютистов из 201-й бригады. Они лежали прямо на льду, перед островами, спрятавшись за большими металлическими щитами на полозьях. Не было ни снарядов для артиллерии, ни мин для минометов. Рядом с прибрежными островами то и дело появлялись финские лыжники. Своими безнаказанными набегами они порождали чувство безысходности. Тем не менее красноармейцы пытались разглядеть в слепящем снегу железобетонную огневую точку и уничтожить ее гранатами. Добровольцы один за другим ползли к ней по пояс в снегу, даже не пробуя искать минные заграждения.

Финны уже давно могли бы всех окружить и взять в плен, но их что-то сдерживало. Скорее всего, они не способны были представить, почему почти целая рота парашютистов, прямо на их глазах приземлившаяся на лед, не наступает. Возможно, финны опасались какого-то подвоха, потому что, конечно, понимали, что все это делается для прорыва двух окруженных пехотных полков. Но финны не знали об отсутствии боеприпасов! Это спасало и позволяло ждать.

Астахов и Соколов быстро завершили все формальности и приняли уже давно готовые для них машины

с минами и снарядами. Того, кто должен был их отправить к северному берегу озера, внезапно вызвали наверх для подготовки встречи какого-то большого начальника. А машины остались, и никому до них не было дела, пока парашютисты сами не появились на складе. Теперь нужно было ждать какого-то корреспондента, врачей и вместе с ними добираться до своих.

– Федь, а Федь, чего ты такой угрюмый? – сказал политрук, хлопнув по плечу Астахова.

– Да я такой всегда. А то ты не знаешь.

– Тебе сегодня нельзя. С днем рожденья! Ты, наверное, просто забыл, а мне такое забывать не положено. На, ешь – сказал Соколов, протягивая Федору галету. – Жаль, глотнуть нечего! Ну да еще не вечер. Все вроде сделали. Вывели бездельников на чистую воду, а? Ты согласен со мной, Федь? – Соколов, как бы отчитавшись за проделанное и с чувством удовлетворения от выполненной тяжелой работы, уверенно сел на деревянную скамейку во дворе штаба.

– Да согласен, согласен. С тобой всегда все согласны, – ответил Астахов, оглядываясь по сторонам. Двор штаба не лучшее место для ожидания и разговоров.

– Ротный как в воду глядел, когда тебя посылал. Как знал, что ты будешь орать и стучать кулаком по столу в кабинете у майора. Меня бы сразу упекли.

– Я еще не так могу, – продолжал жующий Валька. – Я даже думаю, что я чей-то родственник. Какой-нибудь шишки. А что? Я и в детдоме это всегда чувствовал. Старшие всех били, а меня – нет. Думаешь, случайно?

– Ну что ты, конечно нет, – подыграл Астахов. – Думаю, этот родственник где-то рядом, может даже, вон там, на третьем этаже, смотрит сейчас на тебя. – Федор, улыбаясь, показал на здание, где размещался командующий округом.

– Ладно, кончай изгаляться. Просто я везучий, – спокойно сказал Соколов, поднимаясь со скамейки.

Потом уже совсем серьезно спросил: – Как считаешь, спаслись наши с подбитой табуретки или погибли все?

– Наверняка, всех побили, – глухо ответил Астахов, – там кругом белофинны и лед, даже укрыться негде. Да и фоккер тот пока спускались, многих пострелял. Я видел нескольких с горящими парашютами...

– Погано, – выдавил Соколов. И вдруг спросил как будто сам себя: – А что остальные-то два взвода смогут?

– То же, что и три, – резко ответил Федор. – Кстати, и нам предстоит прогулка не из приятных – на машинах добираться вблизи от их берега.

– Ну, во-первых, все-таки на машинах, не пешком. Да и потом уже темнеет, – деловито ответил политрук. – Ты согласен со мной, Федь?

– Что темнеет, конечно, согласен. Только чую, что на машинах места для нас не будет.

– Как так?

– Да так! Ты ж посмотри, Валька, какой бардак, – со злостью заговорил Астахов, – сначала заставили целую роту ждать двое суток на морозе, прямо на летном поле, потом запросто оставили нас без снарядов...

– Это на всякий случай, чтобы начальство не ругало, – принялся разяснять политрук, явно издеваясь над штабистами. – Прикажут, а десант тут как тут. Готовенький...

– Мол, вон сидит десант весь беленький, в инее, – перебил его Астахов, – замаскировался под цвет снега на взлетном поле, отдыхает, слушает политинформацию. Ты думаешь, дальше все будет иначе? Если уж окунулись в дерьмо, так нахлебаемся вдоволь.

Соколов вдруг нахмурился и как отрезал:

– Стоп! Кончаем разговоры, вон топает корреспондент по мою душу. Этому на твои вопросы наплевать. Бардак – не бардак. Ему нужна хоть какая-нибудь победа. Хоть самая заваливающая. А вот место свое в машине теперь мы точно потеряли. В этом ты прав.

– На лыжах поедem за машиной, – идя вслед за политруком, быстро и уверенно произнес Астахов. Будто каждый день это проделывал и заранее все знал.

Через десять минут они в белых маскировочных халатах, зацепившись палками за грузовик со снарядами, мчались на лыжах по Ладожскому озеру. Впереди громко тарахтели еще две машины с минами. Все, что им нужно было, так это добраться к другому берегу до полуночи и доставить боеприпасы. Хотя какого-то свободного места в машинах не было. В первых двух везли врачей, их снаряжение и медикаменты, а в третьей приказали разместить корреспондента из московской газеты. Искать другой транспорт – опоздали бы к своим. Да и не даст никто.

Чистое звездное небо. Только яркий полумесяц луны хоть как-то освещает путь. Под ногами быстро мелькают совсем невидимые в темноте трещины и нагромождения из взломанных недавними взрывами кусков льда. Чуть промахнешься или сорвешься – все! Никто не будет останавливаться.

Их скоро заметили, и с финского берега начали методически и привычно обстреливать. От вспышек разрывавшихся поблизости снарядов становилось светлее и одновременно страшнее. Страшнее, потому что теперь, сразу за проехавшим вперед грузовиком, более явно стали обозначаться трещины, лишь на мгновение появляющиеся под ногами двух согнувшихся лыжников.

Идущая впереди машина чуть подпрыгнула, и политрук высоко подскочил на ледяном пригорке. Его лыжные палки взлетели вверх, и их металлические кольца сорвались с крючков заднего бампера грузовика. Валькин капюшон отстегнулся, а плохо закрепленная каска сдвинулась на мокрые от снега и от пота глаза. Она потянула за собой лихо выпущенный «козырек» из вязаного подшлемника. Астахов успел схватить за рукав улетающего назад Вальку Соколова.

Брезентовый низ рукавицы не скользил. Сцепившись вместе, они так и ехали до места назначения еще минут тридцать, беспомощно оглядываясь на мелькающие мимо них трещины, торосы, полыньи... Как два парашютиста с одним парашютом.

Наступило 5 января. Все утро с финского берега по льду стреляла береговая артиллерия, а оттуда в другую сторону, без маскировки, лупили минометы. Гул стоял невообразимый. Не пойми откуда появился взвод танков. Кто-то очень умный направил их прямо по льду в сторону островов, чтобы погасить огневые точки. Финская батарея по ним даже и не целилась: просто взломала взрывами лед и всех потопила. Только два танкиста успели выпрыгнуть. Они выплыли из огромной полыньи и мокрыми, но живыми добрались до десантников.

Преодолеть позиции финнов было не под силу. К середине дня бой в районе северного побережья Ладожского озера затих. Постепенно все начали приходить в себя. От пехотного батальона, ожидавшего под огнем помощи десантников, почти ничего не осталось. Горстка людей и все. В стороне двумя сплошными темными пятнами уже лежали собранные убитые и раненые.

Над ранеными кружились врачи и санитары, привезенные этой ночью на грузовиках со снарядами. Они кривыми хирургическими ножами с трудом срезали заледенелые брезентовые прорезиненные сапоги с кричащих от нестерпимой боли бойцов. Потом перевязывали их ноги, покрытые разорвавшимися кровяными пузырями обморожения. Было заметно, как санитары, с непривычки отвернув в сторону лицо с зажмуренными глазами, пытались поднять и перенести в кузов грузовика уже пораженных гангреной красноармейцев с черными, легко отваливающимися носами и ушами. Они не знали, что лучше: мазать чем-нибудь эти уже мертвые ткани или лучше их вообще не трогать... Ране-

ных обтирали гусиным жиром и складывали прямо на еловый лапник, нарубленный на ничейном берегу.

У Астахова впервые за всю его службу на душе было как-то особенно паршиво. Странно паршиво. Вроде что-то оборвалось: как будто все закончилось, не начинаясь. Была неудовлетворенность от всего. Сначала очень долго ждали на морозе отправки. Человек десять сразу отправили в госпиталь из-за обморожений. Потом летели без прикрытия. Потеряли еще целый взвод вместе с подбитым самолетом. Забыли снаряды. Опять, замерзая прямо на льду, ждали боеприпасы. Наконец, получили все, что нужно, а в результате – ничего, кроме погибших, раненых и новых обмороженных. Одна радость – не зря мучились с политруком. Не привези они боеприпасы – все погибли бы к утру. Даже он, простой лейтенант не мог не понять: что-то неладно там, наверху.

А старший политрук роты Валька Соколов, весело подмигивая Федору, залихватски рассказывал бойцам о том, чего ему и Астахову довелось натерпеться, доставляя боеприпасы. В роте его любили, и он как будто оправдывался, что в этот раз был не с ними. Всегда такой открытый, всегда что-то жевал и со всеми делился. На всех «выбросах» он – первый. А тут – не сошлось.

Сегодня он пытался обстоятельно разъяснить, почему и кто победил в этом бою, и как это хорошо для всех⁹. Для Советского Союза, и для финских трудящихся. Он говорил об этом как-то весело, сам выглядел настолько искренним и убежденным в том, что так красочно расписывал, что этому быстро верили и с ним неотвратимо соглашались. Только иногда молодые, совсем недавно мобилизованные красноармейцы с опаской оглядывались в сторону, туда, где стояли окрашенные белой краской грузовики с темными телами обмороженных солдат, и вновь продолжали внимать уверенным речам политрука. Их «радость и ликова-

ние» щелкал своим фотоаппаратом московский корреспондент.

Только после месяца войны будет уточнено, где находится линия Маннергейма. 7 января 40-го выйдет приказ о переходе к обороне и реорганизации войск. Ленинградский военный округ будет наконец-то преобразован в Северо-Западный фронт. Командующим этим фронтом и наркомом обороны одновременно назначат командарма 1-го ранга Тимошенко. Маршал Ворошилов передаст ему дела.

РАССТАНОВКА СИЛ. ПРИБАЛТИКА ПЕРЕД БОЛЬШОЙ ВОЙНОЙ

Р то касалось Финляндии, то, пожалуй, именно здесь сразу после 1917 года проходил редкий по своему цинизму политический эксперимент. В него были вовлечены разные иностранные государства и их политические деятели. Устремления многих, будто невидимые лучи света, преломлялись в снежных просторах этой северной страны, выявляя их разноцветный спектр лжи и лицемерия.

Сначала – это молодая Советская Россия. Она уже в первый год существования заложила изначальный мощный потенциал своего неприятия. Ей пришлось бесцеремонно вмешаться в гражданскую войну в Финляндии и поддержать оружием инспирированный ею же путч финской Красной гвардии против правительства и сейма. Получившая независимость от распадающейся в революционном пожаре Российской империи, Финляндия до войны имела с СССР

весьма сложные отношения. Декрет Советского правительства от 18 декабря 1917 года принес Финляндии долгожданную свободу, но в то же время обострил территориальные противоречия с большим восточным соседом. Все попытки их насильственного решения не добавили доверия друг к другу.

Потом появилась Англия с ее неумным желанием реанимировать интервенцию в Россию с севера через Финляндию. Это были и Германия, и Франция, и Бельгия, понимающие значение северного плацдарма против СССР и не просто так помогавшие следующие десять лет строить линию Маннергейма. В конце тридцатых – опять Германия. Сначала «сдавшая» Финляндию как разменную карту, а уже через три месяца после ее поражения в зимней кампании 39-го года строившая там свои военные аэродромы.

Перед самой войной с Германией руководство Советского Союза снова нацелилось на Финляндию. В этот раз уже с целью ее окончательного разгрома. Конечно, нехорошо, когда рядом страна с непонятной ориентацией провозглашает нейтралитет, и его признают США, Англия и Германия. Вот советские самолеты и принялись вдруг бомбить Хельсинки именно тогда, когда немецкие танки форсировали Неман и Двину. В результате такой политики на третий день после нападения Германии на СССР Финляндия тоже объявила войну Советскому Союзу, а еще через месяц вернула себе все земли, аннексированные в марте 40-го. Затем она прихватила почти всю Карелию, и только после этого остановилась и не бомбила и не штурмовала Ленинград, как ее ни упрашивали руководители Третьего рейха... Даже в октябре–ноябре 41-го, в самые трагические для Ленинграда дни, когда немцы временно захватили Тихвин.

*Премьер-министр Черчилль – Фельдмаршалу Маннергейму
Лично, секретно, в частном порядке*

Я очень огорчен тем, что, по моему мнению, ожидает нас в будущем, а именно то, что мы по причине лояльности вынуждены через несколько дней объявить войну Финляндии. Если мы это сделаем, то станем вести войну, как того требует ситуация. Уверен, что Ваши войска продвинулись настолько далеко, что безопасность страны во время войны гарантирована, и войска могли бы сейчас остановиться и прекратить военные действия. Не нужно объявлять об этом официально, а просто достаточно отказаться от борьбы военными средствами и немедленно остановить военные операции...

Для многих английских друзей Вашей страны было бы досадно, если бы Финляндия оказалась на одной скамье вместе с обвиняемыми и побежденными нацистами. Вспоминая приятные наши беседы и обмен письмами, касающимися последней войны (1939–1940 гг. – Б.К.), я чувствую потребность послать Вам чисто личное и доверительное сообщение для раздумий, пока не поздно.

29 ноября 1941 года.

(Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999)

В день независимости Финляндии, 6 декабря 1941 года, общество узнало сразу о трех значительных событиях. В этот день финский парламент торжественно известил о том, что освобожденные территории воссоединились с республикой, сообщили и о взятии Медвежьегорска, и об объявлении Англией войны. На следующий день, отвечая на ноту английского правительства от 28 ноября и просьбу в частной телеграмме Черчилля, Маннергейм, конечно не объявляя этого Германии и тем более Советскому Союзу, фактически остановил все активные боевые действия финской армии.

В конце войны, когда уже Запад просто списал Финляндию со счетов, она подписала перемирие с Советским Союзом, выгнала немецкие части со своей территории, провозгласив о своем неприсоединении и нейтралитете. Этим Финляндия в корне изменила

общественное мнение в стране, остановила естественный после победы СССР в войне переход к коммунистическому правительству и на удивление всем заключила вполне уважительный договор с Советским Союзом. Не капитуляцию и оккупацию, как это делалось в то время со всеми сателлитами Германии, а именно мирный договор.

Не считая Великобритании и СССР, каждая европейская страна, так или иначе участвовавшая во Второй мировой войне, была оккупирована, по крайней мере дважды, некоторые даже трижды. Финляндия не была оккупирована ни разу.

Те, кто всегда готов ответить силой оружия на каждый вызов иностранной державы, не всегда правы. С другой стороны, те, кто терпеливо и доверительно стремятся к мирным компромиссам, не всегда не правы. Наоборот, последние чаще оказываются в выигрыше, причем не только в моральном плане, но и на практике.

(Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991)

Поздней осенью 39-го все было яснее ясного. Думая о том, как обезопасить свою страну с севера, 12 ноября Сталин предложил Финляндии заключить советско-финляндский пакт о взаимопомощи по образцу договоров, уже заключенных с прибалтийскими государствами. В Финляндии должен был быть размещен ограниченный контингент советских войск, а также этой стране предлагалось совершить обмен территориями. Но финская делегация отказалась от заключения такого документа и уехала с переговоров.

В то время многие политики северного соседа мечтали о Великой Финляндии до Урала и поддерживали лозунг бывшего президента страны Свинхувуда: «Любой враг России должен быть другом Финляндии». С помощью этих «друзей», тратя до четверти своего государственного бюджета, Финляндия ускоренными темпами возводила укрепления, строила

военные базы и аэродромы, закупала вооружение, развивала тесное сотрудничество с другими странами, настроенными против СССР.

При таком раскладе оставалось одно. Никакой морали, когда речь идет о безопасности государства. Одна сплошная политика. Любыми средствами отодвинуть свою границу подальше от основных городов. Какими средствами?

Ну, хотя бы такими. К границе можно подтянуть батальон НКВД, зафиксировать инцидент с выстрелами из минометов, затем организовать митинг всеобщего возмущения, распространить 30 тысяч пропагандистских листовок. Потом нужно Молотову произнести речь с перечислением агрессивных действий Финляндии. А перед началом войны, между шестью и семью часами утра, по радио можно было бы зачитать Обращение ЦК финской Компартии к трудящимся Финляндии...

Так записал Жданов в своем блокноте. Так и сделали. А 30 ноября войска Ленинградского военного округа уже пересекли границу Финляндии.

Несмотря на колоссальные потери Красной Армии, к исходу февраля первая и вторая полосы 135-километровой неприступной линии Маннергейма были все-таки прорваны, и исход войны был предрешен. А уже летом 40-го три государства Балтии: Эстония, Литва и Латвия – сочли за благо превратиться в республики Советского Союза.

Министр иностранных дел Латвии приехал к нам в 1939 году, я ему сказал: „Обратно вы уже не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам“... Нашим чекистам я дал указание не выпускать его, пока не подпишет. Из Эстонии к нам приехал военный министр, мы ему то же сказали.

(Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991)

С точки зрения политической – после всего этого Советский Союз «якобы» исключили из Лиги Наций.

Именно тех наций, которые не смогли преодолеть инерцию своего мышления и пойти на союз с «большевиками» против Гитлера. Почему «якобы»? Потому что лидеры западных стран тогда не могли, да и не стремились ничего делать, кроме как сглаживать между собой два режима: Сталина и Гитлера. Из пятнадцати стран проголосовали за исключение только семь. Одних тогда просто не было, другие в это время думали о чем-то своем. В общем-то это были все те же Англия и Франция.

...Совет Лиги Наций состоит из 15 членов, за резолюцию же об „исключении“ СССР было подано только 7 голосов из числа этих 15, то есть резолюция принята меньшинством членов Совета Лиги. Остальные 8 членов Совета относятся либо к числу воздержавшихся, либо к числу отсутствовавших. Состав представителей 7 государств, голосовавших за „исключение“ СССР, говорит сам за себя: в число этих семи входят — Англия, Франция, Бельгия, Боливия, Египет, Южно-Африканский Союз, Доминиканская республика...

(Из сообщения ТАСС. 16 декабря 1939 года)

С военной точки зрения начало финской кампании было образцом никуда не годного управления, плохой разведки и чрезвычайной самоуверенности высшего командования. Но по истечении трех месяцев всем в мире стало ясно, что если Сталин решил, то Красная армия уничтожит кого угодно. Она при этом понесет любые потери, но сталинский приказ выполнит.

Тем не менее именно тогда у командиров Красной армии, особенно у младшего и среднего состава, впервые зародилось неверие в высшее командование и в собственные силы. Именно они были живыми свидетелями разительного несоответствия того, что официально провозглашалось государственной машиной, и того, что было на самом деле. Для разрушения одной деревянной избушки в среднем совершалось 7 са-

молетовылетов, сбрасывалось 27 фугасных и 20 зажигательных бомб. При финальном соотношении численности авиации 26 к 1 соотношение боевых потерь составило 8 к 1 в пользу крошечной финской авиации. Наконец, на одного убитого финского солдата приходилось шесть убитых советских солдат, а на одного раненого — семь. За один день боевых действий Красная армия в среднем теряла свыше тысячи человек убитыми и трех тысяч ранеными. А дней таких было 105.

ФЕДОР АСТАХОВ

До двадцать седьмого года вся семья Астаховых — мать, отец, два сына и четыре дочери — жили на хуторе в пяти километрах от деревни Хотнежа. Все свое. Все сделано своими руками. С большим трудом возделанная для выращивания хлеба лесная земля, сенокос для заготовки на зиму кормов единственной корове, глубокий, метров на десять колодец и дом. Сотни камней и пней были выкопаны из земли и перетащены в овраг. Большие сараи были полны сена и дров.

Федька, младший из сыновей, был невысокий, крепко сложенный темноволосый голубоглазый парень. Он отходил четыре года в деревенскую школу. Худо-бедно научился читать и писать. Но большой семье средств для жизни не хватало. Нужно было работать. Сначала он пас коров, потом помогал отцу и старшему брату на лесозаготовках, а позднее, лет с десяти, Федору доверили развозить по деревням в округе почту.

Так проходило его детство.

Началась коллективизация¹⁰. Создавались колхозы. Многим пришлось побросать свои хутора и переехать в деревни. По бревнышку перевезли свой дом в деревню Хотнежа и Астаховы. Федька вместе с такими же как он деревенскими парнями каждый день был занят работой в колхозе. Агитировали, собирали все, что оставалось от раскулаченных богатых крестьян и свозили в общий сарай. Строили новую жизнь. Без богатых.

К этому времени старший сын Астаховых Алексей ушел служить в Красную армию, а младший продолжал работать вместе с отцом на лесозаготовках. Вечерами он учился в школе для взрослых, потом бегал на танцы в соседнюю деревню. Там в потасовках с пацанами из ближайших деревень у Астахова появились первые приятели: Петров, Петька Лукин, Витька Лихачев, братья Кленовы, Никитин. За активное участие в коллективизации все они были награждены значками. Гордо ходили, красовались. Значки почему-то были совершенно черного цвета.

Уже позднее старший Кленов, Всеволод, как наиболее активный и безжалостный борец с кулачеством, стал бригадиром в колхозе, а потом его взяли на работу в Сабский сельсовет, где он, быстро почувствовав вкус власти, стал расти, как говорилось, «по советской линии». Витька Лихачев на всю жизнь испортил левую руку на лесозаготовках, замкнулся в себе, много читал, сам учил языки, любил заниматься математикой, старался ни с кем не общаться. Он по-прежнему жил в Хотнеже у своей бабки и работал в правлении колхоза бухгалтером.

В эти годы Федор уже редко навещался к Петру Михайловичу Докукину, у которого любил бывать в детстве. А позднее, в 37-м, он узнал от матери, что художника увезли. Никто ничего не знал. Двери настежь, ни одного холста. Только на подоконнике остались его

очки, похожие на пенсне. Опять вроде бы кто-то приезжал... У Федора было чувство, что у него отняли что-то важное и близкое.

Когда призывали в армию, Астахов с удовольствием шел в военкомат. Он хотел быть шофером, а потом остаться на сверхсрочную службу. Во-первых, такая профессия всегда пригодилась бы в жизни, а во-вторых, вообще армия это здорово. На всем готовом: и тебе питание, и одежда, и жилье, все скажут, все прикажут. Он крепкий, подготовленный. Не последним будет. А то вдруг и сможет вырасти в какого-нибудь важного командира с лампасами и с большим количеством орденов. Как те, что красовались на картинах Докукина. Но шофером его не взяли.

– Ты, дружок, оказывается, цвета не различаешь, – сказал капитан из медицинской комиссии.

– Как это? – пробурчал Федор.

– А так. Тебе все равно, что красный, что зеленый. Можно пойти в парашютисты, учиться на диверсанта, – добавил врач, шутя и сочувственно. – Это почти что летчики. Форма такая же красивая, да и лампочка перед прыжком загорается только одного цвета.

– Но туда – боязно, – влез рядом стоящий парень в кальсонах. – Прыгать вниз с самолета в надежде на какую-то тряпку? Не-е. Боязно. А если она застрянет или порвется?

Федор сразу для себя решил: «Зато не в пехоте. В одиночку, в тылу у врага, это я, пожалуй, сумею. Здесь у меня получится».

Их парашютная бригада стояла в Пушкине. Здесь с начала тридцатых годов зарождались советские воздушно-десантные войска. Первые прыжки с парашютом, первые разбившиеся. Вредительство, иголки в парашютах – целое кладбище погибших. Долго не могли понять, где и когда эти металлические иглы вставляли в ранцы с парашютом? То ли при укладке, то ли уже внутри самолета. А может, и в общей неразберихе пры-

мо перед прыжком с крыла. Не нашли. Зато в семейных альбомах на фотографиях комсостава бригады треть старших командиров были затушеваны – «враги народа». Каждый месяц кто-нибудь да объявлялся «врагом»... А курсантов было много. Казарма тесно наполнена койками. Они так близко друг от друга, что порою молодые парашютисты просыпались ночью от того, что сосед бил соседа во сне, будто выдергивая рукой кольцо на счет «10». Как при затяжном прыжке.

К 1939 году Астахову уже двадцать шесть лет. Он кадровый офицер, лейтенант, инструктор парашютного дела, совершил свыше ста прыжков. Воспитан на песнях о том, что «Красная армия всех сильнее», что она будет воевать только на вражеской территории и не допустит противника на свою землю. Кадровые чистки 37-го года младших командиров почти не коснулись. Да он тогда об этом ничего толком-то и не знал. Так что у него, Федора Астахова, все прекрасно: он служит, у него все получается.

Всем, кто служил в авиации и десантных войсках, выдали новую форму. Она была очень похожа на черный немецкий эсэсовский мундир. Только темно-синего цвета. Китель был украшен голубыми кантами, которые шли по воротнику и верхнему краю обшлагов, а также по боковым швам командирских галифе. Под кителем – светлая сорочка с галстуком. Вместо буденновки темно-синяя пилотка с голубыми кантами и такой же суконой звездой, поверх которой крепилась эмалевая красная звездочка. Конечно же, сапоги, а не обмотки, как у многих красноармейцев того времени.

Тогда же, летом 39-го, в Пушкине Федор познакомился с Тонечкой Павловой, невысокого роста, кареглазой, улыбчивой девушкой. Тоня работала акушеркой в родильном доме, что около Кировского завода в Ленинграде. Летом в свободное от дежурств время она любила с подружками уезжать на элект-

ричке подальше от города, в Пушкин. Там можно было купаться, загорать, просто бродить. Они увидели друг друга на выходе из Александровского парка в очереди у киоска с мороженым. Простая история – пришла пора, они влюбились. Федор и Антонина встречались несколько месяцев. Ему было 26 лет, ей – 22. Самое время строить семью. Федору нравилось гулять с Тоней по улице. Ему казалось, что ее знали все женщины района. Всегда здоровались, потом останавливались и подолгу говорили о чем-то своем, секретном. Федор шутливо сердился: «Просто невозможно вместе гулять!» О ней все всё знали. Ее все любили. Во время увольнений Астахов бывал у Тони дома, она жила с мамой и сестрой в коммунальной квартире на Турбинной улице. Они мечтали о своей будущей совместной жизни, мечтали получить комнату, иметь детей.

Отец Федора умер еще весной. Мать, умная, крепкая женщина, осталась в деревне одна. На ней было все хозяйство: корова и бревенчатый дом из двух комнат, что стоял на берегу быстрой и мелкой речки Лемовжи. Четыре дочки еще раньше вышли замуж и переехали в Ленинград. О старшем сыне Алексее она уже давно ничего не слышала. Только Федор знал, что его старший брат уже в прошлом году носил петлицы крапового цвета с малиновым кантом и тремя шпалами. Капитан госбезопасности.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВАЛИ ПАВЛОВОЙ:

Тоня – это моя тетя. До войны мы вместе жили около Кировского завода, на Турбинной улице, в одной квартире. Я радовалась, когда в гости к Антонине приходил ее жених Федор. Вместе с соседкой-подружкой Шурой мы задирали головы высоко вверх, но все равно видели только его большие до блеска начищенные сапоги, галифе и широкий ремень с пряжкой. Мне было пять лет, а Шурке вообще три годика. Он поднимал меня над своей головой и потом быстро и щекотно опускал на пол, задерживая лишь у самого

пола. Мне нравилось, и я кричала: „Еще хочу, еще хочу!“ – и вновь оказывалась под потолком. Мама говорила, что дядя Федя парашютист-десантник. Это такие новые войска. Мой папа тоже военный. Он был комиссаром летной школы и тоже раньше служил в Пушкине, около Ленинграда, а потом уехал в командировку к озеру Байкал. Его зовут Борис Потапович, и он работает в военной газете.

Антонина вышла замуж за Федора в 39-м, 2 декабря. На свадьбу мы все вместе ездили к нему на родину, в деревню Хотнежу. Было весело. Много гостей. Запомнила высокие красные песчаные берега вдоль речки Лемовжа, дом на берегу, на холме старую церковь. Слева был маленький белый домик – школа, а справа почти такой же – почта.

Через месяц Федор уехал воевать в Финляндию. Мы очень переживали за него, когда приезжали машины с ранеными и обмороженными с линии Маннергейма. Летом я слышала, как взрослые говорили: „Федор сейчас в Бессарабии, в Измаиле“. А 1 марта 1941 года Тоня вместе с семимесячным Лериком уехала куда-то в Прибалтику. Это было новое место службы Федора...

ПЕТР ДОКУКИН

Петр Михайлович Докукин был дальним родственником барона Черкасова, который работал сначала подьячим-копиистом в кабинете Петра Первого, а позднее, пользуясь особым доверием императрицы Елизаветы Петровны, зачастую сам вместо нее искусно подписывал указы. Через его руки проходили почти все дела как государственной важности, так и малозначимые. Он занимал исключительное положение секретаря и близкого друга императрицы.

В старости барон Иван Антонович Черкасов, а позднее и его сын часто бывали в Редкинской мызе Ямбургского уезда. Здесь, по обе стороны от речки Вруда, находилось десять деревень, в том числе и те, что по сей день называются Хотнежа, Большой Сабск и Волна. После завоевания Ингерманландии история этих мест была связана с целым рядом ярких исторических личностей. Сначала деревни были жалованы небезызвестному адмиралтейскому советнику Александру Кикину, а через шесть лет конфискованы у него в связи с делом царевича Алексея и отданы князю Ивану Федоровичу Ромодановскому. Потом ими владела его дочь. Будучи двоюродной сестрой самой императрицы Анны Иоанновны по материнской линии, она была замужем за сыном первого российского канцлера Головкина и потому имела огромное влияние. Во времена правления Елизаветы Петровны все это семейство, как водится, было сослано в Сибирь. А Редкинскую мызу пожаловали действительному тайному советнику Ивану Антоновичу Черкасову в вечное потомственное владение.

С начала XIX века большинство других имений Ямбургского уезда стало владениями дворян нерусского происхождения, в основном выходцев из Прибалтики или Германии. Живя в столице, они приобретали имения недалеко от Петербурга, но поближе к западным границам губернии. Деревней Смердовицы владели Тизенгаузены, один из которых когда-то был декабристом. В Изваре жили Рерихи. В этих же местах проживал уроженец Саксонии, который был начальником штаба корпуса, защищавшего дорогу на Петербург в Отечественной войне 1812 года.

Вот на таком «замесе» из секретаря российской императрицы, военного немца и русского декабриста и появился на свет в 1875-м году Петр Михайлович Докукин.

Деревня Сосницы, где родился Петр, совсем близко от Извары. Там было имение Рерихов. Николай

Рерих был на три года старше Докукина. Оба увлекались живописью. Самые ранние, заветные детские впечатления, которые формируют у человека склад ума и сохраняют свою ценность в течение всей последующей жизни, были связаны у них с поместьями родителей. С возрастом увлечения двух юношей постепенно стали разделяться. Николай собирал гербарии и коллекции минералов, а Петр стал читать запрещенные книжки, записался в какой-то кружок «борцов за справедливость».

Докукин поступил в Императорскую Академию художеств как раз тогда, когда Рерих ее уже заканчивал. Наверное, это и определило все в судьбе Докукина. Через несколько лет Николай был уже известным художником, а Петр, проникшись революционными идеями, вместе с такими же, как он, начинающими художниками писал карикатуры на царя и его министров. Потом в типографии делали листовки. Их было очень мало. Поэтому в основном они распространялись тут же, рядом, среди студентов Петербургского университета.

Тогда на рубеже веков российское студенчество отличалось особым вольнолюбием. Студенты собирались в различные кружки, где философские споры перемежались политическими дебатами и литературными диспутами. В моду входил символизм¹¹. На одном из студенческих кружков, где часто бывали девушки с Бестужевских курсов, Петр познакомился с Айникки Коскинен, дочерью финского пастора. Айникки хотела стать учительницей, любила музыку и поэзию, но в шумной и сумбурной атмосфере студенческого кружка чувствовала себя стесненно. Многие девушки интересовались политикой, женским равноправием и стригли коротко свои волосы. Айникки уважала независимость и широту суждений своих подруг, но подражать им не хотела – светлые гладкие волосы длинной тяжелой косой лежали у нее на спине.

Именно эту красивую светлую косу и увидел сначала Петр, а потом спокойные голубые глаза. Никто не знает, как встречаются два взгляда, как рождается любовь... Айникки владела редким даром – она умела слушать. Слушать, чтобы понять, а не для того, чтобы возразить и поспорить. Петр подолгу рассказывал ей о своем детстве, своих увлечениях и мечтах.

Айникки и Петр полюбили друг друга и вскоре поженились. Скромная свадьба состоялась в Койвисто, где жил отец невесты, пастор новой, только что выстроенной лютеранской кирхи¹².

Айникки любила мужа, но, несмотря на все старания Петра, не смогла и не захотела принять его политические взгляды. За год до начала Первой мировой войны Петра Докукина арестовали и вместе с целой группой студентов Академии сослали на Северный Урал. Коскинен уехала из Петербурга в Койвисто. Вскоре у нее родился сын.

В феврале 17-го года Докукина освободили. Тогда он уже был довольно известным в среде активистов победившей революции. Но ссылка оставила свой неизгладимый след на его здоровье: у него нашли тяжелое заболевание легких. По поручению Временного правительства Петр Михайлович стал активно заниматься музеями, памятниками архитектуры, библиотеками, творческими союзами. Здесь он вновь встретился с Рерихом. В марте 17-го Горький собрал писателей, художников, артистов и создал Комиссию по развитию искусства в России. Николай Рерих стал его помощником. Докукин активно участвовал в этой работе. Однако это продлилось недолго. Вскоре Николай Рерих уехал с семьей лечиться в Финляндию. Докукин остался – вихри революции полностью захватили его жизнь.

Только в начале 18-го года ему удалось навестить семью и в первый раз увидеть своего Тойво. Тогда его сыну было уже пять лет. Весь в мать. Такие же голубые

глаза, улыбка... Только волосы, как у Петра – темные. У Айникии тяжело болела мать, и она отказалась от предложения мужа переехать в Петроград.

Прошло еще два года. Гражданская война в Финляндии, а вместе с ней и ее первая война с Россией завершилась. В октябре 20-го был заключен Тартуский договор¹³ и новая граница теперь уже проходила по реке Сестре. Город Койвисто и вся Выборгская губерния стали финской территорией.

Еще два с половиной месяца после подписания мирного договора продолжалась война. Ездить в Койвисто, где жили жена и сын Докукина, стало невозможно.

Тем временем изменилась обстановка в России. Либеральные взгляды Докукина, заложенные в его генах, быстро пришли в противоречие с постепенно поглощающим все и вся новым сталинским режимом управления страной. Он, образованный, творческий человек, стал не нужен. Именно в это время обострилось его хроническое заболевание легких.

Докукин обрезал все свои связи и в 25-м году уехал в деревню, на родину. Это не был шаг отчаяния или результат обиды. Его по-прежнему интересовала политика, события, происходящие в стране. Но теперь как-то отстраненно и пассивно. Скорее по привычке и в ожидании изменений к лучшему. Не его время. Он много читал, писал портреты государственных деятелей и их семей. Время его жизни уходило сквозь пальцы. Одиночество медленно разъедало душу. Воспоминания революционной молодости потеряли контрастность. Только одно воспоминание тупой болью отдавало прямо в сердце. Светлое лицо Айникии, заходящее солнце, пробивающееся сквозь стрельчатые окна кирхи, и звуки органа – баховский «Аир», захватывали все чувства и уносили их вверх, оставляя щемящую грусть.

Как раз тогда ему приглянулся мальчишка-почтальон, и он часто с ним откровенно беседовал. Не столь-

ко для обучения пацана, сколько для самого себя. Для того, чтобы кто-нибудь слушал его размышления. Только так, в разговоре, он мог осмысливать происходящее вокруг него и свое место во всей этой запутанной жизненной круговерти. И потом, он напоминал ему сына, которого Докукину довелось увидеть всего лишь один раз.

Проходили годы. Все реже и реже навещал художника полюбившийся ему парень. А новая жизнь, которую так ждал Петр Михайлович, все не приходила. Старая же становилась только хуже и хуже. В 37-м его арестовали и быстро осудили на 15 лет. Это и не удивительно: больше половины героев его полотен вообще были расстреляны.

После такого, второго по счету отторжения от Родины, Докукин уже не смог подняться. В это время казалось: чуть подтолкни его в пропасть – полетит, не сопротивляясь. Только воспоминания о знамени-том предке бароне Черкасове, как и он, отправленном в ссылку за верность одному человеку или одной идее, поддерживали в нем жизнь и надежду на то, что он еще будет востребован. Востребован новой, цивилизованной властью.

Докукин содержался в пересыльном лагере для осужденных возле Кингисеппа и третий год ожидал отправки в уже знакомый ему район Северного Урала. Его не отправляли, потому что он был еще нужен. Вернее, не он, а его «добровольные» показания по длинной цепочке дел. Казалось, никто не сможет остановить этот маховик бесконечных допросов, показаний и очных ставок, где все уже заранее было predetermined.

О начале войны с Германией заключенные узнали очень просто: уже через неделю город и важный железнодорожный узел Кингисепп бомбили немецкие самолеты. Местная охрана начала готовиться к эвакуации. Прошла неделя, другая. Наиболее «ценных»

заклученных уже вывезли. Танки Рейгардта оттеснили части 8-й армии на Копорское плато и 15 августа заняли Нарву. В лагерь прибыл отряд НКВДэшников, и многие заключенные поняли, что это конец.

РАЗОРВАННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Осенью 40-го года по просьбе только что образованных правительств Красная армия вошла в Литву, Латвию и Эстонию¹⁴. 8-я армия была переброшена сюда после окончания финской войны, а пятый воздушно-десантный корпус по завершении операции в Бессарабии. Местное население по-разному к ним относилось. Кто приветствовал Красную армию, шел навстречу с цветами, как в Бессарабии, а кто-то, затаив злобу, прятался до поры до времени, ожидая своего часа. Каждый день происходили ЧП, диверсии, поджоги...

Лейтенант Федор Астахов разместился в деревянном доме у старого латыша, на окраине Двинска. Вскоре к нему приехала жена с маленьким сыном. Нужно было обзавестись мебелью, одеждой. Нужно было начинать новую жизнь.

Прошел месяц. Понемногу обвыклись на новом месте. Федор возвращался из казармы домой поздно вечером и не мог нарадоваться крошечному сыну, жене, уютной комнатке. Когда он начинал ужинать, Валерка уже сладко спал в маленькой кровати с кружевными занавесками. Антонина приносила из кухни большущую чугунную сковородку, и запах жареной картошки с котлетами заполнял весь дом.

Иногда Федор приходил домой с приятелем Валькой Соколовым. Этот всегда веселый парень мгновенно, как комбайн, съедал почти всю картошку и потом вежливо ждал приглашения приступить к котлетам. При этом он успевал без умолку рассказывать про свою «жисть» в детдоме, а потом на Кировском заводе... В разговорах выяснили, что он знает Тониного брата Бориса, который, как и Соколов, тоже в начале тридцатых годов был членом Нарвского райкома комсомола.

Утром, перед уходом на службу, Астахов нежно вынимал сынишку из кровати, прижимал к лицу, а затем высоко поднимал его на вытянутых руках и говорил: «Вырастешь большим, будешь, как папка, парашютистом или летчиком!» Тоня старалась скорее забрать маленького из крепких рук Федора и опять укладывала в кровать.

Прошло еще три месяца. Они обзавелись мебелью. В новом большом шкафу появились пальто и шуба, вешалки с платьями...

В тот воскресный июньский день они особенно не рассуждали. Финская война их уже многому научила. Федор приготовил большую новую шубу и документы. Тоня – Валерку и узелок с тряпками. Хозяин успел сварить для них курицу. Они присели перед уходом, помолчали. Астахов взял с комода их единственную семейную фотографию, отрезал себя в командирской форме и сказал: «Немцы найдут, увидят, что жена командира, – расстреляют».

Они долго бежали к вокзалу. На руках у Антонины маленький Валерка. Он притих и зыркал карими мамкиными глазенками в разные стороны.

На станции Двинск-2 было столпотворение. Люди стояли, сидели кто на чем: на чемоданах, сумках и даже на привезенных сюда стульях от домашней мебели. Все ждали поезда. Ждали с самого утра с велосипедами, детскими колясками, корзинами... О поезде ничего

не было слышно. Но его все равно ждали. Будто забыли, как три дня до этого семьи военнослужащих уже пытались организованно отправить на восток. Однако эти «панические» мероприятия были жестко остановлены директивой из Москвы.

Времени было в обрез. К 14.00 Федору нужно было прибыть к месту сосредоточения роты. Его взвод вместе с заместителем Астахова должен был подойти к 15-ти. Это в десяти километрах от Двинска, около поселка Медуми. Оставалось минут сорок. Вдали что-то сильно гудело...

От начальника станции ничего не добиться. Он сидел у себя в кабинете, заполненном до отказа военными и гражданскими, и только мотал головой. Хотя бы молчал, а то все время повторял: «Должен быть поезд, должен быть...» Какая-то не то уборщица, не то стрелочница попыталась ему помочь:

– Еще утром передали, что со станции Двинск-1 придет специальный состав для эвакуации семей военнослужащих. Только его почему-то нет.

– Так позвоните! Узнайте, в чем дело. Еще есть кто-нибудь из начальства? – раздраженно кричал какой-то майор.

– А то ваш главный вроде как уже ничего не сообщает, – добавил стоящий рядом гражданский.

В кабинет протиснулся Федор с женой и ребенком. Судя по лицам всех, кто там был – никто ничего не знает. Все пытаются искать правду, на чем-то настаивать и требовать.

Громко хлопнув дверью, вошел военный комендант города.

– Спокойствие! Всем покинуть кабинет и ждать поезд на платформе. Подготовьте семьи к посадке. Поезд будет стоять только пять минут и ни минуты больше. Вот вы, товарищ капитан, – военный комендант обратился к высокому грузному военному, который, судя по возрасту, наверняка был из снабженцев, –

организуите отъезжающих на платформе. Будет всего восемь вагонов и нужно успеть погрузиться.

«Надо же, какой деловой, – подумал Федор. – Где же он раньше был? Нет, так не бывает». – Он смотрел на этот спектакль и думал только о том, что Двинск-1 совсем рядом, а никаких поездов не слышно и не видно. Зато все отчетливее слышится приближающийся гул.

– Тоня, бежим отсюда, – крикнул жене Астахов, вытаскивая ее из переполненного кабинета. Спрыгнув с платформы, он потащил ее вниз, взяв сына на руки. У Антонины руки были заняты шубой и узелком с едой. Она еле спрыгнула на рельсы, порвав подол своего нового ситцевого платья в горошек.

– Должны же дать поезд, Федя. Видишь, все ждут. Да и начальник сказал, – жалобно попыталась возразить Тоня.

– Нет, нет. Нужно найти хоть что-нибудь, хоть резины какую. Здесь нельзя оставаться.

– Да почему? – не понимала Тоня. – Не слышно ни самолетов, ни пушек...

– Да вот же гудят, – Федор показал рукой куда-то вверх. – Скоро здесь будут.

На дальних путях, за кустами, в стороне от основных платформ он уже давно увидел небольшой обшарпанный товарный состав со старыми вагонами из неровно сколоченных досок. Впереди был паровоз. Теперь он чуть заметно дымил.

«Смотрит вроде бы на восток, – сам себе сказал Астахов. – Чего рассусоливать: пустят не пустят, пойдут, не пойдут. Раз дымит, значит пойдут. Не ждать же немцев на вокзале». Федор отломал железкой петли с замком на вагоне и раздвинул ржавые, скрипящие двери. Внутри было пусто, только у стены валялся деревянный ящик, и лежала кучка сена. Он поцеловал маленького, жену, посадил ее в проем между дверей вагона. Антонина не плакала. Она устроилась на

сене, Валерка рядом. Шуба есть, еда есть! Уверенный тон Федора успокаивал.

– Добирайтесь в деревню к моей матери. Туда немцы не дойдут. За меня не беспокойся. Что бы ни произошло, что бы вокруг ни говорили, я обязательно выживу. – Потом он размашисто махнул рукой, будто отрезая их, как на семейной фотографии, от надвигающейся беды. Последний раз взглянул на своих, обратно сдвинул двери и слегка скрепил их проволокой, чтобы можно было открыть изнутри. Высоко в небе уже появились первые немецкие самолеты, а уверенности в том, что этот поезд уйдет, не было.

Через мгновение Астахов почувствовал толчок от сцепки вагонов. Состав тронулся и медленно пополз прочь от этого вокзала. На восток, в сторону его родной деревни.

В его жизни еще не один раз будет такое же теплое чувство спокойствия и за себя, и за своих близких. Будто железнодорожный состав – это какая-то неведомая сила. Она уносит его от беды, постукивая колесами, или сама беда исчезает вместе с уходящим поездом. Федор несколько секунд смотрел ему вслед, потом быстро повернулся и побежал в сторону платформ с людьми. Там рядом стояли военные мотоциклы. А над городом уже всюду кружили вражеские самолеты, выбирая себе цель, и с ревом устремлялись вниз, сбрасывая бомбы.

Прошло пять минут. Вокзал горел. Кругом лежали убитые и раненые, валялись разбитые велосипеды, разбросанные ветром тряпки, летние разноцветные ситцевые платья, платки...

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Никакой коалиции против агрессивной Германии так и не получилось. Политику всех без исключения крупных стран Европы определяла только их собственная национальная безопасность. Причем безопасность эта была основана на том, чтобы до поры до времени любыми способами избежать прямого столкновения с новой германской армией. Эта армия, вдохновляемая реваншистскими устремлениями и нацистской идеологией, была вскормлена кредитами всеядного капитала той же Западной Европы и Соединенных Штатов Америки.

Заклучив договор с Германией о ненападении, отодвинув свои границы от Ленинграда, Москвы, Киева, Минска и Одессы за счет захвата части территории Финляндии, присоединения Эстонии, Латвии, Литвы, возврата Бессарабии и западных районов Украины и Белоруссии, Советский Союз задачу по усилению своей безопасности выполнил.

Красиво это делалось или нет? Политика тем и отличается от юриспруденции, что она начинается там, где право уже ничего не может, да и не значит. Тем более, что очень часто в мире, и тогда и сейчас, как юриспруденция, так и историческая наука были на службе именно у политики.

Правда, все эти достижения в области безопасности были, как оказалось, ненадолго.

Предпринятые попытки организации антигерманского путча в Румынии в январе и в Югославии в марте 41-го Берлин однозначно связывал с подрывной деятельностью агентов Москвы и Лондона. Пакт СССР о дружбе и ненападении с сербским проанглийским правительством, заключенный Советским Союзом в апреле, должен был способствовать сплочению совместного англо-югославо-греческого фронта против Германии. Так считали в Берлине.

И это стало последним поводом для начала войны. Пытаясь оправдать свою агрессию, 22 июня 1941 года посол Германии передал Молотову ноту, в которой на двенадцати страницах, подробно «пояснялись» причины немецкого нападения.

...В Москве при разграничении сфер интересов советское правительство заявило рейхсминистру иностранных дел, что, за исключением находившихся тогда в состоянии распада областей бывшего Польского государства, оно не намерено оккупировать, большевизировать или аннексировать находящиеся в его сфере влияния государства. Но в действительности, как показал ход событий, политика Советского Союза в это время была направлена исключительно на одну цель, а именно на то, чтобы везде, где можно, продвинуть на Запад военную власть Москвы в пространстве между Ледовитым океаном и Черным морем... Оккупировав и большевизировав всю предоставленную СССР на переговорах в Москве (23 августа 1939 года. – К.Б.) правительством рейха сферу интересов в Восточной Европе и на Балканах, советское правительство явно и однозначно нарушило Московские соглашения...

(Из текста Ноты Германии от 21 июня 1941 года)

Расквартированная в Двинской крепости стрелковая дивизия 8-й армии несколько дней назад двинулась навстречу немцам в сторону Каунаса и была разбита. В небольшом городе Зарасай сосредоточилось то, что от нее осталось. Кругом неразбериха. Вдоль дороги на Двинск толпились гражданские и военные. Кто шел, кто сидел, кто стоял. Большинство скопилось около полевой кухни. Начальники кричали друг на друга. Тут и там слышалось: «Паника, плен, диверсанты». Во вчерашнем приказе тоже только и написано, что о предателях и паникерах и что им, мол, не место в Красной армии. Хоть бы одну толковую, четкую команду! Что конкретно и кому делать. Хоть бы кто-нибудь начал говорить на военном языке, а не лозунгами с плакатов. В таких условиях люди старались

просто ничего не делать или, усердно проявляя бдительность, во всех видеть только диверсантов. Целее будешь.

Вчера в район северо-западнее Двинска прибыли основные силы 5-го воздушно-десантного корпуса под командованием легендарного генерала Безуглова. Командир взвода парашютистов, лейтенант Федор Астахов, только что отправил свою семью. Его жена Тоня и маленький Валерка в товарном составе ехали на восток, а он из Двинска на мотоцикле – к месту сбора роты. Туда же шли бесконечные колонны красноармейцев и техники, навстречу – такие же необозримые толпы беженцев. Жара. Пыль плотной стеной стояла по всей дороге. Спасали огромные очки поверх шлема.

За поворотом, около большого куста с еще зелеными гроздьями рябины, он успел заметить изуродованные взрывами гранат тела литовских милиционеров. Их было человек восемь. Видимо, уходили из Каунаса плотной группой в форме. Хорошая мишень для шаумитов. Рядом, ничего не делая, толпились беженцы и военные. Шаумиты – это литовские добровольные помощники наступающей немецкой армии. Кажется, что они повсюду. Практически в первый же день войны они легко взяли власть в Каунасе, затем в Вильнюсе, а теперь хозяйничают здесь, в Латвии. Выскочат на дорогу, забросают гранатами отступающие части и исчезнут. Прямо как финские лыжники в прошлом году.

Мотоцикл тарахтел так, что ничего другого не было слышно. Все вокруг продолжало двигаться, словно в немом кино. Как смена кадра, перед глазами Астахова мелькнула совсем другая, но до боли знакомая картина: он вместе с Валькой Соколовым мчится на лыжах по Ладожскому озеру, зацепившись палками за так же громко тарахтевший грузовик со снарядами... Дорога продолжала петлять. Астахов будто во сне ехал еще некоторое время. До места сбора оставалось кило-

метра полтора. Впереди, справа от дороги, Астахов заметил что-то неладное.

Вот тебе на! Красноармейцы в ботинках с обмотками и с длинными винтовками наперевес ведут под конвоем Богданова, его командира роты, а с ним почти целый взвод парашютистов. Все без оружия. Впереди колонны гордо шагает какой-то подполковник или НКВДэшный капитан с тремя шпалами на петлицах¹⁵. Не разобрать: их так часто меняли последнее время. Да и здесь почти у всех они красные. Астахов как несся, так, прямо не тормозя, развернулся на мотоцикле, обдав всех свежей дорожной пылью. Остановился у них на пути и на секунду задумался; как поступить? Ситуация необычная – как бы не навредить. Осторожно стал вытаскивать из кобуры пистолет. Его вовремя остановил Богданов:

– Астахов, стой, молчи, убьют!

Из колонны донеслось:

– Помполит вон начал кричать, пистолетом размахивать, так его тут же и расстреляли.

– Кого расстреляли? Соколова расстреляли? – закричал Астахов.

– Вон он лежит.

На обочине, в пыльной траве, лежал тот самый Валька Соколов, жизнерадостный парень, всегда готовый прийти на помощь бойцам роты. Его неподвижное лицо с наивным удивлением смотрело в небо, правая рука была неестественно вывернута, на рукаве ясно виднелась красная звездочка. Рядом валялись его документы, и ветер подхватывал их, неся под ноги безразлично идущих в разные стороны красноармейцев и беженцев.

У Федора Астахова никак не укладывалось в голове, что убит Валька, с которым он столько прошел и столько испытал. И он убит не кем-нибудь, а своими! «И почему такое может быть вообще? Почему кто-то может не знать о нас? Ведь мы пришли, чтобы оста-

новить немцев, спасти отступающие части. А может, эти красноармейцы и есть те самые переодетые немцы, которые захватывают наши мосты? Вряд ли. Немцы не стали бы накручивать обмотки...»

К Астахову подбежали трое, вытащили из мотоцикла, скрутили руки и, пиная ногами, толкнули в колонну. Там свои ему быстро разъяснили, кивая на конвоиров:

– Эти никогда не видели такую форму. Уверены, что мы немцы.

– Но если немцы, то зачем же тогда мы в немецкой форме идем по русским тылам? Немцы, вообще, дураки что ли? А подполковник-то что ж? Никакие документы ему не указ. Неужто такая же «деревня»? Никогда не видел парашютистов что ли?

– Соколова жалко. Душевный был парнишка, с финской с нами шел.

– Нужно забрать с собой, – почти приказал Астахов и вместе с двумя бойцами вышел из неровного строя парашютистов. Конвоиры закричали и начали шумно передергивать затворы. Вышедшие из колонны продолжали свое дело. Они осторожно подняли Вальку и понесли его обратно, к своим.

Прошло целых пять часов. Пока не приехал командир Безуглый, никому не верили. Наконец разобрались. Рота десантников из 5-й бригады сосредотачивалась у поселка Медуми вдоль дороги на Двинск. Подошел 2-й взвод, ждали остальных, капитан Богданов вместе с комвзвода-2 проводил рекогносцировку, осматривал в бинокль окрестности. Мимо проходили отступающие части. Вдруг какой-то капитан из особого отдела 8-й армии увидел людей в «подозрительной» форме, быстро «проявил бдительность», позвал красноармейцев из отступающих частей и приказал им разоружить взвод десантников. Сделать это, конечно, не так-то просто, но Богданов не стал сопротивляться. В той обстановке общей нервозности и

подозрительности это было правильно. Подоспевший помполит роты Соколов стал кричать, доказывать, совать документы. Особист по привычке вынул пистолет, Соколов тоже. Особист выстрелил первым...

Никого не наказали. НКВДэшного капитана сразу увез с собой начальник особого отдела армии. Инцидент замяли. Не до того было. А Валька погиб. Конечно, один человек – чепуха, когда тысячи погибают или попадают в окружение. Но для Астахова, да и для остальных парашютистов роты Богданова это было тяжело. После бардака в финскую кампанию, сегодня Федор в первый раз за последние полтора года вновь испытал уже знакомое ему паршивое чувство стыда и какой-то безысходности от того, что он командир.

Парашютисты потеряли пять часов. Так же, как и в Бессарабии, год назад. Ничего не изменилось. Их тогда пятьсот человек выбросили с парашютами около Измаила, чтобы остановить румын, угонявших из Бессарабии людей и скот¹⁶. Пока все собрались – часа три прошло.

А в это время 8-я танковая дивизия вермахта после прорыва пограничных позиций, преодолевая сопротивление частей Красной армии, в составе 56-го танкового корпуса уже к вечеру 22 июня захватила мост через приток Немана Дубиссу около города Арегола. Это был первый важный успех группы армий «Север» в битве за Ленинград. Немецкое командование помнило значение этой переправы еще с Первой мировой войны. Теперь, наступая без остановок и не обращая внимания на отстающих соседей, немцам нужно было захватить мосты через Западную Двину, переправиться на ее правый берег и взять Двинск. Тогда путь на Псков, а потом и на Ленинград был бы открыт. Дальше никаких оборонительных сооружений не было. Старые были демонтированы, а новые они уже прошли.

8-я и 11-я армии Северо-Западного фронта уже в первые два дня понесли большие потери и теперь от-

ступали по расходящимся направлениям. В стыке между ними образовалась брешь шириной до 130 километров, которую нечем было закрыть. Туда бросили неукомплектованный 21-й мехкорпус Лелюшенко да 5-й воздушно-десантный корпус Безуглова, не имевший для борьбы с танками ничего: ни оружия, ни подготовки.

В результате к 24 июня, овладев в районе Вилкомерз большой дорогой, ведущей на Двинск, немецкая танковая дивизия вклинилась на 170 километров вглубь территории Литовской ССР. Она оставила далеко позади себя не только своих соседей, но и русские части, располагавшиеся в пограничной области. 290-я пехотная дивизия вермахта, конечно же, не поспевала за стремительным танковым рейдом. Только десять – пятнадцать километров отделяли передовые отряды немецкой танковой дивизии от желаемой цели. В бинокль уже хорошо были видны городские кварталы Двинска.

Непрерывное движение колонны вперед вдруг остановилось. 27 новеньких тяжелых танков Т-4¹⁷ неуклюже застопорили ход и стали передвигаться как-то непонятно: то назад, то в сторону, мешая друг другу. Но только не вперед. Что-то мешало. Судя по характеру огня, то была беспорядочная, ошалелая стрельба противника из минометов. Заградительный огонь на участке дороги Зарасай – Двинск около здания бывшей тюрьмы.

Больше часа танки блуждали вокруг разрушенных домов, не решаясь выйти на дорогу и получить мину под гусеницу. Потом стрельба затихла, и немцы, как будто намереваясь упущенное, с удвоенной силой рванули к городу. На дороге и по обочинам осталось догорать семь подбитых машин.

23 июня 1941 года

...об организованном отходе до сих пор как будто говорить не приходится. Исключение составляет, возможно, район перед фронтом группы армий „Север“, где, видимо, действительно заранее был запланирован и подготовлен отход за реку Западная Двина. Причины такой подготовки пока установить нельзя...

(Гальднер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. М., 1968–1971)

Р то тут скажешь? Вся разведка Третьего рейха не смогла догадаться о причинах «организованного отхода» противника. Просто не хватало воображения.

От границы с Литовской ССР к Западной Двине двумя длинными колоннами двигались немецкие танковые корпуса: 41-й Рейнгартта и 56-й Манштейна. За рекой, на огромном трехсоткилометровом пространстве, если не присматриваться, шла обычная мирная жизнь. А еще дальше к востоку, в таких же клубах пыли и дыма двигались два советских механизированных корпуса: 1-й – от Пскова к Ленинграду и 10-й – от Ленинграда к Выборгу. Какая-то злая сила гнала их в противоположном направлении, и никто не мог их повернуть навстречу немцам, рвущимся к Двинску, Пскову и Ленинграду. Все делалось по плану. По плану разгрома Финляндии, составленному еще в ноябре 40-го.

Основными задачами Северо-Западному фронту ставлю: разгром вооруженных сил Финляндии, овладение ее территорией в пределах разграничений и выход к Ботническому заливу на 45-й день операции...

(Из Директивы НКО СССР и Генштаба Красной армии командующему войсками Ленинградского военного округа от 25 ноября 1940 года)

Ну кто же мог знать тогда, в сороковом, что на следующий год, 22 июня, немцы начнут войну и в первый же день запросто форсируют Неман, а еще через четыре дня – Двину. Да кто в этих условиях посмотрит на первые строки Директивы, которая разрабатывалась и должна была действовать «в условиях войны СССР только против Финляндии». Каждый видит лишь свои обязанности, свою зону ответственности. Авиации – бомбить, танкистам – выдвинуться к границе и ждать указаний, артиллерии – стрелять. Первые строки – это, как говорится, компетенция главного командования.

А где оно? Может, это обязанность генерала армии Мерецкова, которому накануне, 21 июня, решением Политбюро ЦК было поручено общее руководство Северным фронтом? Да, наверное. Только война войной, да и Политбюро, конечно, важный орган власти, но набравшая обороты и никем не управляемая машина беззакония уверенно продолжала свое дело. Генерала армии уже на третий день после назначения избивали дубинками следователи НКВД.

Сталин, без личного внимания которого тогда не решался даже вопрос о составе запчастей для танка Т-34, тогда вдруг «расстроился» и в течение целой недели после начала войны был практически недоступен.

До сих пор никто не увидел ни одного фильма и не прочел в учебнике про то, что творилось с руководством войсками на Северо-Западном направлении в самые первые дни войны. А в это время наверху не придумали ничего лучше, как в течение пяти недель просто взять и сменить трех командующих Северо-Западным фронтом. А чуть позднее то же самое проделать и на Ленинградском. Только тут заменили четверых и за месяц с небольшим.

Становится понятным, почему, вместо того чтобы останавливать немецкие войска на Двине, бомбить

захваченные ими переправы, не отдавать практически без боя Псков, военное начальство делало совсем другое. В это драгоценное время в штабе Северо-Западного фронта искали «крайнего». Это было главное. Не утруждая себя даже этим неблагоприятным занятием, начальник его Оперативного управления вместе со всеми документами просто взял и сдался в плен...

А войска? А что войска! Именно те танковые корпуса, которые к началу войны были полностью укомплектованы, уехав за 300 верст от наступающих немецких войск, выгружались с платформ прямо в лесу, в болоте. Они не получали от Главного командования никаких приказов, кроме утвержденной еще до войны Директивы о разгроме Финляндии. Не имея дополнительных указаний о переходе границы, они неуклюже «потыкались» в финскую оборону. При этом каждое орудие, как будто сомневаясь в целесообразности предприятия, в среднем, за один час выпустило по одному снаряду в сторону Финляндии. А рано утром 4-го июля, как говорится в боевом донесении, все «смело вышли из боя».

Можно ли осуждать в этих условиях командующего Северным фронтом Попова за то, что он не стал проявлять личную инициативу и выполнил ровно то, что было указано в утвержденном Сталиным документе? У него просто не было приказа отказаться от вторжения в Финляндию и срочно перебросить все механизированные соединения навстречу наступающим на Ленинград немцам. Да хоть сам господь Бог спустись тогда с небес или Финляндия попросись обратно в Россию, никто бы не посмел не выполнять то, что не отменено самим Сталиным.

Только 5-го июля из Генштаба наконец-то поступил приказ Жукова о возвращении танков к Ленинграду, под Лугу. Там народным ополчением срочно создавался новый, последний рубеж обороны.

В результате из-за полного отсутствия руководства и потерянного времени последствия первых ударов

противника для Северо-Западного фронта оказались катастрофическими. Войска беспорядочно отходили. Потеряв управление, а вернее, и не приобретя его, командование фронтом ничего не смогло сделать против налаженного годами маховика тотальной предопределенности. Инициатива, ответственность, риск и самостоятельность просто перемололись и перетерлись в пыль его тупыми зубьями. Ход боевых действий отчетливо приобрел характер небывалого разгрома.

К Луге из Финляндии вернулись только 90 исправных танков из некогда полностью укомплектованного 10-го механизированного корпуса. При этом в плену у финнов оказалось более 64 тысяч красноармейцев. Это почти пять стрелковых дивизий. Здесь, вблизи Финляндии, а не там, под Двинском, Псковом и на Лужском рубеже за первые три месяца войны советские войска просто потеряли или утопили в болоте четыре с половиной тысячи танков. Это в семь с половиной раз превышает первоначальную численность тех самых двух танковых корпусов Манштейна и Рейнгартта, которые действовали на Ленинградском направлении в составе группы армий «Север».

Уже позднее, в 20-х числах июля, после того как Гитлер лично прибыл в штаб группы армий «Север» и потребовал скорейшего взятия Ленинграда, новый командующий фронтом маршал Ворошилов своей властью остановил идущие к Ленинграду эшелоны с танками 1-го мехкорпуса и снова послал их «на разгром финнов».

Конечно же, его направляли пролетарский гнев, жгучее, болезненное желание «проучить зарвавшихся финских вояк» и восстановить после «зимней войны» свою несколько потрепанную репутацию умудренного опытом полководца, подписавшего постыдный акт передачи дел по комиссариату обороны другому военачальнику. Как пишут историки того времени, «дождаться результатов своего командования Ворошилов

не стал, вернулся в Ленинград и отдал один из самых знаменитых своих приказов об изготовлении десятков тысяч стальных наконечников для копий, которыми первый маршал собирался переколоть фрицев, когда они ворвутся в город Ленина».

МОСТ ЧЕРЕЗ ДВИНУ

Вечером 25-го июня, после длительного и бесполезного разбора инцидента на дороге, роте Богданова приказали держать оборону на левом берегу Двины, прикрывая отступление наших войск от города Зарасай к Двинску. Нужно было сдерживать немецкие танки, имея только 37-миллиметровые минометы, и дать возможность переправиться нашим частям на правый берег. Другого оружия у парашютистов не было.

К утру на дороге появились танки с большими белыми крестами на броне. Черные машины как по команде развернулись в боевой строй и быстро стали обходить десантников с трех сторон. Они были уже очень близко и настойчиво ползли к мосту, не обращая внимания на горстку солдат, которые возились около своих минометов, отмеряя угол наклона ствола.

Со стороны здания тюрьмы на левом берегу Двины шесть минометов выстреливали мины в сторону уверенно надвигавшихся немецких танков. В стоявшем за кустами грузовике еще половина кузова была набита ящиками с боеприпасами. В бинокль можно было видеть, как по мосту через Западную Двину отходят наши части, а рядом возятся саперы и мелькают малиново-синие фуражки НКВДэшников.

Танки обстоятельно, не торопясь, но в то же время почти не двигаясь вперед, обстреливали незамаскированные минометные точки и грузовики с минами. Уже через четверть часа были уничтожены три грузовика и четыре миномета. Рядом с воронками от взрывов валялись убитые и раненые. Санитаров нет, гранат нет, мины – только в одной машине. Двух взводов десантников как не бывало!

Уничтожать танки противника не получалось. Оставшиеся в живых видели, что все это пустая трата времени и неоправданные потери. Совсем мальчишка, замкомвзвода подбежал поближе к командиру и громко прокричал ему прямо в ухо:

– Федор! Пора, едем, пора, все впустую, поздно будет, уже занята дорога к реке!

– Нельзя! – сразу пресек лейтенант. – Ты что? Еще есть чем стрелять! Нельзя!

Это крепко вошло в сознание Астахова еще за время учебы и боев в Финляндии: командир, «кадровый офицер», он не такой, как все, и уж, конечно, не чета политработникам или простым гражданским. Нельзя покидать поле боя, если есть чем драться. Нельзя сдаваться в плен. За невыполнение приказа – расстрел. А приказ капитана был очень понятный. Задержать танки. Не выбивать, потому что нечем, а именно задержать, дать возможность переправиться нашим войскам на правый берег. Может быть, этого как раз и не понял его заместитель.

Еще бы несколько минут продержаться. Связи нет, команд от начальства тоже нет. Сашка, связной от командира роты, ранен. Он уже полчаса как приполз к ним. Сидит в окопчике, весь в крови, и пытается перевязать свою руку. Правда, ранен он легко, просто крови много потерял. Все время повторяет, как автомат:

– Не пускать, не пускать, не пускать. Капитан приказал, ждать взрыва моста. Ждать сигнала.

– Да знаю я, что не пускать, – сам себе сказал Астахов и в который раз подумал о том, как уязвимо и как хрупко управление в армии, особенно во время боевых действий. Ведь истекающий кровью Сашка мог сказать и другое...

Все реже звучал визг пролетающих мин. Осталось только два целых миномета. Федор взглянул на Сашку, и тот в ответ понимающе кивнул головой. Тогда Астахов отправил своего заместителя вместе с пятью ранеными бойцами уходить за реку, найти капитана или комбата и доложить все как было.

Они остались вдвоем, лейтенант и Сашка. Понимали друг друга с полуслова. Быстро отрыли небольшие ямки для опорных плит так, что стволы минометов стали к земле под очень острым углом.

– Рассчитывать углы не будем, – быстро проговорил Астахов, готовя мины.

– Бесполезно.

– Бьем одновременно из двух минометов наугад в ту сторону!

– Успеть бы, – вслух самому себе сказал Сашка и потом, повернувшись к лейтенанту, громко добавил: – Когда мины закончатся, успеем догнать!

«В каких бы ты ни был ситуациях, врага нужно уничтожать. Не можешь сейчас – убей потом. Не можешь убить – напугай, обмани, в конце концов. Но только делай хоть что-нибудь. Противник постоянно должен чувствовать сопротивление и нести хоть какие-то потери. Иначе потом его будет не остановить». Эту науку Федор сам придумал еще в финскую войну и так учил своих бойцов. Конечно, миномет для немецкого танка Т-3 и тем более нового Т-4 – пустяк. Зато можно взрывом сломать гусеницу или просто, если повезет, поджечь машину.

Мины густо ложились перед танками. Некоторые, не успев правильно вылететь, взрывались совсем рядом. На какое-то время удалось остановить мощный

напор немецких танков. Кажется, что это часы. Нет, всего лишь двадцать минут. Некоторые мины попали в цель.

– Смотри, не нравится им!

– А мы добавим! – И Сашка из пулемета стал добивать выскакивающих танкистов.

Только что нагло торчавшие из башен танкисты в черных комбинезонах как-то некрасиво сползали вниз, под гусеницы своих же танков. Несколько машин дымились. Другие остановились. Потом стали разворачиваться. Если бы назад. Так нет, все норуют в разные стороны. Хотят обойти за кустами и остатками разрушенных зданий тюрьмы.

– Сашка, ты влево, я вправо!

– Есть, влево!

«По середине пока не пойдут», – подумал Астахов. Стрелять по танкам из этой «пукалки», когда они обходят с флангов за кустами и деревьями, практически не видя их, очень противно. В таких издевательствах над собой прошло еще минут десять.

– Все! Кончились! – как-то очень радостно крикнул Сашка, подтаскивая из полуторки последний ящик. – Еще десять выстрелов и все!

– Уходим! Минометы в машину!

Мин больше не было. От всей роты десанта, еще год назад участвовавшей в боевых действиях в Финляндии, а потом в Бессарабии, остался только он с Сашкой, да замкомвзвода с пятью ранеными бойцами. Они должны были успеть перебраться на тот берег. Все минометы, кроме двух, что уже лежали в кузове, были раздавлены: рядом свежие воронки, окровавленные и исковерканные тела наших солдат. За два часа боя они уже привыкли к этому и не пытались забрать документы или личное оружие. Но Астахов все же успел взять несколько эбонитовых капсул и вместе с документами Вальки Соколова положил их в свой планшет. Они прыгнули в кабину машины. Мотор уже

работал. «Сашка молодец! Когда только успел?» – подумал Астахов, пристально глядя на мост. А Сашка, поврежденной рукой держа баранку, другой держал что есть силы рычаг коробки передач. К мосту уже совсем вплотную подошли обошедшие их немецкие танки...

– Черт! Ничего уже не сделать! Ну почему так долго копаются саперы? – вслух рассуждал Астахов. – Эх, надо было нам ударить. Не догадался. Тогда своих бы поубивали...

Где-то на мосту громко загудел паровоз, высоко вверх взметнулась струя белого дыма, и маленький состав всего из пяти вагонов, заполненных ранеными красноармейцами, быстро, почти не стуча колесами по стыкам рельсов, проскочил на другой берег к своим.

– Последние ушли, – произнес Федор.

– Это не для нас, – с видимым сожалением выдавил Сашка. – Теперь все. Наверное, одни мы остались.

– Вот! Смотри! – крикнул Астахов. Впереди, над рекой, совсем не слышен, но ясно был виден взрыв. Федору он показался каким-то неожиданно маленьким, каким-то неубедительным. Такой никак не мог быть сигналом. Он ждал другого... Мост пошатнулся и вздрогнул. С него слетели металлические ограждения, и на середине дыбом поднялись рельсы. Он был поврежден, но не рухнул и остался стоять. В мозгу за долю секунды вперемешку проскочили вспышки сознания: «Почему не слышен взрыв? Может, его и не было? Ну, теперь-то приказ выполнен? Или нет? Ведь мост успели вывести из строя, проскочил последний эшелон... Немцам уже не перебраться на другой берег... Там Тоня, Валерка... Но и отступить не было приказа. Кому отступить-то?..».

Поток рассуждений легко прервался, и все вопросы разом разрешились. Мгновением раньше танковый снаряд прямым попаданием вдребезги разбил грузовик.

...Советский офицер из охраны моста (через Двину, около Двинска. – Б.К.), взятый в плен, признался: „У меня не было приказа взорвать мост. Без приказа я не пошел бы на это. А спросить было не у кого, все разбежались“.

(Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999)

Особо секретно

Народному комиссару обороны СССР

Докладываю положение войск Северо-Западного фронта.

Противник продолжает окружение Либавы...

8-я армия – 12-й механизированный корпус и 5-я танковая дивизия в тылу противника без горючего. Командир 3-го механизированного корпуса донес открыто 25. 6. 41 г.: „Помогите, окружен“... В ночь на 27 июня начнет отход... на северный берег Зап. Двины...

11-я армия – штаб и Военный совет армии, по ряду данных, пленен или погиб. Немцы захватили шифродокумент. 5, 33, 188, 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком состоянии и где находятся. Много отставших и убежавших, задерживаемых [на] направлении Двинск[а]. Много брошено оружия.

Военно-воздушные силы фронта понесли тяжелые потери [вследствие] малого количества аэродромов. Данное время эффективно поддерживать, прикрывать наземные войска и нападать на противника не способны. Экипажей сохранено 75%. Потери материальной части 80%...

Двинск заняли танки противника...

(Из донесения командующего войсками Северо-Западного фронта об обстановке на фронте к 20 часам 35 минутам 26 июня 1941 г.)

Секретно

Командующему 8-й армией [генерал-майору] Собенникову

Члену Военного совета армии [дивизионному комиссару Шабалову]

Начальнику штаба армии [генерал-майору] Ларионову

Вы преступно оставили войска на произвол судьбы и укрываете свою шкуру. Для такой ответственной операции, как отход целой

армии, нужно было составить план, отводить войска от рубежа к рубежу и крепко управлять отходом каждого соединения.

Требую немедленно это сделать. Оперативной группе штаба вернуться в Митава и руководить отходом. Лео-фланговую 11-ю стрелковую дивизию направьте немедленно на Екабпилс. Продумайте устройство переправ за счет всех возможностей, какие можно найти в центре вашего фронта... Представьте план действий через генерал-[лейтенанта] Сафронова. Держите радиосвязь со штабом фронта. Вы уклоняетесь от связи, видимо, с намерением, потому что ничего не знаете и не хотите знать о своих войсках.

28 и 29. 6. 41 г. продолжайте отход, закончите 30. 6. 41 г., выведите все войсковые соединения. Ободрите войска. Сохраните их боеспособность и ждите в Рига. На главном маршруте следования организуйте крепкую противовоздушную оборону, для чего в ваше подчинение поступает 6-я смешанная авиационная дивизия, аэродром в Рига...

Командующий войсками Северо-западного фронта, генерал-полковник Кузнецов

Член Военного Совета фронта, корпусной комиссар Диброва

Начальник штаба фронта, генерал-лейтенант Кленов

29. 6. 41 г. 18.10.

(Из директивы командующего войсками
Северо-Западного фронта)

Это был последний, полный бессилия и отчаяния приказ первого командующего Северо-Западным фронтом. Докладывая наверх обстановку, он пытался выглядеть хорошим исполнительным командиром. Обманывал, приукрашивал. Уж и Двинск, согласно приказу из Москвы, вернули, и все отступающие части перешли на правый берег... Только все равно чуть позднее приходилось сообщать, что откуда ни возьмись появились тучи немецких танков, и снова де, мол, выбили их из города. И так далее, и тому подобное.

Через три дня его заменили. И, как это ни покажется странным, исходя из текста предыдущего документа, заменили на командующего 8-й армией Собенникова. Через месяц найдут и ему замену, но в этот раз ее возьмут с другого фронта. Генерал-майор Курочкин отличится под Смоленском, его и назначат. А что? Смоленск уже месяц как сдали. Так что в самый раз!

Через две недели Северный фронт превратят в Карельский и Ленинградский. Ленинградский возглавит бывший командующий Ленинградским особым округом Попов. Так, наверное, было проще. А через день другой его тоже сменят. Теперь на две недели главным станет Ворошилов...

Тут как раз под Великими Луками попадут в окружение части 27-й, 11-й и 34-й армий. Командующего фронтом Собенникова осудят на пять лет, а командующего 34-й армии и его заместителя по артиллерии расстреляют. Наверное, это правильно. В этой армии с 10 по 26 августа была безвозвратно потеряна половина личного состава, почти 20 тысяч человек, 748 орудий, 628 минометов и 74 танка из имевшихся 83-х. Но чем станет для фронта беспрецедентная кадровая чехарда июля–августа 41-го? Причиной больших потерь или их следствием?..

Пройдет не один год, пока большое руководство страны поймет, что управлять войной – большое умение и искусство. Поймет, что здесь не обойтись без профессионалов. Причем профессионалов творческих, инициативных, способных на риск. А их так мало осталось после 37-го...

Всегда, когда нужно чем-то управлять: заводом, страной или войной – первому лицу, в зависимости от его личностных особенностей, приходится использовать тот или иной стиль. Директивный, тоталитарный стиль управления предполагает полное отсутствие свободы выбора у нижестоящего руководителя,

жесточайший контроль сверху донизу. Это, в свою очередь, «вымывает» из управленческой номенклатурной среды инициативных и творческих личностей, и, напротив, привносит и закрепляет в ней исполнительных и страхующихся по каждому поводу конъюнктурщиков, хорошо анализирующих меняющиеся расклады властных полномочий. Кризис всегда требует кардинальных мер.

Нужно отдать должное Сталину, который еще за три дня до начала войны, несмотря на пресловутую внезапность, преобразовал спокойные, пропитанные чиновничьим духом военные округа в боевые фронты. Как бы ему ни было трудно, но через неделю после начала войны он все-таки понял, что наряду с введением жесткого единоначалия, хотя и в лице Государственного Комитета Обороны, нужно впервые реально поделить своей безграничной властью. Он назначил себе заместителя. Выбрал из вытоптанной, вырезанной, очень редкой и лишь местами сохранившейся популяции инициативных, несогласающихся и творческих военачальников. Но в то же время он нашел такого же, как и сам, жесткого и нетерпимого. Постепенно, не сразу, но становилось ясным даже ему, что лучше рискнуть и назначить такого, чем за две недели сменить четверых из прежней «упряжки». Те «хорошо» работали в мирное время, когда ему позволительно было ставить эксперименты, снимать министров и назначать на их место бригадиров. В военное время слишком быстро и слишком больно давал о себе знать результат эдакого «управления».

ПЛЕН

Астахов очнулся. Он был на земляном полу огромного дырявого совсем пустого сарая. Тупая боль в голове и острая в руке, чуть повыше локтя, заставили его включиться. «Сколько же прошло времени? Так, понятно, контужен или ранен в голову, ранен в руку. Башка соображает. Уже хорошо. Где Сашка? Никого не слышу». Правая рука была неподвижна и чем-то перевязана. Голова – вся в засохшейся крови. Что-то сильно и тупо ломило справа над глазом. Задело осколком, и теперь невыносимо болело. Федору жутко хотелось пить. Глаза плохо видели и почти не открывались. «Наверное, попала металлическая пыль после взрыва, – подумал Астахов, впервые увидев себя через веки, еле раскрывшиеся от запекшейся на них крови и налипшей грязи. – Гимнастерки нет... Нет документов! – быстро промелькнуло в его сознании. – Нет планшета, часов и компаса. Единственный знак отличия – командирские галифе. Пистолет?! Тоже забрали... Видимо, оттащили раненого, все-таки командир. Донесли до сарая, перевязали... и оставили. С раненым из окружения не выбраться. Но кто? Ведь все оставшиеся в живых ушли раньше».

Немец в черной форме, без каски, белобрысый, тонкий, с маленькими рыжими усиками стоял перед Астаховым и тыкал автоматом ему в живот. «Наверное, нужно вставать», – подумал Федор. – «Руки поднимать. Да ведь и не поднять. А этот может запросто шлепнуть». Подошли еще двое. По всему видно – танкисты: черные погоны с какой-то светлой окантовкой. То ли красной, то ли розовой. Один, с тремя лычками на рукаве, что-то долго говорил. «Может, этот фельдфебель видел меня вчера в бою? – мелькнуло в голове у Астахова. – Чего тогда говорить-то так долго?» Он понял только слово «коммунист». Астахов не знал

еще, что за несколько дней до начала наступления немецкие части получили приказ, предписывающий немедленный расстрел всех попавших в плен политических комиссаров Красной Армии и коммунистов – «носителей большевистской идеологии»¹⁸.

Федор бросил взгляд на свои сапоги и подумал: «Надо же, не сняли». Тогда, в самые первые дни войны, немцы еще не знали, что русские могут и будут убегать из плена. Это позднее, только в августе, к ним придет понимание, что если забрать сапоги, то босиком никто якобы и не убежит. Но могли и наши снять.

Потом он громко и отчетливо произнес:

– Мы тут... это... ремонтировали дорогу. Починим, а ваши самолеты опять разрушают, мы снова чиним...

Танкисты больше не говорили. Видно, уже выговорились. Не били, не издевались, просто взяли под руки, вытащили из сарая и бросили на телегу. Там уже лежали два раненых красноармейца и один младший лейтенант. Артиллеристы. Повезли вдоль домов какой-то деревни.

– Малиновка, – тихо произнес один из солдат. – Вчера здесь еле ушли от немцев. Наших, наверное, целый полк отходил. Половина – побитые, раненые, в бинтах, везли целую повозку с прицепами от пушек.

После того как, выполняя требования Ставки, в течение двух дней 5-й воздушно-десантный корпус безуспешно пытался выбить немцев из Двинска, ситуация еще больше ухудшилась. Общий отход на северный берег Западной Двины замедлился. Многие уже не смогли переправиться и попали в плен. На этом берегу было не лучше. Отступали второпях, оставляя раненых и технику.

Лошадь, запряженная в телегу, везла их на тот самый вокзал, что еще совсем недавно был полон ожидающих отправки в тыл. Повсюду танки и колонны немецких солдат. На вокзале остались только разбросанные чемоданы и одежда. Убитых и раненых убрали.

«Быстро», – подумал Астахов. На самом деле после первой бомбежки прошло уже больше четырех дней. Их подвели к какому-то дому. Вокруг немцы с автоматами, не танкисты. Войдя внутрь, Федор впервые удивился: «Пленные. Вот тебе раз! Как много. Нельзя же в плен. Как же это? Есть и совсем невредимые. Ни одного знакомого. Значит, наши все погибли. Может, это и не пленные? Есть такие, что в гражданской одежде. Ну да, помечтай, а кто же они тогда? Нет! Мы все теперь изменники Родины! Никто не говорил о том, что раненым можно попадать в плен».

В начале войны были даже такие инструкции. Летчик, например, даже если его самолет подбит, и то, перед тем как его покинуть, должен был вывинтить чем-то из передней панели кабины пилота часы и только потом выпрыгнуть. Это вроде как доказательство того, что ты не с перепугу покинул самолет. Правда, Астахов знал, что летчики не очень-то любили покидать свой, даже подбитый, самолет. Чем выпрыгивать из него, родимого, лучше всеми правдами и неправдами попытаться его посадить. Подобные указания были и для артиллеристов. Они должны были снять прицелы с разбитых пушек. И это тоже было доказательством того, что ты не от трусости бросил оружие, а уже под градом пуль и снарядов, понимая всю свою ответственность за материальную боевую часть, аккуратно снимал прицел с разбитой пушки.

«Мои часы давно забрали свои. Так что на одну проблему меньше, – попробовал пошутить Федор. – Главное – накопить сил и придумать, как убежать. Лучше вместе с кем-нибудь. Только вот с кем?»

Почему бежать? Почему не остаться? Мол, будь что будет! Таких мыслей у Астахова не было. Не было хотя бы потому, что он знал, как после финской войны у нас поступали с освобожденными из финского плена красноармейцами.

...из 5 465 военнопленных, переданных Советскому Союзу Финляндией после Зимней войны 1939–1940 годов, 158 человек были расстреляны, 4354 приговорены особым совещанием НКВД к заключению на срок от 5 до 8 лет.

(Фролов Д.Д. Из истории зимней войны 1939–1940 гг. Петрозаводск, 1999)

Не было еще и потому, что, несмотря на весь увиденный им бардак в первые дни войны, разъедающий как тля все хорошее, что он впитал в себя с армией, еще сохранялась в его сознании внушенная за годы службы истина: офицер, командир должен в любых условиях уметь организовать боевые действия против врага. Да и потом... Он просто обещал жене вернуться.

Трое суток ничего не давали есть. Правда, работать тоже не заставляли. Как будто и нет никаких пленных. Потом перевели в старинную Двинскую крепость. Один мужик, не раненый, похоже, санитар, чем-то перевязал Федору руку. «Нужно перевязывать каждый день, – сказал он. – Иначе загноится и помрешь». Астахов был еще очень слабым от большой потери крови и не стал говорить с ним о побеге. Все последние дни в крепости люди сидели на каменном полу кучками и о чем-то тихо переговаривались.

«Иди, подойди к таким. Они уже явно что-то для себя решили. В любом случае, я им не нужен. Тем более раненый», – размышлял Федор.

Еще через два дня всех усадили на платформы для перевозки песка. Пленных набралось чуть ли не на двадцать платформ. В конце каждой по углам по немцу с автоматом. Состав тронулся на Запад...

16. 06. 1941 г. с уточнениями 08. 09. 1941 г.

Секретно

Советский солдат, даже попавший в плен, как бы безобидно он внешне не выглядел, будет пользоваться любой возможностью,

чтобы выместить свою ненависть ко всему немецкому. Следует учитывать, что военнопленные получили соответствующие указания о поведении в плену. По отношению к ним нужно проявлять крайнюю бдительность, величайшую осторожность и острейшее недоверие.

Командам охраны даются следующие основные указания:

1) *Беспощадная кара при малейших признаках протеста и неповиновения. Для подавления сопротивления беспощадно применять оружие. В военнопленных, совершивших побег, стрелять без предупреждения с твердым намерением попасть в цель.*

2) *Любое общение с военнопленными – равно как и во время марша на работу и с работы, – кроме отдачи служебных команд, запрещено. Предотвращать любое общение военнопленных с гражданскими лицами и в случае необходимости применять оружие, в том числе и против гражданских лиц...*

<...>

5) *При всей строгости и твердости для неукоснительного выполнения отданных приказов немецким солдатам запрещается прибегать к произволу или истязаниям: к применению дубинок, плеток и т. п. Это унижает достоинство немецкого солдата как носителя оружия...*

(Из памятки Генштаба вермахта
«Об обращении с советскими военнопленными»)

ЧАСТЬ 2

ВЫБОР

В П Р О Б

АЛЬТЕРНАТИВА – СМЕРТЬ

Поезд шел в сторону Каунаса. Уже давно лил косой холодный дождь. Охранники подняли капюшоны и закутались в плащ-палатки. Пленные лежали вповалку, покрывшись кто чем. Никто из них тогда не знал, что к концу июня группа армий «Север» форсировала Западную Двину на всем протяжении от Двинска до Риги. Вырвавшись на оперативный простор, 6 июля немцы заняли город Остров, а уже 9-го практически без боя, на плечах панически бегущих 118-й и 111-й дивизий, вошли в Псков.

Но даже не зная всего этого, соседи по платформе тихо рассуждали: «Москву, Ленинград возьмут – нас отпустят. Потом работы всем хватит. Привезут в Каунас – накормят...»

Астахов наблюдал за парнем, который чем-то отличался от остальных. Непонятно почему, но к нему тянуло. Худощавый, молчаливый. Смотрел на всех не то чтобы с ненавистью. Нет. Здесь было что-то внутреннее, глубинное и спокойное. Правда, он не был ранен... Парень сам подобрался к Федору и тоже всем своим видом показывал, что он чего-то ждет. Будто что-то вот-вот должно произойти. Астахов не выдержал и прошептал:

– Ну что, попробуем? – И, не отводя глаз от соседа, мотнул головой в сторону леса, тянувшегося вдоль

всего железнодорожного полотна. В ответ парень облегченно вздохнул и закивал:

– Надо, надо. Только как?

Как же страшно раскрываться другому в таких жутких условиях, где почти все мечтают только о поражении в войне и о краюхе хлеба! Парня как будто прорвало. Он рассказал про себя, наверное, все. Что еще не женат. Что недавно был мобилизован, а до этого работал председателем колхоза. Зовут Сергеем. Фамилия Прохоров. В плен попал еще под городом Зарусай.

– Не ранен, – будто с завистью тихо прошептал Федор, чтобы соседи не слышали их разговора. В его голосе не было вопроса. Он вызывал парня на объяснения.

– А что же стреляться или о камень биться башкой? Так патронов и то не дали. Танки даже не стреляли, просто окружили и начали давить...

– Много попало в плен? – Федор не спорил, а только направлял излиния Сергея. О себе он ничего не говорил. Достаточно было тех слов шепотом.

– Да все и попали. Мы даже не только залечь не успели с этими длинными берданками без патронов, но и слезть с машин. Позиция! Тоже мне. Ни окопа, ни бугорка, ни деревца. Могли даже и не выгружать нас. Так с ходу и повезли бы к немцам. Как только машины остановились – ни ротного, ни взводного. Никого. То ли убило всех, то ли убежали... Одни танки вокруг. Как мы туда въехать-то умудрились, в самое логово? Ума не приложу.

– Может, специально подставили?

– Да кто? Кто мог знать то, что немцы уже на другом берегу Двины? – слишком громко затараторил Сергей.

– Тише ты, – сквозь зубы прошептал Федор. – Кто, кто? Да кто угодно. Такая обстановка – самое время для предателей и диверсантов.

Ехали еще с полчаса. Наблюдали за соседями. Пытались прочувствовать опасность с этой стороны. Но никому до них не было дела. По-прежнему все лежали на полу вагона мокрые и голодные. Никто даже не перешептывался. Все ждали прибытия на станцию. Ждали, что накормят и что наконец-то кончится дождь.

Перед Каунасом поезд пошел в гору и чуть замедлил ход. Лицо ближайшего охранника уже давно скрыто капюшоном, и было не видно, заснул он или смотрит за всеми, как и положено.

– Может, спит? – произнес Астахов, показывая пальцем на немца в конце вагона.

– Все равно, даже если увидит – не успеет, – ответил Сергей.

– Вот сейчас. После этого столба. Прыгаем. Просто скатимся с платформы, – быстро и уверенно заговорил Федор, схватив Сергея за руку.

– Не попасть бы под колеса, – как-то чересчур обстоятельно произнес Сергей.

– Черт! Что это? – чуть не вскрикнул Федор. Около колеи были сложены шпалы. После следующего столба – рельсы. Потом опять шпалы. Будто специально их собрал кто-то вдоль всего пути в гору, чтобы не могли убежать. С самолета, конечно, легче прыгать. Прошло минут десять. Каунас был уже совсем близко. Потом все будет гораздо сложнее.

Вдруг Астахов очень ясно осознал, что этот парень не сможет прыгнуть. Он и то боится, а этот... Как тот майор-пехотинец, которому полагалось сделать всего один прыжок в год, а он не отпускал перекладки на крыле, и никакая сила не могла его сдвинуть с места... Но как же одному пробираться к своим? Здесь нельзя одному. Не выживешь! Он снова крепко взял Сергея за руку и стал медленно ползти вместе с ним вдоль края платформы, подальше от задних колес.

– Ну, все! Сейчас, – опять заговорил Астахов, – из лагеря убежать будет сложнее.

Федор толкнул Сергея, но мешал борт платформы.

– Не могу, разобьюсь, – парень судорожно цеплялся за борт руками и сопротивлялся. Приближалась очередная груда шпал и рельсов.

– Сразу за ними. Ну же! – почти умолял Астахов. Учащенный пульс сильно отдавался в его голове и правой руке, крепко схватившей Сергея чуть выше запястья. Федор испугался. Он вдруг подумал, что кто-нибудь может услышать этот сумасшедший стук. Он разжал свою руку и в голове взорвалась звенящая тишина. Время остановилось. Как будто откуда-то сверху, до боли отчетливо он увидел самого себя, лежащим лицом вниз на мокром деревянном полу платформы... Двое мужиков придавили его руки и ноги.

– Куда собрался? – выдавливая сквозь зубы первый. – Ишь, прыткий какой.

– Накостылять ему, чтобы не повадно было, – добавляет второй. – Немец начнет стрелять – всех уложит. А нам надо доехать.

– Ты, сучонок, с ним что ли? – второй жестко спрашивает Прохорова.

– Я сам по себе, – отвечает Сергей и отворачивается.

– А чего тогда жмешься к этому? Ползи отсюда!

– Ты, парниша, больно прыткий, как я посмотрю, – продолжает второй красноармеец, крепко сжимая раненую руку Федора, – надо бы тебя сдать, а то неровен час опять захочешь слинять. А так за это нам опять же польза будет от немцев.

Они еще крепче прижимают Федора к полу...

Астахов с завистью смотрит на темный лес, что тянется вдоль железнодорожного полотна, и видит, как наяву, будто их поезд с пленными тихо подходит к вокзалу, скользит, скрепя колесами мимо пассажирских платформ и останавливается поодаль, рядом с депо. На земле вдоль всего состава стоят немцы. Лают собаки. От депо вглубь вокзальной территории протянута колючая проволока. С первых пяти платформ

пленные прыгают прямо на землю и падают. Их бьют прикладами и гонят за колючую проволоку. Остальные остаются на месте и через несколько минут едут куда-то дальше. Те двое, что поймали Федора, несколько раз пытаются его показать немцам. Но всякий раз на них не обращают никакого внимания. Через минуту-другую их разделяет толпа. Федор попадает в первый деревянный барак, а те двое – дальше, в кирпичное здание котельной. Куда помещают Сергея, Федор не видит.

Еды опять не дают. Уже который день...

Как прошла первая ночь в Каунасе, Астахов не помнил. Но зато перед ним стояла яркая картинка следующего дня.

Утро. Всех, кто в первом бараке, человек пятьдесят, строем ведут из города в сторону леса...

«Неужели расстреляют? – подумал Федор. – Зачем тогда везли?»

Там, на поляне, в окопах и между ними валяются десятки и сотни убитых наших бойцов. В воздухе стоит смрад. Это то, что осталось здесь от 8-й армии после первых боев под Каунасом. Обессилевших пленных заставляют таскать трупы в окоп и закапывать. Кто падает, того тут же добивают и тоже сбрасывают в окоп.

Федор, испытавший на себе «общение» с пленными, старается работать один, без напарника. Он время от времени поглядывает в сторону леса. До него метров двести-триста. Далеко. Со стороны леса стоят охранявшие их автоматчики. С другой стороны дорога. Она совсем рядом. Там стоят два грузовика, на которых приехала охрана, чуть дальше – легковушка. Рядом с ней офицер в черной форме. Он один и наблюдает за работой, все время закрывая лицо платком.

Уже в первую минуту, оказавшись на поляне среди убитых, Астахов замечает пистолет в согнутой руке

погибшего в бою командира. Есть там патроны или нет? Да и сможет ли он добежать до машины? Только бы никто не увидел оружие. Видно, немцы все уже собрали в первый же день, а трупы оставили. Только на пятый раз Федор подходит к этому командиру, нагибается, берет пистолет и тащит убитого к яме. За те несколько секунд, пока он не засунул пистолет за пояс своих галифе, он пытается понять по весу «ТТ», есть ли в нем патроны. Бесполезно. Все, к чему прикасается раненый, ослабленный и голодный Астахов, кажется ему очень тяжелым...

Сидя около борта платформы приближающегося к Каунасу состава, Федор чувствует, что очень скоро наступит развязка этого жуткого замедленного кино.

Вот проходит час, другой, еще часов пять. Никаких перерывов, никакой еды. От жажды у многих пленных заплетаются ноги, и они падают, тут же получая пулю от охраны. Из пятидесяти остается человек пятнадцать. Такое ощущение, что немцы специально хотят, чтобы умерли все пленные, и кто-то последний всех закопает. Сил больше нет. Еще немного, и он просто не сможет бежать. Осторожно подбираясь все ближе и ближе к офицеру, Астахов наконец разворачивается и что было сил бежит к машине. Выстрел из его пистолета получается только один. Офицер в черном падает. Патронов в пистолете больше нет. В то же мгновение очередь из автомата прошивает Федора насквозь, и он, уже подбежавший к легковушке, сваливается на ее капот... и слышит стук колес.

Он снова на платформе. Время вернулось. Сознание очистилось. Астахов плавно сполз с вагона, спиной ударился о землю и покатился под насыпь. Послышалась автоматная очередь. Над головой пролетели пули, сбивая капли дождя с высокой, давно никем не кошенной травы. Поезд уходил прочь. Вдали все тише стучали его колеса: он увозил с собой плен, в общем-то уже потерянных людей и Сергея...

Антонина обнимала маленького сына, накрывшись огромной черной шубой. Вагон товарняка был весь в трещинах, и его продувало со всех сторон. Валерка все время плакал. Через несколько минут после того, как состав отправился из Двинска, они слышали рев самолетов и взрывы бомб. Бомбили вокзал.

«Где-то сейчас наш папка? – разговаривала с маленьким сыном Антонина. – Он всегда говорил, что немцев остановят. Они далеко не пройдут. Значит, нужно добираться в деревню. Там твоя бабушка». Но они ехали уже несколько часов, и не было видно ни одного нашего солдата. Поезд не останавливаясь проходил станцию Молосковицы. Это совсем рядом с деревней Хотнежи. Километров тридцать. Вокруг никого. Поезд замедлил ход, и Антонина, прижимая к себе Валерку, осторожно спрыгнула со ступенек вагона. К ночи добрались до Хотнежи. От Молосковиц до Извоза – на военной попутке. А потом двенадцать километров пешком.

В Хотнеже Тоня пожила с неделю. Валерка чуть окреп. Но становилось все тревожнее. Опять был слышен этот страшный гул, как в Двинске. Мать Федора уговорила двоюродного брата Егора довести Антонину с сыном до райцентра Волосово. Дальше можно было и на поезде добраться до Ленинграда.

Поезд, в котором ехала из Волосово Тоня с сыном, опережал наступающие немецкие части всего на две недели. Состав каким-то чудесным образом невредимым проскочил линию фронта, которой просто не было, потому что практически не было линии обороны. Ее в июле только начали создавать на рубеже реки Луги. К утру поезд прибыл на Варшавский вокзал. Она еще подумала: «Вот удовольствие для диверсантов. Приезжай прямо в Ленинград и взрывай что угод-

но». Какое-то мгновение она хотела даже поделиться этими своими рассуждениями с военными. Их много было на платформе, таких разных, деловито передвигающихся в разные стороны. Но вовремя одумалась и пешком отправилась в сторону Кировского завода, на Турбинную улицу...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВАЛИ ПАВЛОВОЙ:

Я хорошо помню этот день – 22 июня. К нам домой на Турбинной улице заходили взволнованные люди. Все думали, решали, как правильно поступить в такой ситуации. Мне приносили шоколадки, наверное, чтобы я запомнила уходящее сладкое детство.

Все оклеивали окна широкой белой бумагой крест-накрест, устраивали учебные воздушные тревоги. Мы с мамой прятались в туалет, подальше от окон. В первые дни войны дети с нашего двора гуляли в больничном садике и внимательно всматривались в подвальные окна больницы, надеясь увидеть диверсантов и задержать их. Понимали, что нужно быть бдительными и охранять Родину...

В начале июля в Ленинград вернулась Тоня с маленьким Лериком. Она худущая, голодная, в рваном платье, а он совсем слабый и еще не держит головку. Долго рассказывала, как немцы бомбили Двинск, и они еле-еле успели выбраться из горящего города. Все бросили: вещи, мебель... Федор в последний момент успел посадить их в уходящий товарный состав и побежал „занимать оборону“. Больше она ничего о нем не знала.

По всему было видно, что немцы уже совсем рядом с Ленинградом. На улицах баррикады, танки, патрули. Соседи из 26 квартиры уехали. Ниже этажом – тоже. Оставили нам ключи. 10 июля с Витебского вокзала в Новгород пытались эвакуировать детей, и соседка, которая жила ниже этажом, отправила вместе со всеми свою полторагодовалую дочь. А 15 июля на станции Бологое ей пришлось встречать обратный поезд. Немцы подходили к Новгороду, и детей пришлось тут же возвращать в Ленинград. Она рассказывала, что станцию страшно бомбили, и она целый день ждала поезд, сидя в воронках от взрывов. Поезд шел не останавливаясь. Из вагонов тянулись ручонки. Очень трудно было найти своих детей. Она нашла.

Через неделю начали эвакуацию жен военнослужащих с детьми дошкольного возраста. На вокзале нас ждал поезд – маленький паровоз и старые сборные вагоны. Мы парами, держась за руки, входили в вагоны. Вскоре все были на местах и поезд тронулся. Тоня, Валерик и бабушка Лена – Тонина мама – тоже с нами. Хорошо, что мы все вместе.

Два раза в небе появлялись немецкие самолеты. Они страшно ревели и бомбили. Поезд начинал громко и прерывисто гудеть, как бы отпугивая самолеты, потом всегда останавливался. Многие выбегали из вагонов. Антонина болела, и поэтому все время лежала, а бабушка, всякий раз хватая под мышку Лерика, а другой рукой держа тяжелую швейную машинку „Зингер“, выбегала из вагона, ложилась на землю и накрывала собой внука. Странно: бабушка спасала немецкую машинку от немецких же бомб. А мы с мамой оставались в вагоне. Мы не знали, как лучше поступать при бомбежке: оставаться в вагоне или выбегать.

Через день прибыли на станцию Нея в Ярославской области. На нас, страшных и испуганных, приходили посмотреть местные жители. Потом на лошадах отвезли в деревню Сивцево. Выделили очень маленькую комнату с кухонькой. Там была только одна кровать для Лерика. Утром взрослые уходили в колхоз на работу, а я оставалась возле братика.

Прошло дней двадцать или месяц. Слышала разговор взрослых: „Федя пропал без вести“.

Тоня пошла в военкомат. Пришла вся заплаканная. Там ей передали документ о том, что ее муж погиб в бою под Двинском и ее ребенку полагается пенсия 255 рублей в месяц. Бабушка ее утешала. Укачивая Лерика, Тоня всхлипывала и приговаривала: „Сиротка ты моя, сиротинушка“.

А потом вдруг как заговорит уверенно: „Жив наш папка, жив, чует мое сердце. Он обещал“.

К СВОИМ

Таких мгновений в жизни у Федора было очень мало. Радость переполняла его. Свободен, почти здоров, может идти! Он приподнялся, посмотрел, нет ли кого вдоль насыпи. Может, Сергей прыгнул? Никого. На всякий случай немного прополз по мокрой траве, потом уверенно встал во весь рост и пошел в сторону леса. Через час стало уже темно.

Путь предстоял долгий. Почти вся Литва, Латвия, Псковская область, Луга, Ленинград. Сразу решил, что идти нужно только ночью, а спать днем, забравшись на дерево. Он это проделывал в детстве, когда летом пас деревенских коров. И комаров меньше, и собаки не учуют. Обязательно обходить лесом крупные населенные пункты. Конечно, много придется прошагать, но зато меньше риск попасться. До Ленинграда по дорогам километров пятьсот. А так все семьсот будут. То, что нужно идти прямо к Ленинграду, он понял уже на следующий день. По всему было видно, что немцы уже далеко на востоке. Их бомбардировщики ежедневно летали в сторону Ленинграда. По литовским поселкам расхаживали здоровенные сытые мужики с ружьями и повязками с надписью „Policija“. На некоторых домах флаги со свастикой. Немцы почти не встречались. Уже прошла почти неделя, как Федор последний раз что-то ел, кроме лесных ягод, желудей и ворованных, еще не спелых огурцов. От такой еды сильно болел живот. Силы были на исходе.

Вечером в лесу Астахов наткнулся на еле заметный ручей, весь накрытый ветками ольхи, густо растущей по обоим берегам. Он был извилистый и узкий, совсем как у них на хуторе. Астахов осторожно лег на землю и опустил лицо в холодную воду. Сводило зубы. Голову и руки сразу облепили комары, которых он раньше почему-то не замечал. Первый раз за десять

дней Федор вдоволь напился чистой проточной воды. Промывая рану на руке, он осмотрелся вокруг. Спереди непроходимый кустарник, за ним светилась поляна. Слева была просека. Справа, за изгибом берега, под водой что-то блестело. Он подобрался сквозь заросли папоротника к этому месту. На дне ручья стоял большой алюминиевый бидон. Сняв маленькую крышку, торчащую над водой, Федор увидел сливки. Много жирных сливок, которые образуются наверху бидона с молоком, если его поставить в холод. Так делали и у него в деревне. Прямо этой же крышкой он стал зачерпывать густую белую массу и есть. Ел долго, пока не насытился.

Сил поприбавилось. Он лег прямо на траву и сразу замечтал: «Тоня с Валеркой, пожалуй, уже дома. Все-таки десять дней прошло. Ей, наверное, сейчас тяжело одной с ребенком». Не хотелось думать о плохом. Уже под утро, представляя себе, как они в деревне у матери лежат на теплой печке и пьют молоко, он не заметил, как заснул.

Очнулся Федор оттого, что кто-то тихонечко толкал его в плечо. Он вздрогнул, через мгновение проснулся и увидел перед собой девочку лет десяти-двенадцати. Белобрысая, с такими же почти белыми ресницами и с какими-то, как показалось Федору, не ее, чужими, глазами. Она что-то лопотала по-литовски и все время звала его, показывая в одну и ту же сторону.

«Ну вот, лопухнулся! Заснул прямо на земле. А эта что делает здесь одна в лесу? – подумал Астахов. – Может быть, рядом деревня или хутор? Что-нибудь случилось?» Девочка продолжала его тормозить. Федор поднялся, попытался спросить, но его явно не понимали. Она крепко вцепилась ему в руку и потащила в сторону по еле заметной тропинке. Через минут двадцать они вышли на опушку. Посреди поляны стоял старый бревенчатый дом и два больших сарая. Целое хозяйство. Людей не было видно.

Федор опять попытался разузнать у девочки, что она хочет, но та, как ошалелая, вдруг заплакала и еще сильнее стала тащить его к дому. Астахов что-то почувствовал, насторожился и, несмотря на все усилия белобрысой, стал постепенно продвигаться назад, к краю опушки. Тогда его оглушил резкий детский крик. Это орала девочка. Она кричала так громко, что Федор оторопел от неожиданности. За последние два дня он вообще отвык от шума. Тут же на поляне, как будто из-под земли, объявились три мужика. Они бежали к Федору. Каждый при винтовке и с повязкой. Они выскочили так быстро, будто давно уже ждали, когда он появится. Через несколько секунд Федор уже валялся на траве, избиваемый сапогами со всех сторон. Били долго. В живот, в лицо, по спине. Он слышал только крики мужиков и... детский смех да похлопывания в ладоши. Потом его связали, окровавленного бросили в сарай и закрыли дверь на замок.

Когда Астахов очнулся, было уже темно. Все тело болело. Руки и ноги онемели. Они уже несколько часов были стянуты толстой веревкой. Голосов не было слышно. «Наверное, спят, – подумал Федор, – или ушли за немцами. Завтра поутру потащат в комендатуру. Достукался. Девочку пожалел, растяпа. Видимо, им платят за пойманных русских... А может, это их сепаратор в ручье? Все равно – хуже некуда».

В сарае было темно. «Везет мне на эти сараи, – Федор вспомнил Малиновку и немецких танкистов. – Те хоть не били». Он стал переворачиваться на земле в надежде на что-нибудь натолкнуться. Довольно глупое занятие. Но другой возможности не было. Хорошо еще, что в сарае было много заготовленного сена, а то бы всю ночь так прокатался. Сколько прошло времени, он не помнил. Но во время этих выкрутасов ему удалось у самой стенки почувствовать длинную палку, а затем и лезвие косы. На сердце сразу отлегло. Дальнейшее было делом техники. Он всем телом лег

на косу, почувствовал руками лезвие и принялся двигаться, отталкиваясь пятками о стены, сгибая и разгибая колени. Все ладони были изрезаны, по рукам текла теплая кровь, но веревку удалось снять. Теперь – искать щель в стене. Щель была, но что-то делать с ней было невозможно. Сразу услышали бы. Тогда – копать яму под стеной. Когда Федор в потемках искал лопату или топор, он нашел рваный пиджак и огромную тяжелую шубу из овчины. Это было кстати, потому что становилось холодно по ночам, а он с тех пор, как попал к немцам, так и был в одной рубаше, галифе и сапогах да с перевязанной рукой.

Яму вырыть не проблема. Он замотал порезанные руки какой-то тряпкой, а потом лезвием косы и руками быстро выкопал лаз под стеной сарая. «Поджечь бы им этот сарай, – первое, что подумал Федор после того, как выбрался наружу. – Но нечем. Лучше уйти поскорее и забыть все это как дурной сон». У него теперь было лезвие косы и увесистая палка. Должно быть, ручка от колуна.

К СВОИМ

(продолжение)

Всю ночь Астахов пытался идти не задерживаясь. Он опасался погони и потому шел прямо по тому ручью, где вчера нашел бидон со сливками. Несколько раз он останавливался, но только чтобы промыть и перевязать руки да напиться. Начинался рассвет.

Лес закончился, а ручей продолжал свое течение через большое поле под мост, который соединял грун-

товую дорогу. На берегу стояла только что выстроенная будка из свежих, неструганных досок. Она находилась прямо около маленького моста, через который могли проходить машины. «Наверное, поэтому и пост. Быстро все делают, гады», – подумал Федор. Света внутри будки не было, но там явно кто-то курил и громко напевал уже знакомую немецкую мелодию. Астахов подкрался и прильнул к окошку. Тут же из дверей вывалился толстяк в немецкой форме. «Не в каске», – и, не рассуждая больше ни секунды, Астахов ударил его по голове палкой. Немец тихо опустился на землю. В будке автомата не было. Непонятно, что за роль была у этого бугая. Нашел только пистолет и одну обойму да еще полбуханки черного хлеба, банку каких-то консервов, ложку и котелок. Подождал с полчаса рядом в кустах. Вдруг явится второй. Может, у него есть автомат или граната. Так хотелось хоть одну гранату. Но никто не появлялся. Приходилось радоваться тому, что есть.

Поразительно, но, идя вдоль дорог через лес, он никого не встречал на своем пути. Ни немцев, ни местных полицаев, ни наших. А специально никого не искал. Время дорого. Да и, как он уже уяснил для себя, любой повстречавшийся здесь – опасность. Даже свой, выбирающийся из окружения, может выкинуть с перепугу что угодно.

Прошел почти месяц, как ему удалось бежать. Наступил сентябрь. Прошел всю Латвию, города Опочку и Псков. Пришлось делать большого «кругаля», чтобы их незаметно обойти. В маленьких деревнях выискивал полицейских, открыто входил в дом и, угрожая пистолетом, требовал продукты, хлеб, картошку, сало. Быстро уходил в лес. Никто за ним не гнался. Наверное, рады были, что хоть вообще не прибил.

Километрах в тридцати от Пскова долго караулил в кустах около проселочной дороги. Ждал, не поедет ли кто. Ни души. Осенний лес, желтеющая трава, даже

птиц не слышно. Справа, за поворотом, что-то затахтело. Через несколько секунд из-за кустов появился новенький мотоцикл с двумя немцами в касках и очках. К коляске был прикреплен пулемет. «Вот удача! – подумал Астахов, – теперь главное – не промахнуть». Он легко застрелил обоих, затем выскочил из кустов, чтобы снять оружие. Радость переполняла его, быстро возбуждала в воображении яркие картины будущих диверсий и схваток с немцами. В этот миг из-за поворота выкатился большой фургон, остановился, и из него стали выпрыгивать солдаты. Раздались команды офицеров, и солдаты начали стрелять. «Назад! В лес! Дурак! Нет, чтобы проверить сначала. Бесплатного сыра захотел», – думал Федор, так и не успев как следует вооружиться. Потом, петляя километров пять, он бежал что было силы. Слава богу, не попали. Еще долго была слышна стрельба, но в лес немцы не сунулись. Тогда он в первый раз ясно понял, что одному, без страховки, в таких ситуациях ничего серьезного не сделать.

Наконец-то река Луга. Где-то рядом Толмачево. Долго шел вдоль берега, пока не набрел на хиленький плот. По обе стороны реки густой лес. Никого. С большим трудом перебрался на другой берег. Грести двумя шестами, связанными оторванными рукавами от рубашки, довольно глупо, но приходится. Своих все нет и нет.

Уже на этом берегу прибились к нему двое. Якобы из окружения. Похоже. Рваные, драные, голодные, безоружные. Но целехонькие, нераненые. Почему к нему прибились, а не наоборот? У него пистолет! Дня два шли по узенькой лесной тропинке, почти не останавливаясь, по всему было видно, что скоро линия фронта.

Вдруг что-то свалилось на них. Они не успели ничего понять. С трех сторон на них выскочили человек пять. Сбили с ног, заломили назад руки и потащили куда-то в сторону, громко ругаясь матом.

«А вот, наконец, и они, родненькие», – сказал себе Астахов с непонятным чувством. Закончились наконец-то его трехмесячные мытарства и тревоги от неизвестного. Почему же неизвестного? Как раз известного. Федор хорошо знал, как их могут встретить свои. Как и насколько могут продолжиться его мучения. Но зачем тогда шел? Ведь не дурак же в конце концов. А просто мысли об этом его еще не удосужились посетить. Пока что привнесенные рефлексy кадрового офицера были сильнее природных рефлексy человека.

16 августа 1941 г.

...Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образцы смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать...

Приказываю:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен, – уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи...

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

*Ставка Верховного Главного Командования Красной Армии:
Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин
Зам. Председателя Государственного Комитета Обороны
В. Молотов*

Маршал Советского Союза С. Буденный

Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Маршал Советского Союза К. Ворошилов

Маршал Советского Союза Б. Шапошников

Генерал армии Г. Жуков

(Из приказа № 270 Ставки Верховного
Главного Командования Красной Армии)

ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЙ ОТРЯД

Это был специальный отряд¹⁹. Они всех проверяли, кто шел в сторону Ленинграда и попадался к ним. У Астахова отобрали немецкий пистолет. «Черт возьми, так жалко! Сколько с ним протопал! А теперь еще скажут, что сам немец, раз уж пистолет немецкий. Это им раз плюнуть».

Федора подвели к старшему. Стало слышно, как его уже сдавали попугачики.

– ...шел один, с пистолетом, якобы, парашютист, – докладывал один из них, кивая на Астахова, – не верим. Он рассказывал, будто ему платили деньги за прыжки с парашютом, а если с пулеметом, то еще и прибавляли. Не может такого быть в нашей армии. Да и пистолет немецкий.

«Хороший расклад, – подумал Астахов, – их двое, а я один. И нужно было с ними трепаться! Соскучился по людям». Отправили в штаб, который находился рядом, шагах в ста. Там проверяли обстоятельно. Главным был капитан, низкого роста, коренастый, голова совсем без волос. Он сидел на поваленном дереве, смотрел вниз, ковыряя землю прутиком, одинаковым ровным голосом задавал вопросы.

– Какие театры и какие кинотеатры есть в Ленинграде? Что находится в Пушкине? Какой памятник стоит около Исаакиевского собора? – Потом резко поднял голову, посмотрел на Астахова и закричал: «От-ве-ча-ать!»

А Федор их и не знал-то толком: ни памятников, ни театров. Они ходили с Тоней в один какой-то.

– Один знаю. Вроде «Титан» называется. Смотрели «Чапаева», – отвечал Астахов. – В Пушкине кладбище... парашютистов...

– Ты знаешь, давай не юли, отвечай на вопросы, давай! – продолжал кричать капитан, – а то у нас время не резиновое. Какое, к черту, кладбище парашютистов? Я тебя про школу спрашиваю, где Пушкин учился, а не про кладбища. Это тебе, поганка паршивая, так хочется, чтобы кругом только кладбища наши были. Помечтай, помечтай!.. Вот ты себя и раскрыл!

В общем, что ни отвечал Федор, все не в масть выходило, а только вызывало удивление, недоверие и злость.

– Ишь ты, – продолжал капитан, – платили деньги за каждый прыжок с пулеметом. Заврался сука! – он

посмотрел на свою команду, не то завидуя, не то удивляясь наглости Астахова и, резко разведя руками, чуть прогнувшись вперед всем телом, впялился в глаза Федору: «Что? Не подготовился, диверсант поганый?» Не дожидаясь ответа, капитан спокойно махнул рукой в сторону толстой березы, одиноко стоящей на полянке и, отворачиваясь от Астахова, тихо произнес кому-то:

– Отведи его!

«Вот тебе и пришел к своим, – подумал Федор, – наверное, навидались проходимцев. Да и прав им было дано хоть отбавляй. Запросто могут шлепнуть. По крайней мере, ясно, что это точно свои».

Астахова отвели к дереву. Чуть поодаль от него стал боец с винтовкой.

«Дело порохом пахнет. Тут будет похуже всех моих сараев и в Литве, и под Малиновкой. Этим пленные ни к чему. Придется попробовать», – быстро соображал Федор. Он сел на траву и стал стеклом от битой бутылки надрывать подкладку на заднике сапога. Долго мучился: зашито было накрепко. Наконец вытащил тонкий пакет, замотанный в шелк от парашюта...

В армии считалось, что такие важные вещи, как дорогая машина, самолет или диверсии в тылу противника, требуют особого доверия. Там ведь нет комиссаров и политруков. В самолете часто место только для одного, а парашютисту между небом и землей с кем-то советоваться тоже не с руки: хорошо он поступает или плохо. Может ведь и плохо поступить, приземлиться чуть подальше и уйти к врагу. А летчик вообще может улететь и не вернуться. Выход один: нужно, чтобы они как-то чувствовали свою ответственность. Тогда считалось: прими его во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков – и нет проблем. Тут тебе сразу и ответственность, и любовь к Родине...

Однако после первых же боев, почувствовав силу врага и беспомощность командования, некоторые бро-

сали свои партбилеты. Тем более, если находились в окружении или плену. Немцы или полицаи найдут, а то и свои сдадут – сразу смерть. Да и чего его беречь в плену-то? Уж теперь все равно. Какой ты коммунист? Изменник! По всем действовавшим тогда советским правилам и законам.

Астахов достал свой билет члена ВКП(б) и, продолжая сидеть на траве, протянул его капитану. Тот подошел, взял и долго рассматривал документ. Потом его передавали из рук в руки и читали, словно дети, по слогам, как реликвию какую.

– Да-а! – многозначительно произнес главный, как будто бы закончил сложное расследование, – то, что говорили эти два твоих попутчика, не подтверждается. Тут в билете ясно написано: «выдан в городе Пушкине», и подпись комиссара бригады.

– Непонятно только, зачем он врал про кладбище и деньги, – встрял лейтенант, тот, что вначале выслушивал попутчиков Астахова, а потом привел его к капитану. – Зачем врать-то нам, спрашивается?

– Да не вру я, – оправдывался Федор. – Вот я с июля иду, а у меня всегда с собой сто рублей, еще с тех денег, что давали за прыжки.

– Ну, тоже доказал! – не успокаивался лейтенант, поглядывая на кучку купюр, лежащих тут же рядом на развернутой плащ-палатке.

– Ладно, пусть идет, – подвел итог главный, возвращая билет Астахову. – Не до него сейчас. А обложка билета потерта и надорвана. Нужно лучше хранить партбилет.

– А пистолет? – спросил Федор.

– Обойдешься, – коротко обрубил капитан. – Здесь до самого Питера все свои. А там разберутся.

– Идите вот так, – участливо стал разъяснять дорогу пожилой старшина. – Через километров пятнадцать будет железка. Дождитесь поезда. И, если повезет, на нем как раз доберетесь почти до Ленинграда

или до укрепрайона в Красногвардейске. Там остановят, проверят и вперед.

«Ишь ты, теперь даже на „Вы“ ко мне, – подумал Федор, – а пистолет все равно не вернули гады!» Про деньги он уж и не вспоминал.

Волосово и Большой Сабск немцы захватят через два дня. Кингисепп возьмут через неделю. Дорогу на Ленинград между Красногвардейском и Красным Селом немцы перережут через двадцать дней.

К СВОИМ

(продолжение)

День только начинался. Астахов остался один. Сегодня ночью он в очередной раз ушел от своей смерти.

Прошло часов пять. Он вышел из леса и направился к железнодорожному полотну. Дорога «Веймарн–Волосово–Красногвардейск–Ленинград». Вся земля вплоть до насыпи была покрыта желтыми березовыми листьями. Низко, прямо над путями то и дело пролетали ласточки. Вокруг никого. Через полчаса вдали послышался шум приближающегося поезда. Он постепенно усиливался. Тревожные чувства все больше и больше захватывали Астахова, сердце билось учащенно. Стук колес постепенно сливался с частотой биения его сердца. Мыслей не было. Была одна сплошная тревога. Отгоняя ее от себя, Федор побежал по насыпи вдоль вагона с открытыми дверями, пытаясь как-нибудь зацепиться за ступеньки уходящего вагона.

Его подхватили за руки и втащили в насквозь прокуранный вагон, полный солдат. Тепло от буржуйки

и запах хлеба заставили Федора расслабиться и забыться. Никто его ни о чем не спрашивал, и он сразу завалился спать в углу вагона.

После жуткой ночи допроса в спецотряде Астахов спал как убитый. До Красногвардейска оставалось не больше часа. Он спал, а его сознание само, без каких-либо указаний «сверху», будто по инерции продолжало в обратном порядке раскручивать все, что он видел и пережил в последние месяцы. Совсем в другом свете представились ему недавние события. Они как-то по-особому извернулись в его памяти и «заговорили» с ним на очень понятном языке.

Вот Астахов сидит вместе с другими солдатами и как будто со стороны видит себя спящим в вагоне среди раненых красноармейцев. Проходит час, он просыпается. Поезд подходит к Красногвардейскому укрепрайону... Из вагонов выскакивают солдаты, гражданские, женщины, дети. Федор идет вместе с ними к выходу из вокзала. Вдруг все останавливаются. Солдаты выстраиваются в шеренги, из которых выходят командиры, и военные проходят через шлагбаум повзводно... «Взрывная смесь» из разорванного пиджака и командирских галифе неотвратимо вела к задержанию. Астахова арестовывают... Вот он уже в кабинете с зарешетчатыми окнами.

– Что ты мне свой билетик показываешь? – размеренно и звонко, как будто молотком вбивая гвоздь, говорит сержант госбезопасности, – Не в трамвае. Где твой взвод? Где оружие? Где документы? Сжег, подлюга. – Он бросает партийный билет Астахова в заполненную скомканными листами бумаги урну и продолжает: «Подожди, мы еще проверим твою руку. Умник нашелся. Мы таких самострелов быстренько отлавливаем. Так что если там пуля, то мы больше не будем ничего спрашивать. Тебе сразу станет хорошо».

– Сейчас не июль, и мы не в лесу! – с ходу начал кричать толстый мужик в штатском, который только

что быстро вошел в кабинет следователя. – Намотал тут бинтов, понимаешь. Что молчишь?

Он, не размахиваясь, резким коротким ударом в живот сбивает Астахова со стула, стаскивает с него пиджак и разрывает ножом грязный бинт на руке. Рана еще не зажила и немного кровоточит, но всякому понятно, что такое отверстие бывает только от осколка. Еще больше разозлившись то ли на допрашиваемого, то ли на самого себя, штатский несколько раз бьет ногой лежащего на полу прямо по открывшейся ране. Федор теряет сознание...

У самого окна стоит офицер. Он смотрит в окно и молчит. Потом поворачивается и подходит вплотную к Астахову. В руке у него немецкий пистолет, который недавно забрали у Федора в заградительном отряде.

– Вот я всякий раз подсказываю тебе, Федя, а ты все не слышишь и не слышишь меня. – Астахов силится понять, кто это. Голос кажется ему знакомым, но лицо... Где-то он его видел. Причем совсем недавно. «И почему у него мой пистолет?»

– Нам таких не нужно, – улыбаясь, спокойно продолжает капитан. – Ты вот хотел скорее в бой? Все хотели. Только я тебе этого не дам. Нужно еще заслужить. Возьму и арестую весь твой взвод запросто так и буду спокойно ждать разъяснений, отчего это у тебя такой непривычный мне цвет галифе. И потом. Ты ведь никак в плену был, Федь. Все-е-е! Ты теперь не наш. Ты такой грязный, что от тебя все должны шараться, как от вшивого. И я в первую очередь.

Астахов вдруг узнает голос своего брата. «Но подошедший капитан? Этот точно не Алексей, – быстро подумал Федор. – Но кто тогда?.. Ну да! Тот му...к, что арестовал целый взвод и Богданова на дороге под Двинском! О господи! Что-то у меня с головой».

– Уж не шпион ли ты, Феденька? – продолжает капитан. – Сколько же тебе разъяснять одно и то же?

Даже твои друзья, пленные, ясно сказали, что нужно делать. Так нет же! Убег и опять туда же! Я уж тебе специальных людей на помощь выслал. Мол, разьясните вы ему, непонятливому, что да как... Нет. Никак не понимает политику партии и новый немецкий порядок. А ведь доходчиво разьясняли...

Астахов приходит в себя. Его поднимают, усаживают на стул и выливают на голову полграфина воды. Никакого капитана в кабинете нет... Федору не дают ничего сказать. Следователям все равно, что он скажет. У них приказ. Одно из двух: или дезертир, или диверсант. Других для них просто не существует. Другие – в действующей армии, на Лужском рубеже. Раз не самострел и не дезертир, значит диверсант. Входят два бойца и тащат Астахова из кабинета куда-то по коридору.

«Ну и сон, – Астахов весь в поту в переполненном вагоне просыпается на секунду. – Какого черта?» – успевает он подумать и вновь проваливается в какую-то бездну, где яркие, но непонятного цвета образы вновь начинают его окружать со всех сторон...

В камере на Федора смотрят десятки озлобленных глаз, таких же, как он, потерявшихся, отставших, а может, и самовольно покинувших свои части. Перевязать руку нечем. Воды в камере нет. Приходится разрывать зубами то, что осталось от рубахи, и хоть немного перетянуть руку, чтобы остановить кровь. Только сейчас он наконец-то выплевывает окровавленные осколки от двух сломанных зубов. Болит печень. Он запрокидывает голову, чтобы не текла из носа кровь, и вдруг снова будто наяву, видит перед собой сегодняшних следователей... Только вместо них огромные нахохлившиеся птицы, которые сидят на своих стульях и что-то каркают. Находясь во вредном цеху, все время дыша воздухом явных или мнимых врагов, они постепенно превратились в такие существа. Не факт, что они могут по-человечьи думать или гово-

рять где-нибудь в очереди, на работе или в окопе. Любые слова, объяснения, переживания просто отскакивают от таких, как горох от печки. Им нужно только то, что им нужно. А нужно им, во-первых, оправдать свое место на стуле, а не в окопе. То есть всю свою жизнь «выявлять» и «выявлять». И чем больше, тем лучше. Без ограничений. Хоть всех остальных, даже своих родных или непосредственных начальников, крупных политиков или совсем незаметного крестьянина и слесаря на заводе... Ну и потом – война. Если уж в мирное время все делали под гребенку, то чего сейчас-то губы раскатывать?..

На следующий день его опять приводят к следователю. В углу на стуле сидит Тоня. Все правое ухо у нее синее, под ним ярко буреет пятно запекшейся крови. Она сидит, бессильно опустив руки, и смотрит на стену прямо напротив себя. Когда вводят Федора, она чуть поднимает голову и начинает рыдать.

– Хватит комедию ломать! Когда последний раз видела этого? – спрашивает штатский, показывая на Федора.

– Я же говорила уже.

– Отвечать! – кричит следователь.

– 24-го июня в Двинске.

– И как это ты выбралась оттуда? И уже второй месяц живешь в Ленинграде? Хватит врать! Тебя там никогда не было. А муж твой уже давно работает на немцев, еще после финской кампании.

– Спросите у соседей по квартире. Они подтвердят, – быстро говорит Тоня и испуганно останавливается. Ей вдруг становится понятно, что будет с соседями, когда тех приведут сюда.

– Они подтвержда-я-т, – передразнивая Антонину, произносит следователь, – они все подтвердят, даже не сомневайся.

Астахов пытается вырваться и подбежать к Антонине. Он хочет ее хоть как-то утешить, обнять, ска-

зать, чтобы она не верила, что все не так. Но его крепко держат двое охранников. Один из них больно нажимает на рану в руке. Следователь его вообще ни о чем не спрашивает... Буквально через минуту Тоню почему-то выводят из кабинета. Она успевает только мельком взглянуть на мужа. В ее глазах столько ужаса, что Федор вздрагивает: «А где же Валерка?» Страшные мысли приходят ему на ум. От такого за просто можно сойти с ума.

– Ну, ты все понял, Астахов? – спокойно продолжает следователь. – Тебе лучше все рассказать, как было на самом деле. Да побыстрее. Знаешь, сколько вашего брата дожидается. Сегодня тебя все равно отправят далеко-далеко... В тыл. Будешь там работать, если трибунал позволит. А не позволит – значит, каюк тебе, Астахов. Жену, конечно, не расстреляют. Но тоже отправят в тыл, на лесоповал. Это же хорошо, Астахов. Ни тебе бомбежек, ни тебе обстрелов. Знай, работай не покладая рук. Пацана твоего уже определили. Так что радуйся моей доброте и колись, пока еще жду. Вот так Родине изменять, подлюга!

Ночью его забирают из камеры и снова, уже в который раз, ведут на допрос. «Зачем? И почему куда-то вниз? Может, в трибунал?» В длинном коридоре подвала никого нет. На полу большие лужи воды. Давно отлетевшая штукатурка на стенах и потолке обнажает неровный красный кирпич. «Нет. Это не трибунал...» – успевает подумать Федор.

...Астахов открыл глаза. Он не смотрел ни на кого и не видел никого. Перед ним был только зияющий проем в стене вагона и быстро мелькающие в нем картинки с уже голыми березами. Он быстро поднялся с пола, протиснулся между солдатами, курившими возле открытых дверей, и, не раздумывая ни секунды, выпрыгнул из вагона.

Федор упал прямо на раненую руку и остался неподвижно лежать под насыпью, пока не очнулся, ус-

лышав громкий гул немецких самолетов. Через десять минут со стороны Красногвардейска слышались прерывистые гудки паровоза только что ушедшего эшелона и разрывы бомб...

ДЯДЯ ЕГОР

Очень часто в сложнейших кризисных ситуациях человек не может «просчитать» все варианты последствий того решения, которое нужно принять. Астахов же обычно долго, обстоятельно, по-крестьянски обдумывая свои ходы, в экстремальных ситуациях быстро находил то единственно верное решение, которое необратимо определяло весь выбранный им дальнейший ход событий. Так было на вокзале в Двинске, перед бомбежкой, когда десятым чувством он «нашел» те самые грязные и старые вагоны, которые через минуту почему-то двинулись именно на восток, унося от войны жену и сына. Другие ждали. Ждали чего-то привычного, комфортного. Так было и в эшелоне с пленными. Федор ведь не боролся с судьбой. Нет. Он только менял свое положение. И менял в самый важный, самый решающий момент. Через мгновение было бы уже поздно. Другие оставались ждать уготованной им судьбы. Поезд или увозил его от беды, или беда продолжала свой путь, а он покидал Ее (судьбы) поезд. И всякий раз что-то иррациональное подсказывало ему решение. Стук колес, биение сердца... Или полная тишина.

Так было и сейчас. Только в этот раз вторичные, привнесенные рефлексy угасли. Их с трудом начина-

ли вытеснять другие – общечеловеческие. Да еще одно: осознание реальности и уверенность в том, что оно правильное. Многие в таких условиях часто добровольно попадают в плен своей непреклонности, обрекая себя в итоге на еще большую беду. Это не про трусость или ее обоснование. Иногда бывает лучше иметь убеждение в чем-то, а не убежденность. Ведь вера, не знающая сомнения, – мертвая вера. Тем более что люди обычно склонны верить в то, что им желательно. А в то, чего они боятся, они верят еще больше, чем в то, чего жаждут. Убежденность – это не набор поступков и прекрасных убеждений. Это всего лишь то, как относится человек к своим собственным поступкам и убеждениям. Здесь, именно в этом отношении, и проявляется его уверенность в своей правоте.

Астахов ясно понимал, что тем, наверху, такие, как он, совсем не нужны. Они испачканы крупными ошибками больших начальников. Они живые свидетели этих просчетов. И не важно, что им случайно удалось выжить в том бардаке и вернуться в строй. Таких, чересчур самостоятельных, умудренных, деловых и удачливых не требовалось никогда. Опасно таких иметь. И в деревне, и в городах, и в армии. Этот пласт – лишние люди. Никто не любит, чтобы ему все время совали в морду его грязные подштаники. Власть – тем более. Придут новые, молодые, веселые, не отягощенные лишними знаниями. Их очередь – с разбегу, не сомневаясь, прыгать в огромную «властную» мясорубку.

Федор шел быстро. Была ясная цель. Она подгоняла. Станцию Молосковицы пришлось обойти. Там стояли немцы. Танки, машины, бензозаправщики, эшелоны с черными цистернами. «Вот сюда и надо в первую очередь наведаться, – подумал Астахов. – И недалеко». Еще тридцать километров – и деревня Красный Маяк.

Так и есть. По деревне уже расхаживали полицейские с винтовками и повязками на рукаве. Как все-

таки у них все это быстро делается! Уже какая-никакая, а власть. Что простым людям против нее?

Деревенские старики строгали бревна. Наверное, для моста. Уж явно не себе. Полицай тут как тут, надзирает. Федор подполз со стороны оврага через заросли крапивы и репейника, незаметно стащил топор, небрежно брошенный кем-то из работников.

Теперь к Луге, в лес, на хутор за церковь в Хотнеже.

Проходя по берегу Лемовжи, Астахов посмотрел на родной дом. Целехонький. Немцев не видать. Вообще никого не видно. Может, убили всех? Или свезли куда? Да нет, виден дым из труб в трех домах. «К матери не пойду! – подумал он, – уговорит остаться. Сначала все налажу, уж потом. А вот и знакомая крутая гора – спуск к Луге...»

Два следующих дня Федор мастерил землянку из старого погреба для картошки, забросал все ветками, сложил самую простую печку из камней, обмазал глиной. Правая рука опять сильно заныла. Давал о себе знать осколок. Все-таки притащил длинное бревно. Пусть лежит между кустами, где землянка, и лесной тропинкой. Буду по нему ходить зимой, чтобы не видно было следов. Что ни делай, а получается все равно только блиндаж. Как учили! В общем, три-четыре человека влезут и смогут спать в тепле. Главное, его не видно ни с какой стороны. А в чащобе никто не найдет.

Астахов вспомнил вот такую же маленькую баньку в Финляндии. В ней тогда человек двадцать набралось. Все замерзшие, в ботиночках с обмотками. Мороз был под сорок градусов. Финские партизаны только этого и ждали. Бац с миномета – и нет баньки. Попадали из автоматов – и на лыжах обратно в лес. Все было заранее подготовлено, пристреляно. Вот тут он хорош, миномет-то!

Что с оружием? Он знал, что нужно идти в Гостино, к брату отца. Ему сейчас лет семьдесят, и у него еще с гражданской хранилась винтовка. «Уж наверня-

ка не сдал. Заодно поспрашиваю его, что да как», – решил Федор.

К вечеру добрался. Обошел всю деревню. Соседские собаки вроде спали. Можно сунуться. Постучал в окно. Через минуту в избе зажгли керосинку и посветили в окно.

– Кто там шляется по ночам?

– Свои.

– Свои все дома.

Астахов узнал хриплый, прокуренный голос дяди Егора.

– Это я, Федор, дядя Егор. Я один, открой.

Он прижал лицо прямо к окну.

– Федька, ты? Ну ты даешь! Худущий. Откуда? Давай сюда, только очень тихо. У соседа собаки.

– Да я знаю.

Обнялись на крыльце. Прошли в комнату. Тепло. Натоплено. Из чугунок на печке слышен забытый запах теплой вареной картошки. От такого аромата Федор разомлел, еще даже не выпив дядькиного самогона. Потом они всю ночь проговорили в потемках, не зажигая света.

Что Астахов для себя уяснил?

Мать жива-здоровая. Тоня с сыном приезжала и через неделю дядя Егор отвез их в Волосово. Немцы уже месяц как прошли на Питер. В округе одни полицаи. Радио нет. Газет тоже. Иногда немцы наведываются на машинах. Проверят, напьются, кого-нибудь расстреляют.

– Власть есть, конечно, – размеренно говорил дядя Егор, осторожно глотая куски горячего развалистого картофеля. Зубов у него почти не осталось, поэтому он старался все обрабатывать губами. – Полиция и старосты – на высоте. Все вынюхивают, докладывают. Их боятся. Богатых тут нет, ты знаешь. Раньше были все в колхозах, более или менее приравнялись. Раскулаченные здесь не объявлялись. Так что заметных

изменений не видать, – причмокивая губами, докладывал родственник. – Кленов Всеволод, из Сабска – главный полицей.

– Как – Кленов? Он же партийный.

– Этот самый злоющий. Своих лично расстреливал. То ли партизаны это были, то ли так, затерявшиеся. Сейчас черт разберет. Я сам видел. – Дядя Егор плотно сжал губы и затряс головой, будто подтверждая тем самым только что сказанное. – Мельницу на речке помнишь?

– Напротив красных скал.

– В общем, если и приходил кто туда, то ночью. Никто не знает, партизаны или нет. Во всяком случае, мешок муки перемололи и убежали. Ну, потом приходили немцы. Так они расстреляли этого мельника.

– Как узнали?

– Доложили. Вообще, здесь они особенно не распространяются, партизаны-то. Если и были работники районных комитетов или советские работники, так они где-то далеко в лесах скрываются, и не особо-то их найдешь. Но они тоже появлялись. Наберут продуктов, может, коровушку заберут, может быть, и хлеба. И опять уходят. Следы простыли. – Старик положил еще по две картофелины и себе, и Федору, налил в стаканы, руками провел по длинным, седым, давно не стриженным волосам и продолжил: – А потом эти полицейские, да и всякие другие службы начинают по всей округе разнюхивать, разыскивать. Где? Откуда приходили? Вот так все и проходит. Как и должно быть на оккупированной территории, – обстоятельно закончил дядя Егор.

Астахов подумал: «Толково говорит дед, без лишних украшательств, одну суть. С Кленовым нужно разобраться. Непонятно, что должно было случиться, чтобы он стал с немцами? Хотя, что же тут непонятного?»

– Крестьянину порядок нужен, – опять заговорил дядя Егор, как будто слышал, что подумал про себя Федор. – Он с рождения все рядами или бороздами измеряет: и картошку, и хлеб, и самое главное – свой надел. А чей порядок – это уже второе дело. Чья сила – того и порядок. Сначала был барин, потом красные, белые, опять красные, затем колхоз. Теперь вот немец. Внешне-то что изменилось? Ничего. Раньше редко видели хозяина, и сейчас немца почти не видать. При своих ездить никуда не могли и при этих тоже. А начальников всегда было хоть отбавляй. Они и сейчас есть. Да и Кленов-то этот не просто крестьянином был. Он еще при своих успел набраться всего, что прилипает к начальству и уж ни в жисть не променяет эту благодать на какой-то там патризм.

Дядя Егор снова разлил самогон по стаканам, крикнул, ничего не говоря и не чокаясь, выпил залпом, взял горсть квашеной капусты, поднес ко рту, глубоко вдохнул ее запах и продолжил.

– Ты-то чего? Надумал что? Или как?

– Да, дядя Егор, надумал. Нужно здесь оставаться.

– Зачем это?

– Делать отряд, искать надежных людей, оружие...

– И что дальше?

– Как что? Будем бить немцев и полицейев...

– До своих, значит, не пойдешь?

– Нет, не пойду. Я к ним уже шел. Долго шел. Только там меня сейчас не ждут... А если и ждут, то совсем для другого. Я это точно знаю. Научили. Да и я не очень-то рвусь. По крайней мере, теперь. Пройдет время – посмотрю. А пока нужно здесь дело делать, самому во всем разбираться.

– Ну-ну.

– Я в плену был, дядя Егор. Немного, правда, потом бежал. Лучше, чтобы и Тоня не знала об этом, а то и ей достанется. Повоюем здесь! Там пока все начальники как чокнутые. Только и ищут диверсантов да тех,

что в плен попали в самом начале. Мол, если всех расстрелять, так и в плен некому будет попадать. Короче, одна дурь в головах! Сейчас нельзя. Потом. Если сладится, можно и в Ленинград. А пока – нет! – Федор остановился, чуть успокоился и перешел с уверенного тона на другой, какой-то просящий и мечтательный. – Очень мне хочется сделать отряд. Хотя бы человек пять. Помоги, а? Ух, наворотили бы... А этих гадов нужно убивать. – Астахов мотнул головой в сторону соседского дома, где жил полицейский, чтобы видели все, как против своих идти...

Они совсем не говорили ни про немцев, ни про их порядки. Такие они или сякие – это для них было неважно. И так все ясно. Важно, что это немец. Чужой, не свой. Самые гнилые людишки, что жили в деревне, для немцев были самые нужные...

Вся проблема была в своих. В тех, что ушли, оставили их врагу и даже после этого, как выясняется, совсем не торопились изменяться.

– А свои не спросят потом?

– За что? Мол, как это я без спроса начал убивать почти советских людей?

– Ну, хоть бы. И почему «почти»? Это русские люди. Они живут сейчас под немцем. Те заставляют работать. И в полиции тоже. Наша армия ведь их бросила... Мы ее кормили, а она эвона как.

– Пусть сначала вернутся... Свои... А даже, если так...

– Что-то я не пойму тебя, Федька. И те гады, и эти плохие...

– Трудно понять, дядя Егор. Я сам пока не все понимаю. Но одно знаю точно. Глупо запросто погибать как у своих, так и у этих. А именно это меня ждет и там, и там. – Федор задумался, снова налил самогона в стаканы и произнес, словно тост за кого-то отсутствующего. – Как меж двух огней, понимаешь. Будто между небом и землей...

– Да уж... Тут, пожалуй, все дело во времени. Долго так не полетаешь. Сгоришь или расшибешься. Вот что я тебе скажу, – многозначительно произнес старик, – так уж повелось у нас сразу после революции. Как начали, так и до сих пор все торопимся счастливую жизнь построить. Потому впопыхах всех стараемся под одну гребенку грести. Так ведь проще.

– Вот именно. Так раскулачивали, так врагов народа искали, так же и к пленным...

– Так же и полицейский, – перебил Федора дядя Егор. – Ведь все молодые в полиции. А как иначе? Иначе шлепнут. Да и за кусок хлеба опять же. Вот и ищи теперь, где они, надежные-то? Тут надо думать, прежде чем руками махать. А то ведь запросто наоборот можно все перевернуть, – добавил дядя Егор, – почти всех местных против себя настроишь. Больно много в полиции, Федор. Считай, вся молодежь и мужики, которые остались.

– Значит, мне теперь и выбирать, мне и убивать? Больше некому?

– Ишь, какой судья нашелся!

Они еще долго мусолили эту тему. Но ни Федор, ни умудренный жизнью дядя Егор так и не смогли ответить на один простой вопрос. Что заставляло Астахова лететь в этом «затяжном прыжке», они теперь знали. А вот что позволяло бы ему выживать в таком состоянии, долго находясь между небом и землей?.. Тут был тупик.

С одной стороны, он ведь не смог бы здесь жить, созерцая со стороны. Ни по складу своего характера, ни из-за обострившихся в отсутствие подчиненных рефлексив офицера. С другой стороны, никакие высокие идеи здесь не помогут, если ты не слепой фанатик. Идею или недавняя убежденность в последние месяцы стиралась и вымывалась под воздействием реальности. Она замещалась совсем другим чувством.

Каким? Пожалуй, это чувство уверенности в том, что ты делаешь. Даже в основе этого понятия совсем другое слово – не «беда», а «вера». Обыкновенная месть – не

то состояние души, которое способно у русского человека долго поддерживать дыхание в «разряженном пространстве». От мести Монте-Кристо здесь осталось только что-то общее, совсем не личное. Да и за что мстить? Многие поступки местных мужиков можно объяснить. Многие, но не все! Значит, есть что-то, находящееся за гранью понимания и прощения. Но ведь это только его границы морали и нравственности, Федора Астахова...

К утру расстались. Винтовки дома, конечно, не было. Договорились, что завтра дядя Егор поедет в Хотнежу и на телеге с сеном привезет. Но патронов оказалось всего пять штук. Дядя будет присматриваться к молодым, чтобы потом поговорить по душам. Ну, и к сволочам тоже...

«Вот так. Разведка уже есть, – привычно рассуждал Федор, торопясь к рассвету поспеть в свою землянку. – Теперь дождусь оружия. Не хочу к матери явиться драным, голодным и безоружным».

На следующий день внезапно объявились немцы, и дядя Егор по пути в Хотнежу на всякий случай бросил винтовку в траву. Астахов потом долго искал ее. Нашел, и сразу почувствовал себя человеком. Человеком, который что-то может изменить хотя бы здесь, у себя на родине.

РАССТАНОВКА СИЛ. ТЫЛ ВРАГА. ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ

На оккупированной территории создавалась новая власть: целая иерархия властных, полицейских, разведывательных и других структур, которые стреми-

лись в зародыше задушить любое подобие партизанского движения. В ряде средних российских городов гласная агентура противника достигала от пятисот до полутора тысяч человек.

Если учесть еще и тайную агентуру, завербованную из местного населения, то эти цифры во много раз увеличивались. В деревнях власть была у назначенных старост. Надзор за соблюдением насаждаемого порядка осуществлялся гражданским и военным комендантами, отделениями гестапо, полевой полицией, уголовно-сыскной полицией, состоящей из немецких полицейских.

Заняв населенный пункт, фашисты назначали бургомистра или старосту и издавали приказы на русском языке. За содействие в борьбе с партизанами, за «основательные сведения» о них выплачивались вознаграждения до 100 рублей. В функции полевой полиции входили сбор с населения продуктов и вещей, поимка лиц, враждебно настроенных к оккупационному режиму, охрана военных объектов и заводов, сбор населения на различные принудительные работы. Зарплата «добровольных помощников» составляла от 30 до 47 марок в месяц, что соответствовало сумме от 327 до 525 рублей.

Жители села должны были иметь паспорт и справку от сельского старосты с подтверждением, что этот гражданин действительно является жителем такого-то сельского населенного пункта. Для передвижения из села в село также нужно было иметь справку, выданную старостой. Указывался путь следования, цель и точный срок прибытия. Движение местных жителей в селе разрешалось с 6.00 до 17.00. Нарушители арестовывались или расстреливались на месте. Без предупреждения расстреливались те, кто шел вне дорог, появлялся в ночное время в лесу. К числу «шпионов» относили всех, кто ходил обросшим, одетым в ватник или оборванную одежду. Если что-то проис-

ходило в деревне недозволенное, например, кто-то неизвестный приходил, получал продукты и уходил или тем более что-то взрывали, кого-то убивали из представителей новой власти, наказание следовало незамедлительно. Такую деревню сжигали вместе с ее жителями, не разбираясь.

Строжайшими наказаниями будет преследоваться не только прямое содействие и пособничество бандитам-партизанам, но и уклонение от общей гражданской обязанности донести властям все известное об этих разбойниках. В частности, каждый нашедший советскую газету, листовку и прочий агитационный материал советского происхождения должен немедленно сдать его ближайшим германским властям.

(Из приказа военного коменданта г. Луга)

Населению оккупированных областей запрещалось заниматься какой бы то ни было политической деятельностью, хранить и использовать «русские флаги и символы государственного суверенитета» (в том числе царских времен), петь «песни политического содержания». Собрания и процессии разрешались только по случаю похорон.

В сообщениях НКВД из Ленинграда и Ленинградской области в этот период отмечалось, что под влиянием крайне тяжелых условий среди населения стали проявляться «негативные настроения, подчас перераставшие в оппозиционность». В результате подрыва авторитета советской власти в период тяжелых поражений первого периода войны стала раздаваться «резкая критика довоенной внутренней политики СССР и особенно коллективизации». Документы без прикрас рисуют ситуацию, сложившуюся в период оккупации в северо-западных областях России. В донесениях командиров партизанских отрядов, например, часто содержались жалобы на то, что борьбе против захватчиков мешает большое число предателей, со-

трудничающих с немцами. В районах Кингисеппа, Ораниенбаума и под Петергофом, говорилось в одном донесении, датированном 23 ноября 1941 года, немцам помогает значительная часть населения, среди которого много советских граждан эстонской и финской национальности, а также тех, кто раньше подвергался репрессиям со стороны советских органов, в том числе бывших кулаков.

В ноябре 1942 года комендант тылового района германской 18-й армии на собранном им совещании, куда были приглашены начальники Волосовского, Красногвардейского и Кингисеппского районов, отмечал, что после введения оккупационными властями местного самоуправления и ликвидации колхозов «почти повсеместно стали выражаться воля и желание сотрудничать с нами».

В советской историографии при анализе немецкой оккупационной политики на передний план неизменно выдвигались вопросы, связанные с экономическим ограблением захваченных территорий и истреблением населения. Действительно, за период оккупации с осени 41-го по лето 44-го года в той части Ленинградской области, которая была захвачена немцами, было практически полностью разрушено 20 городов и 3135 сел, деревень и других населенных пунктов, 90% всех промышленных предприятий, 70% колхозных сельскохозяйственных машин и инвентаря, 60% принадлежавших колхозам помещений для содержания скота, птицы и размещения техники. Было похищено или угнано 43% поголовья колхозного стада. На работы в Германию было угнано более 404 тысяч человек. К концу оккупации численность населения в захваченных немцами районах Ленинградской области составляла менее одной трети от довоенного уровня (1380 тысяч в 1940 году, 442 тысяч в марте 1944 года). По данным, опубликованным в газете «Ленинградская правда» от 28 декабря 1945 года, за время оккупации

немецкими захватчиками в Ленинградской области были расстреляны, повешены, заживо сожжены или умерщвлены другими способами 172 тысячи человек.

Однако другие явления, связанные с немецкой оккупационной политикой, не рассматривались по идеологическим соображениям. О сотрудничестве с захватчиками населения оккупированных областей, как правило, ничего не говорилось. Упоминались лишь отдельные случаи такого сотрудничества, которые преподносились как нечто из ряда вон выходящее и однозначно квалифицировались как измена родине. Тем более что в начале войны, усилия оккупационных органов вермахта и хозяйственных инстанций по установлению контактов с русским населением противоречили первоначальной позиции Гитлера, Гимmlера, Бормана и других нацистских вождей и идеологов и преподносились всего лишь как «перспективная альтернатива» политике захватов и уничтожения.

Однако после провала блицкрига, не сразу, но в августе 1942 года германское верховное главнокомандование сухопутными силами все же издало «Распоряжение о местных вспомогательных силах на Востоке». Оно было подписано начальником генштаба сухопутных сил Ф. Гальдером и начиналось словами: «Размеры восточного пространства и настоящая потребность экономно использовать немецкого человека вынуждают ставить на службу вермахту (прежде всего действующей армии) и военному хозяйству в самых различных областях силы завоеванных на востоке стран, а также военнопленных».

То есть, оказалось довольно затруднительно для агрессора взять и уничтожить всех и вся на огромной территории от Немана до Волги. Первоначальный приказ был, оказывается, не совсем корректным. Пришлось менять тактику. Победить этих русских можно только с их же помощью. Если они захотят, конечно... Вот и началась война за души. Помимо еще более

ужесточившегося уничтожения любых зародышей сопротивления врагу, стали тратить деньги и время на поощрение предателей, разъяснение антинародной сущности советской власти, пропаганду нового порядка и тому подобное. Это давало свои результаты.

Уже после войны в 1946 году за сотрудничество с оккупантами было арестовано 32 859 человек, в 1948-м – 23 912, в 1949-м – 19 567, в 1950-м – 16 634, в 1951-м – 14 447, в 1952-м – 3630, в 1953-м – 2136.

(Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006)

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

Живя в деревне, привыкаешь с самого детства все делать сам, обстоятельно, аккуратно, надолго. Для себя. Федор знал все кочки на полянке около хутора, где они с отцом косили траву. Помнил каждое бревно, когда перевозили дом с хутора в деревню, на берег Лемовжи... Сама природа принимает только тех, кто с ней. Других она не терпит и отторгает.

Государственная машина – совсем другое. Чаше всего она как раз и нужна для того, чтобы изменить природу. Много людей, много заводов, большие цели. Приходится волей-неволей все делать как-то огульно что ли. Если на самолеты – то все! Коллективизация – так каждый третий кулак. Враги народа – опять каждый третий. Если отступаем – то все паникеры и трусы, если плен – то все изменники. Эта машина,

наверное, и не может иначе... Но он-то, Астахов, один. Без начальников, без приказов и подчиненных, без суда и власти. Оторванный от всего, что может принести добрую весть, надежду и уверенность в своих силах. Поди разберись! Как тут быть?

С немцами ясно. Сейчас ему против них нужно действовать тихо и без позерства. Идет война, и никто из жителей не будет любопытствовать: «Кто тот герой, что взорвал мост или комендатуру?» Обычное дело. Но, ей-богу, всем будет небезразлично, что вон того, такого же, как они, всегда жившего рядом с ними, но предавшего их, постигла заслуженная кара. Для них это торжество хоть какой-то справедливости. Глядишь, и остальные – слабые, малодушные и обманутые, но не такие сволочи, как этот, задумаются.

Итак, по порядку. Федор по-военному отрывисто начал подводить итог первым трем дням, которые он провел здесь, на родине. «Винтовка есть, патроны, худо-бедно, тоже. Место для ночлега подготовлено и замаскировано. Первые сведения от дядьки своего получил. Три деревни осмотрел сам. Обстановка понятная. Теперь кадры. Людей начал присматривать, многих знаю. Как-никак, а в самом начале тридцатых на танцы вместе ходили. Младший сын местного председателя сельсовета Лешка слишком молод. Ему, пожалуй, лет шестнадцать... Надо будет узнать, здесь ли Петров. Наверное, успел уйти с нашими? Разумные и самостоятельные – вот кто сейчас нужен. Нужны единомышленники, а не исполнители. Исполнители потом понадобятся, когда вырастим. Дальше. Основные цели для диверсий. Первым делом – маслозавод около Большого Сабска. Целехонький, как я понял, и работает на немцев. Сжечь! Один не смогу. Второе – станция Молосковицы. Пока не знаю что, но что-то нужно сделать. Там важный железнодорожный узел. Понадобятся, как минимум, еще два человека и еще оружие или хотя бы инструменты. Дядя Егор не в счет.

Далеко для него. Третье – полицаи и старосты. Это я сам, один и очень аккуратно... Обязательно нужно еще человека два. Надежных».

Вроде все понятно. Но после ночного разговора с дядей Егором Федора все больше мучили сомнения. В голове крутились все новые и новые вопросы. Вопросы в первую очередь к самому себе. Те, что были на поверхности, и другие, которые поглубже.

Готов ли он месяцами один скрываться в лесу, в землянке? Нельзя заболеть. Нельзя быть раненым. Никто не поможет. В родительском доме оставаться нельзя, как бы его ни уговаривала мать. Обязательно узнают, учуют, сообщат. Как вообще здесь передвигаться? По всем деревням шляются полицейские патрули и проверяют пропуска. Как искать помощников и единомышленников? Это, пожалуй, самое трудное. Ведь они, в отличие от него, не смогут исчезнуть даже на время, чтобы вместе с ним проверить какую-нибудь диверсию. Если исчезнут, уничтожат семью. Уйти вместе с семьей? Куда?

Сложнее было другое. Что вообще он может предложить местным, чтобы они решились вдруг все бросить и пойти с ним? Кроме, конечно, чувства долга и тому подобного. Красная армия ушла, их бросила. Листовки, сбрасываемые с самолетов, со словами о том, что она скоро вернется, имели совершенно обратный эффект. Новая власть уже есть. Она действует. И действует жестко. Немцы совсем рядом, в Большом Сабске. Полчаса езды. В любой момент могут нагрянуть. Те не разгуливают по деревням, как полицаи. Они просто всех вытаскивают на поляну к церкви, а потом ищут по домам, не укрывается ли кто. Чуть что, только малейшее подозрение – сразу к стенке всю семью.

Все, кто здесь жил, был вправе подумать: «А может быть, страна, так же как и вся Европа, уже проиграла эту войну? Было же у нас татаро-монгольское иго не-

сколько веков...» Позднее, через много лет, этому явлению дадут научное название. А пока – для них это было простое подчинение или непротивление силе.

Это такой тип совести. Когда ты начинаешь с легкостью усваивать повеления внешней силы. При этом совсем не важно, чьей силы: своей или чужой. Ты все равно выполняешь ее волю. Надо сказать, что в этом смысле люди в деревнях были удобным материалом. И раньше из страха наказания крестьянин следовал указаниям, которые очень часто были далеки от его собственных интересов. Главной добродетелью для них всегда было смирение и исполнительность, а главной виной – самостоятельность и непослушание. Но как только люди начинали понимать, что власть постепенно утрачивает свою силу, они тотчас теряли эту свою «авторитарную» совесть и больше не подчинялись тому, перед чем еще вчера робели и преклонялись. Если бы все было так просто! Увы. Эта поганая внешняя сила сразу хочет испачкать своей грязью любого, кто уже согласился подчиниться. Лишь бы разбавить свою ответственность за совершаемые злодеяния. Надел повязку, теперь убей. Убил, теперь предай своих, измени близким. И так далее, все больше и больше, все глубже и глубже...

Что он может противопоставить этому? Только действия. Активные действия против этой внешней силы. И опять, в который раз, все тот же вопрос. Один или в отряде?

Как только Астахов возвращался к этому вопросу, куча других проблем сразу начинала сама вылезать, как грибы после теплого летнего дождя. «Искать партизан или окруженные войска? Просто бродить по лесам, ждать, когда они сами сюда придут? Нет. Я столько протопал и никакого даже подобия партизан не встретил. Да и не со всякими пойду. Уже научен. Так много я видел разных слоняющихся по лесам...»

Но это Федору нужно было решить для себя сразу. По-человечески он понимал, что вместо армии с ее особыми отделами сначала хорошо бы повоевать в партизанском отряде. Это был бы выход. Как бы промежуточный ход. Если в армии просто расстреляют, как диверсанта или дезертира, то в отряде почти все такие, как он. Тоже скрываются и тоже работают в условиях подполья. Но их или нет, или не найти. Остается самому делать отряд.

Теперь дальше. Ясно, что никакие открытые действия просто невозможны. Тогда пришлось бы забирать в лес своих стариков: и мать, и дядю. Такой же путь уготован и для всех тех, кого он привлечет. А это уже обуза, а не помощь. Так много не навоюешь. Условия требовали умения действовать в одиночку, не рассчитывая на помощь в течение длительного времени.

Что нужно было местным жителям, чьи дети и мужья уже в полиции и служат немцам? Что нужно сейчас самим полицейским? Они все такие разные. Нужно искать то, что их разделяет. Одним нужно просто выжить. Для других – это кусок хлеба. Третьим, таким, как Кленов, хочется выслужиться перед новой властью, стать богатым и иметь столь желанную для них власть над людьми... И только четвертые так ненавидят советскую власть, что с радостью увидели в немцах своих спасителей. Таких здесь вроде бы не было. Теперь нужно, чтобы все они отдавали себе отчет: если станешь сволочью – убьют. Пусть видят, что кара неминуемо настигнет каждого.

Зачем им это знать? Что он восстание будет поднимать вместе с ними, что ли? Во-первых, еще неизвестно, что потребуется. Во-вторых, нельзя, чтобы исчез страх от неминуемого наказания за помощь немцам в уничтожении местных жителей, за поборы, за подлость. В условиях, когда никто ничего не знает о главном: где сейчас немцы, заняли ли они Москву и

Ленинград. Ясно одно. Люди не должны позволить себе надломиться. Иначе они уже не смогут вернуться в прежнее состояние...

А зачем им туда? Ведь все, так или иначе, кто больше, кто меньше, но знали о тех трагедиях, которые преследовали нашу страну в последние десять-пятнадцать лет. Наши руководители, да и военные начальники управляли страной и армией, мягко говоря, как-то странно... По принципу сохранения энергии. Если что-то где-то появляется – значит где-то что-то исчезает. Для того чтобы появились грамотность, Днепрогэс, самолеты и танки, нужно было вытоптать культуру и инициативу, поубивать и поморить голодом, опять поубивать, а потом грубо, запросто побросать миллионы людей в пропасть первых месяцев войны. И тут же, даже не вспоминая о них, приниматься за следующий людской пласт...

Тем не менее Астахов был уверен, что основные слова «враг» и «подлость» – все равно должны сохраниться в сознании. Любой ценой. Не тот враг, который совсем недавно назывался «врагом народа». Сегодня у всех, и у «врагов народа» тоже, один общий враг. Не подлость больших руководителей, переворачивающих все с ног на голову и ради одной цели готовых уничтожить всех, для кого эта цель предназначена. А подлость человеческая, извечная, когда ты выживаешь и растешь за счет жизни другого.

Получалось, будто Астахов сам, по своей воле становился как бы и судьей, и палачом. Кто позволил ему включать свою личную систему ценностей для оценки подлости другого человека? Кто его уполномочил? Его, только что побывавшего в плену и чуть не расстрелянного своими же?

Что поделаешь? Моральные ценности всегда определяют поведение человека. Это оказывается возможным не в силу того, что ему выгодно или приятно принимать их во внимание в своих решениях и поступках.

Эти ценности действуют прямо на волю человека, и потому ему неподвластны. Можно обмануть других, можно умолчать о чем-то нежелательном. Но обмануть собственную совесть невозможно: это свидетель, который всегда с тобой. Ее тихий, но настойчивый голос звучит в человеке тогда, когда нет никакого внешнего контроля. Совесть не слушает аргументы, многословные рассуждения и витиеватые доказательства. Она упрекает молча, но неотступно. Она заставляет людей говорить самим себе правду и в конце концов совершать поступок.

А всегда ли права совесть? Ведь есть и такая, которая искажает, превращает зло в добро и наоборот. В этих случаях всегда встает один вопрос: тем ли идеалам ты служишь? И здесь совесть неизбежно вновь возвращается к разуму, без которого человек не может совершить верный выбор.

Астахов вдруг почувствовал ясность в голове, как будто он освободился от идеологического угара, от армейских директив и рефлексов, от всего наносного и привнесенного. Он держал отчет перед своей совестью. Сегодня главное – убивать врага. Хорошо или плохо это делает страна, любит она тебя или отторгает, конечно, важно. Но он этого старался не замечать. Главное сегодня – гнать врага со своей земли. Как он сможет, так и гнать. Убивать, вредить, мешать. И тем самым помогать... своим родным, жене, сыну, матери... спасать свое представление о справедливости. Спасать, чтобы помогать людям восстановить утраченное чувство веры в нее. Чтобы они ощутили, как к ним возвращается почти погасшее чувство горького осознания действительности. Чтобы они почувствовали забытый ими страх за содеянное. Потом заработает память. Она извлечет из прошлого все подробности измены и неправды. Воображение облечет эти подробности в живые формы... Затем сама собой проснется совесть. Не ложная совесть раба, утратившего свою

личность, а истинная. Та, что заставляет думать, принимать решения, действовать.

РАССТАНОВКА СИЛ. ТЫЛ ВРАГА. ПАРТИЗАНЫ

Партизанская борьба в тылу у немцев началась с первых же дней войны. К концу 1941 года в тылу противника находилось 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов, райкомов и других подпольных партийных организаций. Однако далеко не сразу эта борьба приобрела тот размах, который всем известен из литературы и художественных фильмов. Дело в том, что в 1937–1938 годах обученные и подготовленные, как их тогда называли, кадровые советские диверсанты были поголовно уничтожены. Все специальные партизанские отряды были расформированы, а тайники с оружием, боеприпасами и минно-взрывными средствами демонтированы. Сами термины «диверсия», «диверсионная деятельность», «диверсант» стали применяться исключительно в отрицательном смысле и только применительно к врагам. Дальнейшее развитие воздушно-десантных войск пошло по линии наращивания возможностей по ведению боевых действий в тылу противника только в форме общевойскового боя при проведении Красной армией наступательных операций.

Резко негативное отношение высшего военно-политического руководства страны к судьбе военнослужащих, попавших в плен, нежелание принимать меры к их освобождению позволили немецкому командова-

нию содержать в лагерях на оккупированной советской территории многие сотни тысяч солдат, офицеров и генералов Красной армии. Задача освобождения своих военнопленных в нарушение традиций русской армии вообще не рассматривалась как задача вооруженных сил. Таким образом, этот мощный потенциал для развертывания партизанской войны не использовался совсем.

Многие кадровые командиры, оказавшись в окружении, растерялись. Они не привыкли самостоятельно принимать сложные решения, выходящие за рамки уставных требований, не умели командовать без одобрения или согласования с вышестоящим командованием.

За последние пять месяцев 41-го года в прифронтовых и тыловых районах Ленинградской области было сформировано и направлено за линию фронта 278 партизанских отрядов и групп. Впоследствии через курьеров-связников была установлена связь только с 24. К январю 1942 года, в связи с тяжелой обстановкой в тылу врага, отсутствием продовольствия и вооружения, значительная часть партизанских формирований вышла в советский тыл. К этому времени уже были уничтожены немцами 4 партизанских бригады, 41 партизанский отряд, ликвидированы десятки подпольных организаций и групп. В целом по стране в сформированных в начале войны и перебросенных в тыл противника партизанских отрядах выжило лишь 7% человек. Через год после начала войны радиосвязь с центральным командованием имели только 37 партизанских отрядов.

Лишь 6 сентября 1942 года была учреждена должность Главнокомандующего партизанским движением, но уже через два месяца этот пост был упразднен. Наконец-то Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) в качестве военно-оперативного органа партии был создан и подчинен непосредственно

Ставке Верховного Главнокомандующего. Однако 7 марта 1943 года и он был расформирован. Так велик был соблазн там, наверху, отнять у кого-то и забрать под себя всю партизанскую агентуру. Лишь в мае того же года ЦШПД вновь восстановили... Фактически два года войны – без управления.

Из Постановления ГКО-83сс

Совершенно секретно

10 июля 1941 г.

Главкомам и командующим войсками направлений: К.Е. Ворошилову, С.К. Тимошенко, С.М. Буденному, командующим округами, фронтами и армиями, председателям СНК и секретарям ЦК союзных республик.

Обязать главкомов почаще разбрасывать с самолетов в тылу немецких войск небольшие листовки за своей подписью с призывом к населению громить тылы немецких армий, рвать мосты, развинчивать рельсы, поджигать леса, уйти в партизаны, все время беспокоить немцев-угнетателей. В призыве указывать, что скоро придет Красная Армия и освободит их от немецкого гнета.

(Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003)

Кроме подобных директив – очевидного проявления беспомощности – достаточно привести только один факт, который вообще надолго затормозил все усилия по развертыванию подполья и партизанского движения в Ленинградской области и на Северо-Западе страны. В июле 1941 года в самолете, совершившем вынужденную посадку, немцами было захвачено незашифрованное донесение начальника Управления политической пропаганды Северо-Западного фронта на имя заместителя наркома обороны Мехлиса. В нем сообщалось о численности, организации, районах действия, задачах, вооружении и кадрах партизанских отрядов в районе Северо-Западного фронта. Именно

после захвата этого документа Верховное командование Германии издало приказ, приравнивающий партизан к бандитам и предписывающий их беспощадное и поголовное уничтожение.

Конечно, органы госбезопасности забрасывали в тыл врага агентуру, но она слишком часто была плохо подготовлена, незнакома с местными условиями и имела задания только военно-разведывательного характера. В тылу отсутствовали базы для их легализации и поддержки связи. Все это приводило к частым разоблачениям или отправке наших агентов не в немецкие разведшколы, а в лагеря для военнопленных.

Еще с большими трудностями столкнулись партийные и советские работники, которые не только не знали особенностей партизанской работы, но и вообще зачастую не имели никакой военной подготовки. Организация партизанских действий в тылу немецких войск советским политическим руководством с началом войны рассматривалась в основном не как задача вооруженных сил, а как одна из задач партийных и советских органов. С точки зрения организации вооруженного сопротивления в тылу противника директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года была, хоть и очень нужным тогда, но всего лишь лозунгом. Поскольку никакой руководящей партийной или государственной структуры, предназначенной для «разжигания партизанской войны», заблаговременно создано не было.

Из доклада начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальднера

1 сентября 1941 г.

О положении со снабжением на Восточном фронте

...Оно всюду вполне удовлетворительное. Работа железных дорог превзошла все наши ожидания... Выполнение ближайших оператив-

ных задач в материально-техническом отношении вполне обеспечено... Только с 1 по 16 августа в войска доставлено 340 эшелонов с боеприпасами, т. е. такое количество боеприпасов, какое предусматривалось всем планом „Барбаросса“... Партизанских действий на шоссейных дорогах противника не отмечается, хотя основная масса немецкого автотранспорта большой грузоподъемности еще занята перевозками боеприпасов и других предметов снабжения от границы до Днепра.

Из справки главной железнодорожной дирекции группы армий „Центр“

Число партизанских налетов на объекты железнодорожного транспорта в первой половине 1942 года составляло: январь – 5, февраль – 6, март – 27, апрель – 65, май – 145; количество подорвавшихся на минах паровозов составляло: в феврале – 5 (в ремонте 2), в марте – 5 (2), в апреле 13 (6), в мае 25 (13); количество сильно поврежденных и полностью выведенных из строя вагонов: январь – 0, февраль – 0, март – 57, апрель – 45, май – 166. Со второй половины января 1942 года железнодорожный транспорт Германии обеспечивал переброску на Восток по 300 эшелонов ежедневно.

(Гальднер Ф. Военный дневник: Ежедневные записки начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. М., 1968–1971)

В пересчете на месяц это около 9 тысяч эшелонов. Если принять за основу данные советской военной энциклопедии, что в первый год войны партизаны совершали в среднем ежемесячно 40 крушений, а во второй половине 1942 года их число возросло до 300. Понятно, что это составляло соответственно только 0,44% и 3,3% от всего того, что направлялось вермахтом на Восточный фронт в первые два года войны.

Такая была обстановка на всей оккупированной врагом территории, в том числе и там, где появился Федор Астахов. Он, конечно же, ничего этого тогда не знал.

И СУДЬЯ, И ПАЛАЧ

«...ИХ НУЖНО БЫЛО ВСЕХ УБИТЬ»

Из приказа НКВД СССР № 001683

от 12 декабря 1941 года

„Об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника“

...через агентов, осведомителей и партизан, а также честных советских граждан установить и арестовать предателей, изменников и провокаторов, как состоявших на службе немецких оккупационных властей, так и способствовавших им в проведении антисоветских мероприятий и преследовании партийно-советского актива и честных советских граждан... Выявляемых лиц, причастных к антисоветской работе, немедленно арестовывать и предавать суду.

*(Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение.
Петрозаводск, 1999)*

11 сентября 1943 года

Сов. секретно

Народным комиссарам Внутренних дел союзных и автономных республик

Начальникам Управлений НКВД краев и областей

Народным комиссарам Государственной безопасности союзных и автономных республик...

Начальнику Управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии (по списку)

В дополнение к данным ранее указаниям о порядке производств арестов в районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков, полицейских, сельских старост и других ставленников и пособников оккупантов, предлагается руководствоваться следующим:

1. Из лиц, состоявших на службе в полиции... и других подобных организациях, созданных немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории – впредь арестовывать:

а) руководящий и командный состав органов полиции...

б) рядовых полицейских и рядовых участников перечисленных выше организаций, принимавших участие в карательных экспедициях против партизан и советских патриотов или проявлявших активность при выполнении возложенных на них оккупантами обязанностей;

в) бывших военнослужащих Красной Армии, перебежавших на сторону противника или добровольно сдавшихся в плен, изменивших Родине, а затем поступивших на службу в полицию... и другие подобные организации, созданные немецко-фашистскими захватчиками...

2. Из сельских старост аресту подлежат те, в отношении которых будут установлены факты активного пособничества оккупантам: связь с карательными или разведывательными органами противника, выдача оккупантам советских патриотов, притеснение населения поборами и т. п.

3. Лиц призывного возраста, работавших при немцах в качестве сельских старост, рядовых полицейских, а также являвшихся рядовыми участниками „Народной стражи“, „Народной милиции“, „РОА“, „Национальных легионов“ и других подобных организаций, в том числе бывших военнослужащих Красной Армии, если в отношении их отсутствуют данные об изменнической и предательской работе, направлять в специальные лагеря НКВД для фильтрации в порядке, установленном для лиц, вышедших из окружения и находившихся в плену у немцев.

Ни эти документы, ни совместная директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года о «разжигании партизанской борьбы» в тылу врага тогда не были известны. Ни Федору Астахову, ни кому бы то ни было другому на пятьдесят верст в округе. Тогда все, кто остался в деревнях из мужчин, кто не ушел или не собирался уходить, почти все были в полиции. В пяти соседних деревнях было всего два молодых парня, с которыми Федор был знаком, и которые еще не служили в полиции.

Один из них Витька Лихачев, двадцати пяти лет, сын председателя сельсовета. Но его отец жил один, далеко, где-то около Толмачево. А сам Витька всегда жил вместе с бабушкой и работал в Хотнеже. На лесозаготовках упавшее дерево сломало ему руку. С тех пор она у него плохо двигалась. В армию Лихачева не взяли. В полицию, наверное, тоже. Что стало с его родителями? И кто об этом знает? Как он сам-то ко всему этому относится? Нужно бы спросить... Спросить и раскрыться самому? Нужно рисковать. А если он не согласится? Это практически то же самое, что сдать-ся в полицию. Что же тогда – убивать его, что ли?

Вон Петька Лукин. Федор две недели за ним ходил, высматривал. Из бедной семьи. Хороший парень, на танцы вместе ходили. Был такой активный всегда, совестливый, все за других болел. Работал в колхозе механизатором. Наверное, не успели призвать в армию. Все в полиции, а он нет. Думаю, завтра повстречаюсь с ним. А на следующий день смотрю: уже идет Петька с повязкой...

Пройдут годы, и следователь с Литейного, 4, в Ленинграде будет говорить о полицейских: «Их нужно было всех убить тогда. А то вот теперь разбирайся с каждым, доказывай все...»

КЛЕНОВЫ

Кленовы перебрались в Большой Сабск откуда-то из-под Харькова еще летом тридцатого. Отец, мать и два сына. Старшего звали Всеволод. Такой высокий, курчавый, черноволосый и с темными большими глазами. Младший – Петька. Он совсем другой, белобрысый и помоложе лет на пять. В деревне даже поговаривали, что этот от другого папаша. Поселились в старом развалившемся сарае на краю поселка. Родители вступили в колхоз. Каждый день в поле. Заготавливали на зиму корм для колхозного стада коров. Всеволод сразу пришел в молодежную ячейку и напросился агитатором на коллективизацию в окрестных деревнях. Вместе с другими парнями он ходил по селам, звал бедноту объединять хозяйства в общину. Он знал, что такое голод, и мог ярко нарисовать впечатляющую картину бедности, которую не раз видел у себя на родине. Его быстро заметили, стали привлекать к раскулачиванию.

Это нечто совсем другое. Здесь не нужно было никого уговаривать. Здесь требовался нюх на богатство и обостренное чувство справедливости, а вернее сказать, – обделенности. И того и другого у Всеволода было в избытке. Они вдвоем с Петькой, как никто другой, с ходу находили спрятанное зерно и драгоценно-

сти. Это неудивительно. Там, на Украине, чтобы выжить, они могли сутками лазать по брошенным домам и сараям в надежде найти хоть что-нибудь съедобное, бродили по лесам, пытаясь разными ухищрениями словить какую-нибудь птицу или зверька. Они часто мечтали наесться до отвала за большим столом, полным всего вкусного... Но на ум приходила только горячая каша из пшена на молоке и огромный кусок черного хлеба с салом.

Все, что находили у раскулаченных, свозили в общий сарай и записывали. Потом правление решало, кому что. Там был такой парень из Хотнежи – Петров. Он довольно часто спорил с начальством, когда то приказывало выселять местных «богатеев». Все пытался что-то рассказать про них хорошее, даже защитить. Такое настроение никто не одобрял, и вскоре Петрова с этой работы убрали. А Кленова вместо него назначили начальником отряда. Сразу образовался костяк: оба Кленовых, голосистый Никитин из Красного Маяка и присланный на время из какого-то завода молодой парнишка. План всегда выполнялся. Хлеба изымали столько, сколько было нужно. Все шло как по маслу. Через два года Всеволода взяли на работу в Сабский сельсовет. Семья Кленовых перебралась в один из раскулаченных домов. Появилась своя корова. Зимой он ездил по деревням в санях, а летом – в пролетке. Начальник. В 39-м его приняли кандидатом в партию. В финскую войну Всеволод мобилизации не подлежал, а в 41-м здесь ее просто не успели начать.

Когда пришли немцы, для обоих Кленовых как будто ничего и не изменилось. Просто поменялся непосредственный начальник. Действительно, не терять же власть и все нажитое да снова уходить куда-то. Хватит. Эти, что пришли, настолько сильны и организованы, что им, как никому другому, понадобится его умение быть начальником. Ни секунды не задумываясь, он в первый же день явился в немецкую военную

комендатуру в Сабске и в подробностях рассказал о том, кого здесь оставили для подпольной работы и где в лесу закопано оружие. Сказал, что он вовсе не член партии, а только кандидат туда. Иначе, мол, его выгнали бы из начальства.

Старшего Кленова проверили, удовлетворились и с ходу назначили главным полицейским, а потом, с 42-го года, и старостой. К нему прибились и Никитин, и младший Кленов, и еще с десятков других мужчин, оставшихся в соседних деревнях. Началась новая жизнь при новом порядке. Сидя в маленьком, но своем кабинете, попивая самогон и закусывая его хрустящими шляпками от соленых груздей, Всеволод Кленов с гордостью говорил очередному подносителю: «Такие, как я, всем нужны. Я профессор в своем деле, и начальство всегда носом чую».

ПЛОХО СКРЫВАЕМАЯ РАДОСТЬ

Зима 1941–1942-го выдалась холодной. Однако лемовжское болото местами так и не замерзло. В начале января, выслеживая волостного старосту и его братца, Астахов случайно забрел на мхи, покрытые тонкой корочкой льда, провалился в трясину, еле выбрался оттуда и потом долго шел мокрый. Вообще-то, он искал не Всеволода, а его младшего брата Петьку, что в соседней деревне с чердака своего дома расстрелял из пулемета двоих, не местных, – то ли партизан, то ли парашютистов. Они были в шлемах и в комбинезонах. Видят: немцев нет, и давай по деревне ходить, еду просить. Прямо как дети малые.

Тогда Федор сильно простудился, его колотило. С высокой температурой он явился к матери. Не выдержал, пришел хоть немного подлечиться и согреться. Напился горячего молока с маслом, переоделся и лежал под тяжелым ватным одеялом в шерстяных носках, черных брюках «на выход», почти новой серой рубашке и пиджаке. Ничего другого в доме для него не было. Рот завязан тряпкой, чтобы не был слышен непрекращающийся кашель. После горячего молока пот лился ручьем.

Внезапно, видимо из-за тех партизан-парашютистов, в деревню нагрянули немцы. Все на мотоциклах и в машинах. Довольно много их было. Федор еле успел прыгнуть в подпол. В чем был, так и зарылся в яме из-под картошки. Ее края были укреплены досками. Он рукой осторожно присыпал крышку песком. Осколок сразу дал о себе знать, задвигался, вызывая редкую, но острую боль в локте.

Несколько немцев с овчаркой шумно вошли в дом и сразу уселись за стол. Один спустился в подвал и посветил фонарем. Пошарил вилами по песку, даже пробрался под полом большой комнаты туда, где была яма для картошки. Ему пришлось согнуться в три погибели. Но там вилами особенно не поорудуешь. Поэтому через минут пять он вылез из подвала, прихватив с собой банку с солеными огурцами, и присоединился к своим, уже галдевшим и пьющим за столом.

У Федора эта яма была заранее, еще в октябре, приготовлена для матери на случай, если будут сжигать дом. Там она смогла бы спастись от огня и переждать. В фундаменте со стороны реки он начал готовить дыру и уже вытащил несколько камней, прикрыл лаз листом ржавого железа. Когда снег – не видно. А летом в этом месте крапива. Там можно было незаметно вылезти. Но пока лаз был не готов. Еще нужно было убрать два-три камня.

Утром немцы ушли из дома. Федор, полуживой, еле вылез из подвала с белым, страшным и распухшим лицом. Даже собака его не учуяла.

Немцы уехали. Кого-то забрали, все сожгли в соседней деревне, в том числе на хуторах. Это чтобы неповадно было чужих пускать. Местные полицаи, Кленов младший и Осипов, демонстрируя свою прыть, словили шатающегося по деревням сироту-цыганенка и раненного в живот тащили из деревни. Он громко плакал и кричал от боли. Этот мальчуган был лет двенадцати. За деревней его прикончили и сбросили в овраг.

«Убью гадов! Обязательно и в первую очередь. Волостной староста подождет. Этих вся деревня виде-ла», – дал себе слово Астахов.

С того злополучного домашнего лечения Федор в дом больше ни ногой. Один раз наведлся, доделал лаз в фундаменте. Еще раза два за три месяца приносил матери полмешка муки и для соления кусок баранины, взятый им в сарае у одного полицейского, что жил под Молосковицами. И то передал – и назад, в лес, в землянку.

Постепенно привык к новому распорядку. Утром спал часов до десяти. Потом, пока было тепло от печки, готовил в одном котелке кашу, а в другом – наструганную мороженую баранину. Это и обед, и завтрак. Так не каждый день. Готовил дня на три сразу. Но самое сложное было как следует спрятать эту еду от повадившейся в его землянку лисы. Она уже дважды съедала все запасы в хозяйстве у Федора.

Раз в неделю стирал белье в воде, согретой в ведре на печке, подрезал волосы и брился острым как бритва ножом. Ведро, его любимый с детства нож, мыло, соль, чугунки взял из дома еще в первый раз. Днем, когда печка гасла, заваливал землянку еловыми лапами, забрасывал их снегом. Потом переворачивал длинное бревно и по незаснеженной стороне аккуратно

переходил от землянки через кусты на тропинку, переворачивал бревно обратно заледенелым снегом наверх и пробирался к деревне. Нужно было самому разведать, что и как. Потом, к ночи, незаметно подобраться к дому дяди Егора. Там узнать новости о маслозаводе, о Кленовых, о немцах, да и про ребят, еще не ушедших в полицию.

Днем, взобравшись на красную скалу, Астахов всматривался в знакомый с детства пейзаж: деревня, излучина, мост и купола церкви. Деревня почти не жила. От почты прошли двое полицейских в новых черных шинелях. Один, похоже, Басов, другого не узнать. Идут по домам, что-то записывают в большой белый блокнот. Навстречу им к школе идет Верка Игнатьева из соседнего дома, несет большой бидон с молоком. Там вроде как штаб полицейских из пяти соседних деревень. Вот мать Федора пошла в сторону Красного Маяка тоже с бидоном. Ей приказано каждый день приносить свежее молоко на маслозавод для охраны. Это километров семь будет. Еле ковыляет, ноги-то больные...

Федор вспомнил, как он пришел к матери на второй день после дяди Егора. Как она плакала и радовалась, увидев своего сына живым. Сразу задернула все занавески, закрыла дверь на крючок. Большую шубу из овчины, с которой Федор протопал лесами больше пяти-сот километров, она засунула в еще горячую русскую печь. Шуба тут же стала вся белая от зажаренных вшей. Рваный пиджак, рубашку и галифе сожгла в буржуйке, принесла горячей воды. Федор вымылся, как смог, прямо в комнате. Потом мать промыла ему рану на руке самогоном и перевязала чистым белым полотенцем. С чердака принесла старый теплый свитер, ватиновые штаны и огромные, еще отцовские, валенки с галошами. Федор наелся щей без мяса. Ему стало совсем хорошо... Мать не отговаривала сына и сразу согласилась с тем, что он задумал делать здесь, на родине...

Со скалы было видно, как она повстречалась с Дмитриевной. Та тоже одна, но к ней часто заходят полицейские за самогоном. Иногда прямо у нее в доме разопьют и дальше шагают. Пока пьют, много болтают про все свои дела. Кого повысили, кого повесили, кого куда направили, кто самый главный. Ну и тому подобное. Мать всегда, встречаясь с Дмитриевной, останавливалась, здоровалась и ждала, когда та начнет хвастать своими знаниями и изливать душу.

Около церкви стояла пролетка с лошастью. Туда подтягивались жители Хотнежи и Корячи. Что-то будут объявлять. «Интересно, кто это приехал? Уж не Кленов ли? – размечтался Федор. Этот без охраны не ездил никуда. Когда в прошлый раз приезжали немцы и расстреляли у церкви мельника, тоже всех собрали. Но тогда был только Кленов-младший и Осипов, тоже из Сабска.

Через часа два все разошлись. Опять тихо, и никого вокруг. Можно выйти на дорогу и прямо по деревне подойти к дому какого-нибудь полицая, чтобы так, с близкого расстояния, почувствовать, что за человек. Обычно никто из них не спал часов до двух ночи. Казалось, что все они чего-то ждали. Потом он долго промерял маршрут от одной деревни к другой, обходные дороги, пути отхода. Чтобы выследить главных полицейских, нужно было много знать. Куда ходят, зачем, когда, какое у них оружие, есть ли охрана? Маслозавод – это другое дело. Как пробраться к заводу, Федор уже выяснил, как поджечь – тоже. Но нужно было знать, какая там охрана и где она находится, где конкретно и сколько бочек с маслом хранится на складе. Кроме того, рядом, в пяти минутах, в Сабске, стояла немецкая часть. Нужно бы и про нее знать...

Ночью, часа в два, а то и позже, Федор возвращался на хутор в свою землянку. Нужно было разжечь огонь, согреть еду и спать. В этот раз он лег пораньше. Завтра, то есть уже сегодня, будет трудный день.

Стало известно, что поздно вечером полицейский Осипов пойдет к реке Луга к своим родным. Один пойдет или с дружкой Петькой Кленовым – неизвестно. Известно только, что один он никогда не ходит. Всегда рядом шла охрана, человека два-три.

Над вершинами сосен навис огромный свинцовый полог неба. Ни звездочки... Еще немного – и лес, и небо сливаются. Наступила ночь. На лицо падают снежинки и быстро тают. Федор остановился. Тишина. Ни звука, ни шороха. Где-то рядом скрипнуло дерево. И опять все тихо. Астахову стало не по себе от этой непроницаемой тишины. Он осторожно шел вперед. Под ногами предательски хрустел снег, но лес быстро гасил эти звуки.

Метрах в двадцати от того места, где он остановился, сбоку от дороги шли двое с винтовками, в теплых полушубках и меховых шапках. Это были Кленов и Осипов, старшие полицейские, которые месяц назад расстреляли двух партизан, а потом на виду у всей деревни тащили добывать раненого цыганенка. Сбоку и сзади с винтовками наперевес шли еще трое.

Если бы знали эти нелюди, как долго он их искал. Сколько раз готовился, караулил часами, а они шли другой дорогой. Потом он бежал по глубокому снегу километров десять, чтобы перехватить их совсем в другом месте. Нужно было, чтобы они появились вместе и подальше от деревни, чтобы не пало подозрение на кого-нибудь из местных...

Идя по глубокому снегу след в след, оба старосты выстроились гуськом. В тишине громко прозвучал выстрел. Кленов сразу свалился на землю и затих, а второго та же пуля, видимо, только задела. Трое охранников явно растерялись и засуетились. Двое, что шли сзади, кинулись бежать без единого крика. Третий быстро залег и начал, не целясь, стрелять в лес, в сторону Астахова. Потом вдруг будто сообразил что-то, так же мгновенно вскочил и побежал за первыми

двумя в сторону ближайшей деревни. Федор никого из них не узнал. Он подождал немного и потом только подошел поближе к дороге. Осипов то ли сидел, то ли лежал как-то неестественно и пытался передернуть затвор винтовки.

– Ой, свои, – промычал он, узнав Астахова.

– Да, свои, – жестко сказал Федор и добил его прикладом. Ничего не говорил, ничего не объяснял. Просто добил и все! И никаких других чувств, кроме безразличного ощущения прикосновения к гнилой сволочи, у него не было.

Потом он забрал винтовки и долго тащил по снегу убитых полицеев к реке. Он не хотел, чтобы их обнаружили. Пусть думают, что старосты просто исчезли. Не получилось. Полушубок одного из них вздулся из полыньи. А когда немцы вместе с полицейскими искали, то по нему и нашли. Потом, конечно, хоронили с почестями, с салютом. Немцы важные приехали. В Хотнеже на кладбище за церковью и похоронили двух негодяев. Видно, ценили их усердие. Никого из местных в округе на десять километров не тронули. Только походили цепью по лесу вокруг ближних деревень. И то недалеко. Так, километров на пять вглубь.

Мать рассказывала, что бабки, которые встречались ей на проселочной дороге, Дмитриевна и Верка Игнатьева, пытаясь поделиться своими впечатлениями от этого события, многозначительно показывали головой куда-то вверх. На их лицах одновременно был и страх, и плохо скрываемая радость.

Мы верим только тем, кто верит в себя.

(Тарле Е.В. Талейран. М., 1962)

Весне Астахов готовил поджог маслозавода. Как раз сойдет снег, и не будет так видно следов. Завод, конечно, небольшой, но, как он понял со слов дяди Егора, там хранилось много металлических бочек с моторным маслом, и складировали их рядом с заводом, в сарае. Сарай был длинный и весь заполненный такими бочками. Если их поджечь, то и заводу мало не покажется. Охраняли все это хозяйство человек пять полицаев из Большого Сабска и Красного Маяка. Бочки не вывозили уже с месяц. Поэтому нужно было торопиться. Однако на такое дело нельзя было идти одному. Пора было наведаться к Лихачеву.

В самом конце февраля им наконец-то удалось повстречаться. Витькина бабка осталась ночевать у подруги на другом берегу Лемовжи. Федор пришел к Лихачевым домой ночью с винтовкой за плечом, сам открыл дверь, тихо прошел в комнату, остановился посередине. Через окно, как прожектор, светила большая, почти полная луна. Ее свет отражался от блестящего металлического затвора и дула винтовки. Прямо на полу валялось с десяток книг. В углу, между печкой и окном, стоял Витька. Высокий, стройный, черноволосый. В потемках были видны контуры его тонкого лица. Как всегда спокойный, он смотрел на Астахова и ждал. Федор тихо спросил:

– Ну, здорово, приятель. Ты почему не в полиции-то?

Витька, не обращая внимания на вопрос, произнес:

– Вот тебе и на! Федька! Откуда? – Он подождал ответа и, не получив его, спросил: – Так это ты что ли недавно этих му...ков Кленова с Осиповым шлепнул?

– Да здесь хватает способных, – неопределенно ответил Астахов.

– И где же вы? Что знаете? Где теперь немцы?

– Да подожди ты тарыхтеть. Я ж тебя спрашиваю, почему в полицию не идешь? Не берут что ли?

– Не просился. Там тоже хватает способных. В армию не взяли, и эти тоже не любят инвалидов. Тебе то чего? Я ведь в лес не пойду. Бабку сразу заберут.

Такое начало устраивало Астахова. По всему было видно, что Витька много думал о том, как не просиживать на печке штаны. Потом Федор разговорился и зачем-то наврал, что специально послан сюда создавать партизанский отряд. Про землянку не стал рассказывать.

– Самое сложное вот что, – уверенно продолжал Астахов, будто решение уже давно принято и где-то на самом верху... – Надо тебе, Виктор, напроситься в полицию, вот что.

– И что там делать?

– Быть как все и знать, что они затевают, как подбаться к маслозаводу, к старосте волости Кленову Всеволоду. Как это он переметнулся, не знаешь?

– Да про него все знают. Долгая история, но так к тому и шло. Винтовку дашь?

– Я ж тебе говорю: идешь в полицию и все получаешь. И шинель, и винтовку, и повязку. Входишь в доверие – притаскиваешь сведения.

– А если заставят убивать своих?

– Вряд ли.

– А если?

– Ты же видишь: не все сволочи, что служат в полиции.

– Даже если не сволочь, все равно потом заметут под одну гребенку. Ты что ли подтвердишь, что я специально к ним пошел? А вдруг тебя убьют, кто тогда скажет, что я не из этих? – Виктор мотнул головой в сторону сельсовета, где теперь размещалась полицейско-комендатура.

– Не тревожься, дорогой ты мой. Напишу я такую бумагу. Еще найдем кого-нибудь. Ты ее спрячь только как следует.

– Так напиши. – Виктор чуть успокоился и задумался.

– Напишу, напишу. Только ты прямо завтра и иди, – сказал Федор. – Скорее запишут – скорее можно будет открыто днем ходить между деревнями. Все пойдет гораздо быстрее. Ты не представляешь, как я намучился от этих новых порядков.

– Слушай, Федька, ты меня не торопи. Мне нужно все обдумать. Ведь не в поход собираемся. – Лихачев как обрезал. – Для первого раза хватит. Вроде все, что ты сказал, мне понятно. Давай встретимся через три дня утром за церковью и все порешим. Ну? Ауфидерзейн что ли? – Витька повернулся к Федору спиной и принялся подбирать с пола разбросанные книги.

– А второго раза не будет, Витя. Ты давай, говори, согласен или нет. Если да, то когда пойдешь?

– А если не пойду в полицию? Что же, нельзя иначе как-то? – Лихачев продолжал собирать книги и складывать их на подоконник. Среди них были толстые и на немецком языке.

– Нельзя. Ты сам говоришь, что в лес не пойдешь. Путь один. Есть, конечно, и другой путь...

– Ты, Федор, не заводись, не на танцы идем.

– Чего не заводись-то. Думаешь, я так, с бухты-бархты к тебе наведалься? Я здесь уже четвертый месяц и больше, чем ты, насмотрелся на них. Уж поверь. Ты давай, Витька, лучше говори, что согласен. А то вот чего я точно не знаю, так это, как мне быть, если ты откажешься.

– Ну, вот договорились. Теперь и меня шлепнешь?

– Да иди ты!

– Вот и я про то же.

– Риск, конечно, есть, – жестко сказал Астахов. – А как без него в таких делах? Без него только на печи

лежать. Можно так угодить, что и от наших, и от этих получишь пулю.

– Вот именно, вернутся и спросят: «Ты почему пошел в полицию к немцам, да еще и добровольно?» И пошло-поехало. Не отвертись. Ты сам-то не нахлебался перед войной? Тогда любого могли замести, и ничего не возразишь. А тут полицай! Так каждый может потом говорить, что специально поступил, мол, для того, чтобы помогать Родине.

– Значит, нужно успеть много чего сделать...

– Я так не привык. Все как-то сразу и кубарем.

Оба постепенно успокоились. Сомнений у каждого поубавилось. В конце концов решили: послезавтра Лихачеву идти в полицию записываться. А завтра он покрутится около бывшего сельсовета, поспрашивает, как они живут, что им дают. Чтобы не казалось, будто разом вдруг взял и решил. Мол, обдумывал все, взвешивал и, наконец, сподобился. Так, действительно, надежнее. Витька был прав.

Перед уходом Федора договорились, как будут связываться, используя нишу в левой, разрушенной кирпичной стене церкви.

Только добравшись до землянки, Астахов наконец-то начал ощущать, какой огромный камень снял с души. Он не один. Теперь будет легче. «Подожди. Еще не факт! – подумал Федор. – Мало ли, что Витька ему говорит. Нужно проверить его на деле... А вообще, черт его знает, правильно мы делаем или нет. Может нужно просто немцев убивать и все тут».

Из перечня задач, 2-го отдела (03. 09. 1941 г.), а затем 4-го управления (18. 01. 1942 г.) НКВД СССР:

...внедрение проверенных агентов в создаваемые противником на захваченной территории антисоветские организации, разведывательные... административные органы...

...нарушение работы железнодорожного транспорта, вывод из строя военных и промышленных объектов... складов с боеприпасами... горюче-смазочными материалами...

...выявление вражеских агентов, оставляемых в тылу советских войск после отступления немецкой армии...

...разложение частей, сформированных из... насильственно мобилизованных жителей оккупированных территорий...

(ОСМАЗ. От бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981. М., 2001)

ТО ЛИ ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ТО ЛИ ПАРТИЗАН

Результатом недели Лихачев шел по деревне с винтовкой и повязкой полицейского, а Федор впервые был рад этому. Но ни мать, ни дядя Егор об этом ничего не знали. Витька о них – тоже.

Прошло еще две недели. Кое-что удалось выведать про маслозавод уже с помощью Витьки. К этому времени новоиспеченный полицейский уже знал, кто и где стоит в охране завода и куда лучше бросить бутылку с керосином.

В последний день февраля, часа в четыре утра, они подошли к заводу со стороны Красного Маяка. У них было по бутылке керосина с тряпкой в горлышке. Рассчитывали, что охрана спит. Если начнут стрелять и придется уходить, то только по проселочной дороге. Тогда не останется следов. Все шло как по нотам. Подобрались к складу незамеченными. Только один из охранников расхаживал вдоль длинной каменной стены, остальные, видимо, где-то спали.

Одновременно с двух сторон они бросили в помещение с бочками две бутылки. Сразу отбежали мет-

ров на тридцать, спрятались за деревьями. На звон разбитых бутылок из здания завода выскочили человек пять. Сначала они разбежались в разные стороны, потом собрались, и старший что-то стал показывать в сторону леса. Огня не было...

Прошла минута. Астахов видел, как двое, не стреляя, побежали через лес к дороге, а остальные вошли в помещение завода. В этот миг огромное зарево бесшумно осветило черное небо: из окон сарая и здания завода стали вырываться языки пламени. Только теперь стали слышны взрывы бочек, звон лопающихся оконных стекол и громкие звуки сирены. Было видно, как трое повыскакивали из окон и, как по команде, упали в снег, катаясь из стороны в сторону, чтобы сбить огонь на одежде. Сразу послышались беспорядочные винтовочные выстрелы и автоматные очереди. Должно быть, объявились и немцы. Нужно было уходить. И как можно быстрее. Еще несколько минут – и перекроют все пути отхода...

Прямо перед Федором, как из-под земли, вырос полицейский. Его лицо ярко освещал огонь от горящего склада. «Никитин из Маяка», – мелькнуло у Астахова в голове... Подбегали еще двое в длинных шинелях. Полицейский, целя почти в упор, крикнул:

– Ну-ка, руки-то вверх давай и ружье брось! Да побыстрее, не то стрельну по ногам.

«Точно, ни у кого в округе нет такого зычного голоса», – подумал Федор и, резко взмахнув руками, отбил в сторону дуло нацеленной на него винтовки, упал на снег и одновременно выстрелил. Полицейский свалился. «Может, ранен, – подумал Астахов, – а вдруг он узнал меня?» Добивать было некогда. Два немца быстро приближались, поливая все вокруг из автоматов. Хорошо, что перед этим Федор догадался закрыть рот и нос шарфом. В лесу было так светло от высокого и яркого пламени, что разглядеть его не составляло никакого труда. Прочь от завода! Сзади – погоня.

«Догнать не догонят, а вот если бы они остановились да постреляли в мою сторону – точно попали бы». Только он это подумал, как пуля из автоматной очереди обожгла левое плечо. «Навылет, – успел сообразить Астахов, продолжая бежать. – Где же Витька?» С другой стороны завода тоже стреляли. Но ответных выстрелов не было...

А Витька молодец. Он, как только бросил свою бутылку, сразу убежал, не дожидаясь результата. Его два протяжных свистка Федор услышал уже далеко, наверное, в километре от того места. Потом они с трудом поднялись по крутому склону противоположного берега Лемовжи и встретились уже в лесу около кладбища за церковью.

Лихачев стоял запыхавшийся, с мокрым от пота лицом, на котором светилась широкая улыбка. Он очищал от веток и еловых иголок полушубок и шапку. Увидев кровь на руке Федора, Витька достал из кармана маленькую бутылочку с мутным самогоном, деловито распахнул черную шинель, вытащил из-за пояса большой кусок простыни и передал все это Астахову.

– Задело?

– Да вроде насквозь вылетела. Кровь вот течет сильно.

Витька стащил с Федора ватник и пиджак. Вся рубашка уже была мокрая от крови. Так, стоя около церкви, он полил на рану из бутылки с самогоном и стал туго обворачивать руку и плечо Федора кусками белой простыни. Получилось нечто огромное и бело-красное.

– Потом нужно снова самогоном промыть и опять перевязать.

– Я уж ученый, – сказал Федор, – голова вот кружится да ничего не слышу.

– Никого и не слышно. Тишина вокруг. Еще и пяти часов нет. Все, кто гнался за нами, остались на той стороне реки. Не рискнули далеко бежать. Наверное, решили, что нас человек десять. Такое пламя было...

– Все. Срочно по домам, – выдавил слабеющий Федор, проверяя, нет ли на снегу следов крови.

Так с наспех перевязанной рукой, кусками простыни и винтовкой на плече он побрел к себе в лес. Сил придавала радость от их первого дела. «Нужно еще узнать, что удалось, а что нет? Может, не все бочки сгорели. Ну, хоть матери теперь не придется каждый день за семь километров топать», – подумал Федор.

А Лихачев, с повязкой и ружьем стал осторожно пробираться вдоль берега к своему дому. И только рядом с крыльцом он выпрямился и, никого не опасаясь, уверенной походкой вошел в дом. Со стороны было не понять: то ли он гордился собою как полицейским, то ли как партизаном, только что завершившим хорошее дело. Бабка еще не проснулась. Не нужно, чтобы она хоть чуточку о чем-то догадывалась.

ВОЗМЕЗДИЕ

Со станцией Молосковицы у них почти ничего не вышло. Много риску, а толку мало. Не удалось, что называется, «пустить эшелон под откос». Перед годовщиной начала войны, вечером в субботу, они вышли в сторону Молосковиц. Нужно было, чтобы Витька смог вернуться домой еще днем. Взяли с собой керосин, ключи, всякие инструменты, веревку. К самой станции не подойти. Километров за десять от нее вышли к полотну. Несмотря на ночь, было светло как днем. Федор начал быстро отвинчивать ржавые болты, крепящие рельсы к шпалам. Целый час промучился. Завязал рельсы веревкой, ее конец засыпал песком и

протасил незаметно в траве под откос к кустарнику. За это время Витька обильно полил керосином метров пять рельсов, покрыл насыпь сухой травой, пропитанной керосином. Эта дорожка из травы подходила прямо к кустам, где Астахов должен был ждать поезд.

Им не удалось узнать хоть что-нибудь о расписании движения. Что же оставалось делать? Не ломать же две-три рельсины просто так. Это уж совсем глупо. Наверняка проедет дрезина и все проверит перед эшелонном. Пришлось ждать поезд и уж тогда выдергивать отвинченную рельсу. Витька, как и договаривались, отправился назад в Хотнежу.

Прошло часа три. Почти в полдень быстро проскочила дрезина с немцами. Через пять минут стало слышно приближающийся состав. Шел он как назло медленно. С чем этот эшелон Федор не знал, но то, что он не порожний, это точно. Слишком тяжело шел. Когда паровоз подошел к облитым керосином рельсам, Федор поджег траву. Паровоз продолжал двигаться по горящим путям и через секунд десять поравнялся с отвинченными рельсами. После того как по рельсам прошли первые правые колеса, Астахов дернул что было силы за веревки. Следующие колеса сошли с рельсов и врезались в насыпь. Паровоз накренился, но не упал. Следовавшие за ним вагоны остались на рельсах, некоторые их колеса провалились на насыпь из-за того, что рельсы изогнулись от огня. Два вагона загорелись. Никто не выскочил из состава, никто не стрелял. Пожар в вагонах быстро загасили. Паровоз дал несколько протяжных гудков. Через десять минут от станции подъехали техничка и две дрезины с немцами. Они быстро окружили место аварии. Когда они приехали, Астахов был уже далеко.

В этот раз за Астаховым гнались долго и профессионально. Перекрыли все дороги и преследовали собаками. Но Федор от дорог уже давно отвык. Только

лес или река. Так по реке Вруда и ушел в сторону Луги, подальше от родной деревни.

После этой вылазки на станцию Молосковицы обстановка в корне изменилась. Немцы стали часто навещаться в ближайшие деревни, вызывали и допрашивали жителей. Искали тех, у кого есть родственники за линией фронта. Мать тогда затащили. Где сыновья, дочери? Когда уехали, куда? Приходили и обыскивали дом. Но почему это началось именно после Молосковиц? Как и где он мог наследить? Тучи сгущались, но главное дело – волостной староста – оставалось еще не сделанным.

Через неделю в полицейско-комендатуре Кленов проводил инструктаж. Собралось полицейских со всей округи человек тридцать.

– Все пришли? Кого нет? – уверенно начал Всеволод Кленов. – Лихачев, я тебе приказывал всех собрать. Почему нет никого из Гостятино?

– Все были мною лично предупреждены, господин волостной. Проверю, узнаю, доложу, – услужливо ответил Витька.

– Доложишь. И за Гостятино ответишь лично. Теперь ты, Басов. Почему вчера не дал мне список домов, где есть коровы? Затаить хочешь? Немцы собираются отправлять весь местный скот к себе в тыл, а ты мешаешь своей нерасторопностью. Сегодня до конца инструктажа чтобы список был у меня на столе. Пошел вон!

Басов выскочил из комнаты как ошпаренный и побежал по соседним деревням уточнять, у кого сколько коров, а заодно и всякой другой живности.

Волостной староста зачитал распоряжение: от кого взять и сколько. Потом сообщил, что через два дня на пароме по Луге он поедет на доклад к немецкому руководству и повезет списки тех, кого будут отправлять в Германию и у кого скот заберут.

– Поедет Лихачев, Басов и Меньшова, представительница от женщин. Еще пара полицейских. Лихачев,

этих сам назначишь. Имей в виду: с нами будет лейтенант из сабской комендатуры и еще несколько немцев.

Потом Кленов подробно расспрашивал всех, кто что видел подозрительного или слышал. Особенно в связи с диверсией на станции Молосковичи. Тогда немцы ремонтировали пути целых два дня. «Малейшие нюансы, – как он любил выражаться, – я верю в чутье!» И чуть что – сразу в пролетку и туда. Всю семью подозрительных забирали, дом обыскивали, вещи растаскивали, а уж потом допытывались, что там произошло. И произошло ли что-нибудь вообще.

Об этом инструктаже Астахову в тот же день рассказал сначала дядя Егор. У него были свои информаторы. А уж потом все в подробностях разрисовал Витька.

Через два дня на пароме разместилась вся команда. Приоделись по-парадному. Все-таки к немцам едут на доклад. Кленов Всеволод, немецкий офицер, пара солдат, потом Басов, представительница от женщин волости, еще двое старост из Сабска, что месяц назад расстреливали родственников тех, кто служил в Красной армии. Их специально выбрал Витька. В общем, всего человек девять будет.

Астахов с утра занял удобную позицию на левом, лесном берегу Луги, подальше от деревень. Взял три винтовки с собой, разместил их в разных местах для стрельбы. «Плывут миленькие, – радостно подумал Федор. – И не надо бегать за вами. Все как на ладошке. – Паром тихо скользил по середине реки. – Вот тут-то я вас и встречу. Витька здесь мне не помощник. У него другая роль, более тонкая. Если получится, как задумали – далеко пойдет...»

«Так, Кленов... Это обязательно! – Астахов спокойно нажимал спусковой крючок. – Старосты... Тоже. Немцев – только ранить. А то все деревни пожгут». Над рекой громко прозвучали пять выстрелов. Женщину и Басова он не стал трогать. Ну что они? Бед-

ные. За кусок хлеба... Федор им помахал рукой, мол, бросайтесь в воду. Басов с женщиной прыгнули в реку. Витька залег за неподвижно лежащим Кленовым, сделал несколько выстрелов в сторону Федора и остался на пароме рядом с раненым немецким офицером.

А Астахов подбежал к другим винтовкам и сделал еще несколько выстрелов по парому. Потом с чувством удовлетворения от выполненной работы он встал во весь рост и опять замахал рукой, мол, плывите, не бойтесь. Паром, уже никем не управляемый, плыл вниз по Луге в сторону Кингисеппа. Долго шел Астахов вдоль берега. Хоть бы Витка сообразил. Там ведь оружие, наверняка есть пистолет у немецкого офицера. «Ай, пропади ты пропадом. Не хватало еще мне кричать Витьке через всю реку», – Астахов махнул рукой и свернул в лес.

«...РОСТ СРЕДНИЙ, ГЛАЗА ГОЛУБЫЕ...»

Позднее Астахову аукнулась эта лихость. Ишь ты, встал во весь рост. Любуйтесь на него. Вот они и полюбовались. Пожалел дураков, а они потом в комендатуре все подробненько рассказали. Витьке тоже пришлось постараться, напридумывать про Астахова. Как выглядел, во что одет... Через два дня в пяти деревнях на домах появилось объявление на бланке немецкой комендатуры. Мол, разыскивается преступник: мужчина, лет тридцати, волосы темные, рост средний, глаза голубые, в ватнике, в сапогах, с винтовкой, знаком с местностью. Про глаза это они придумали, конечно. Ну не могли же они в самом деле рассмотреть их с

середины реки. Уж тогда сразу бы написали: «Астахов Федор». Только фотографии, слава богу, не было. Уж, какой конспиратор был Астахов – все равно не удержался. Конечно, шлепнуть гада, старшего старосту волости, дорогого стоит. Он три месяца его отыскивал, мамашу сколько раз расспрашивал, посылал ее к соседям разузнать. Витька тоже рисковал, вынюхивал. Да в конце концов, из-за этого Кленова Федор сапоги свои потерял. Спрятал их в траве, когда пришлось бежать босиком на другое место, где, якобы, должен был появиться волостной староста. Потом искал, искал, так и не нашел. Обидно... Как тут было сдерживать радость, если потом все местное немецкое начальство приехало на кладбище хоронить своих любимцев.

Репрессий не последовало. Видимо, сочли это акцией партизан. Поскольку в деревнях партизаны не объявлялись, то и вины на местных нет. Рассказывали только, что четверо были убиты выстрелом в висок, а немецкий офицер и оба солдата ранены. Астахов помнил, что первые пять выстрелов он сделал из винтовки дяди Егора, целился в живот, чтобы уж наверняка, а прицел, видимо, сдвинулся после того, как в феврале добивал полиция.

На левом берегу Луги немцы провели целую войсковую операцию. Да там все чаще болото, никого нет и никогда не было. Через неделю они снова приехали в деревню. Как чувствовали, где нужно искать. Мать Федора заподозрить было невозможно. Ее выдержка и спокойствие не давали им ни малейшего повода.

В эти тяжелые дни умерла Витькина бабка. Ничего у нее не болело. Старая была. Так во сне и умерла.

После того как немцы уехали, Астахов несколько раз навещался к дяде Егору. Он пытался разобраться сам с собой. И потому искал совета. По-прежнему не было никакой информации о положении на фронте. Шум от его дел стоял по всей округе приличный.

Уже как на конвейере немцы привычно и с почестями хоронили своих самых важных помощников. Но если раньше разными ухищрениями удавалось пустить их по ложному следу, то теперь круг поиска «виновников» сужался. Убивали-то местных. Тех, что жили в ближайших трех деревнях. Становилось очень опасно. Опасно действовать так, как прежде. Нужно было что-то менять. Опять стали возвращаться сомнения в правильности выбранного пути.

– Конечно, что-нибудь сжигать спокойнее, – рассуждал Федор. – Это само по себе говорит о том, что действуют какие-то регулярные части или группы, им помогающие. Они понимают значение того или иного объекта для фронта, и потому уничтожают его. А если убивают старосту или рядовых полицейских, пусть и последних негодяев, тут явно кто-то другой...

– Да, для фронта маловато будет, а для местных в самый раз, – подтвердил опасения Федора дядя Егор. – Не бургомистра же ты шлепнул.

– Так что, ты мне предлагаешь бургомистром заняться, так сказать, для конспирации?

– Боже упаси! – замахал руками дядя Егор. – Если ты этих выискивал месяцами, то уж бургомистра придется до конца войны ловить. Если она вообще кончится когда-нибудь.

– Может, и не кончится... Черт его знает. Наших не слышно. Хоть бы что взорвали... Я же не фанатик какой. Хотя... Не стал бы с ними жить. Все равно ушел бы в лес и... все равно убивал бы гадов. А что еще делать?

– С другой стороны, – фантазировал Федькин дядя, – представь, придут наши, а вдруг нельзя было убивать. Скажут: «Ишь, устроил самосуд». Может, они кого специально оставили для полиции. А ты его шлепнул, не спросясь.

– Ой, ну тебя. Я и к нашим тогда не выйду... Тяжко, дядя Егор. Не могу больше. Самому создать отряд не получается – нужно искать других.

– Так никого и не нашел?

– Так и не нашел. Хоть бы кто-нибудь объявился, вразумил. Неужели там, наверху, ничего не делают? Почти два года прошло. Хоть бы какую весточку дали. Надо самому искать.

Они выпили весь самогон, а в голове и на душе по-прежнему был сумбур и как-то пакостно от полной неопределенности.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВАЛИ ПАВЛОВОЙ:

Весной 42-го маме дали работу в детдоме № 4 на 49-м разъезде, где живут дети еще до войны осужденных родителей, а Тоня с Лериком и бабушка Лена работали в интернате для детей, эвакуированных из Ленинграда. Вот мы и разъехались в разные стороны. Недалеко, правда, но видимся все реже и реже...

Летом меня отвезли пожить к Тоне. Там тоже была школа. Во время обеда в столовую обычно входила медсестра интерната Антонина Потаповна. Она делила все порции масла на две части и сначала выдавала одну, а потом, чуть позднее, спрашивала: „У кого дополнительное питание?“ Все, как по команде, поднимали руку и получали „лишних“ пять граммов сливочного масла. Нам это нравилось. Лерику тогда было уже три годика. Раз в неделю он ходил в комнату медсестры и, загибаясь, лопотал: „Тонина Потаповна у меня... что-то на ручке... царапано“, – а сам большими карими глазенками смотрел на полочку с медикаментами, где его мама оставляла для него свой кусочек сахара.

С маленьким Валеркой мы часто ходили смотреть проезжающие поезда. Махали руками, надеясь, что наши отцы нас увидят. А однажды везли пленных немцев. Нам стало ужасно страшно, и мы убежали.

Было лето... Лерик любил лежать на теплом песке около речки и возить по нему свою сандалию, громко кряхтя, как мотор. Это у него был танк. Потом мы вместе копали ямку с надеждой докопаться до Америки. Взрослые тогда только и говорили, что о Втором фронте...

Кончилось лето. Начались занятия в школе. Мама поменяла свои фильдеперсовые чулки на очень потрепанный портфель для

меня. Я в него складывала книги и учебники. У других были только мешки. Нам раздали тетради, исписанные старшеклассниками. Мы их переворачивали, чтобы видны были строчки, пересчитывали все чистые места в тетрадке, сравнивали, у кого больше. Сначала писали палочкой или пальцем, расчистив кусочек земли. Рисовали, стирали ногой, снова рисовали. Только потом писали в тетради...

К празднику 7 ноября учительница готовила с нами концерт. Бабушка сшила всем девочкам новые платья. Тоня подкрасила марлю зеленкой и марганцовкой и прикрепила ее на окне своего медицинского изолятора. Валерка важно сидел в комнате медсестры на табурете. На голове у него была бумажная буденновка с большой тряпочной красной звездой.

Потом на сцене мы пели песню „Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой, с фашистской силой темною, с проклятою ордой...“. В зале все плакали.

РАССТАНОВКА СИЛ. ИММУНИТЕТ ПРОТИВ СТРАХА

О т того, что это за человек, как он устроен, сколько видит всякого рода мелочей, зависит, в конечном счете, результат выбора. Кто-то просто физически не может принять решение, безуспешно пытаясь все учесть и проанализировать. Но отсутствие необходимой информации заставляет его тонуть в обилии мелких факторов, влияющих на ситуацию. «Мелочи» раздирают его психику на куски. В каждом шорохе, в каждой улыбке или окрике он будет чувствовать огромной силы заряд, способный все взорвать. Это очень трудно выдержать.

Другой, что называется, чувствует обстановку кожей. Его организм сам, на подкорке, даже не просчитывает все варианты, а находит одному ему понятные, какие-то косвенные сигналы для действия. Он мгновенно и интуитивно принимает единственно правильное решение. Конечно, это не всегда так. Но часто именно это спасает человека от беды. Астахов принадлежал к таким.

Чем ближе к развязке, тем становилось сложнее. Сложнее во всех отношениях. Лихачев все больше боялся своей работы в полиции. Мать и дядя Егор, видя, как немцы все вокруг шерстят и ищут так надоевших им «партизан», начинают ясно понимать, что их всех ждет одно: сожженные дома и смерть. А Федор, находясь в неизвестности, не получая необходимой ему моральной поддержки, постепенно, по крупице терял иммунитет. Иммунитет против страха, против любой внезапно появляющейся проблемы. Будь то допросы матери в гестапо, или невозможность появиться в деревне, или так часто в последнее время наплывающие сомнения в правильности и полезности того, что они делали. Не хватало уверенности в себе.

У него не было сомнений в том, что он физически сможет еще долго так жить и драться с врагом. Придется – уйдет дальше в лес. Надо будет – останется совсем один. Угнетало другое. Один он все равно не сможет сделать что-то стоящее. Убивать гадов? Так они все уже им уничтожены. Искать в других местах? Там он никого не знал, да и не было там такой поддержки родных. Лихачев тоже не сможет исчезнуть из деревни. Куда ни глянь, всюду тупик.

Наверное, хотелось, чтобы все узнали про него. Хотелось «разбавить» ответственность за свои решения. Хоть назови их подвигами, хоть самосудом. Ответственность перед своими, конечно. Да, все-таки можно понять тех, растерявшихся в первые месяцы войны и не нашедших себя. Хоть какой-нибудь на-

чальник появился бы. Пусть даже самый завалиющийся. У него было бы одно и самое главное – полномочия на все его, Федора, решения. А у Астахова их не было.

Для сохранения уверенности в себе Астахову были очень важны не столько успешные результаты его действий, сколько их субъективная позитивная оценка со стороны значимых для него людей. Наряду с собственными навыками и способностями именно это тогда определяло смелость в постановке новых целей и задач.

Явно наступал момент «насыщения». Это время, когда продолжение однажды задуманного становится невозможным. Как из-за внешних, так и из-за внутренних причин. Требовались кардинальные изменения в целях, в средствах их достижения и в конце концов в его месте и роли во всем этом. И не только его. А это всегда сложно. Тем более, если ты не уверен в том, что до этого ты все делал правильно. Зачастую люди не выдерживают такого состояния. На допросе они начинают «колотиться», в плену кидаются под автомат или на колючую проволоку с током, в быту у них начинаются невроты, и они постепенно сходят с ума, на фронте пропадает боевой дух и начинается общее разложение.

Нужно было что-то решать. Уходить вместе с матерью в лес? Объединяться с партизанскими отрядами? Начинать рискованную игру Лихачева с немцами? Делать все это одновременно? Ни на один из вопросов однозначных ответов не было. Каждый из них требовал новой информации. А главное – внутреннего состояния готовности к таким шагам в разных направлениях. И на каждом из них – куча проблем и опасностей. В лесу могли не выжить, партизаны могли не поверить, Витька мог «провалиться»... И кроме всего этого был еще один немаловажный фактор, который сохранял основной вектор его рассуждений. Чистая совесть!

В любых условиях нужно было бить немцев, а не отсиживаться, пассивно дожидаясь своих. Первое – это бои в окружении, борьба в условиях подполья, а второе – дезертирство.

Чистая совесть – это сознание того, что ты справляешься со своими моральными обязанностями, что за тобой нет отступлений от твоих же нравственных ориентиров. Если же у тебя вдруг возникают реальные основания для сомнений в правильности того или иного поступка, индикатор-совесть моментально заработает. Это произойдет даже раньше, чем возникнет рефлексия, чем появится мысль: «что-то не так». Но там, где таких реальных оснований нет, изобретать себе муки и посыпать голову пеплом совершенно незачем. Совесть не должна становиться болезнью и мазохистской страстью. В этом случае человек может так увлечься муками совести, что забудет о реальной жизни. А она продолжалась... Все сильнее и все больнее напоминая о себе.

Важно другое. В осуждении себя было явно выраженное сожаление о недостаточности содеянного и намерение делать больше и больше. Это намерение может перейти в решимость. А она и есть стойкость человека в исполнении своего долга вопреки естественным колебаниям, сомнению, скептицизму и унынию.

ВА-БАНК

После операций с паромом и на станции Молосковицы Лихачева несколько раз вызывали в Волосово. Его подолгу допрашивали в гестапо. Кто родители? По-

чему не жили вместе? Кого из жителей деревни знает? Он единственный из всех, плывущих тогда на пароме, кто стрелял по партизанам и пытался защитить раненого немецкого офицера. Когда паром поймали, этот лейтенант все успел рассказать. Солдаты подтвердили. Уже через три дня их отправили в госпиталь куда-то в Прибалтику.

Витька говорил про свою жизнь все по-честному. Особенно про отца. Он чувствовал, что ему верят. Потом его привезли в поселок Извара, что в десяти километрах от Волосово, на беседу к кому-то очень важному. Неприметное здание рядом с усадьбой Рерихов охраняли немцы.

Его ввели в просторный кабинет. Вдоль двух стен стояли шкафы, полные книг. Напротив большого окна, занавешенного плотными портьерами, стоял массивный стол. Справа и слева на столе лежали ровные стопки каких-то документов. В кресле сидел пожилой мужчина интеллигентного вида, на вид лет шестидесяти-семидесяти, в круглых очках в тонкой золотой оправе. Витька его раньше никогда не видел.

Казалось, что этот большой начальник знает всех. Он обстоятельно перечислял известных Лихачеву бывших местных советских руководителей, потом принялся за активистов коллективизации, коммунистов и комсомольцев. Чуть напутал фамилии некоторых раскулаченных. Он словно хотел определить Витькин круг общения. Потом два немецких солдата ушли, и они остались в кабинете одни. Лихачев сразу сообразил, что это смотрины. Он пытался выглядеть в меру осведомленным и аккуратным в суждениях, вежливо поправляя хозяина кабинета, когда тот ошибался в фамилиях. Разговор длился уже около часа. Постепенно перешли к более сложной теме.

– По какой причине, Виктор Афанасьевич, вы пришли работать в полицию? Ведь, насколько мне известно, вас не брали по инвалидности, извините.

– Ваше благородие, во-первых, не могу без дела...
 – Так пошли бы в партизаны. Это же логично для вас, согласитесь. Продолжатель дела отца, так сказать.
 – Я готов, если прикажете.
 – Даже так! А вы знаете, зачем вас ко мне привели?
 – Думаю, меня на место Кленова смотрят.
 – Пожалуй. Но вы мне не все ответили о причинах. Наверное, не нравилась советская власть. Так все говорят. Или разочаровались в ней, когда увидели силу германской армии?
 – Ни то и ни другое. Простите, ваше благородие, можно вас попросить дать мне возможность спокойно высказаться, а уж после – вам решать.
 – Ну-ну. Я этого и хочу. – Пауза несколько затянулась, и Витька, набравшись воздуха, как перед прыжком под воду, продолжил.
 – Дело в том, что я пришел в полицию специально. Понимаете? Ну... по приказу, что ли.
 – Надо же, – съязвил хозяин кабинета. На его лице ничто не выдавало удивления.
 – У меня была встреча с командованием еще в феврале 42-го, – продолжал Лихачев. – Я этого человека не знаю, но он предъявил мне документ, сказал, что он от моего отца и выдал мандат на случай прихода партизан. Мне поставили задачу: войти в доверие к оккупационным властям, возглавить полицию воности.
 – Так, так...
 – Это на первом этапе. Затем закрепиться, продвигаться по службе... И ждать. У меня есть и этот мандат, и пароли. Теперь главное. Совсем недавно, после того случая с паромом, я вдруг понял, что это можно как-то использовать. Поэтому я прошу вас, ваше благородие, мне помочь. Извините, что так просто все изложил. Я, конечно, понимаю, что рискую. Но на мне пока нет никакой вины ни перед теми, ни перед другими...

– Занятно излагаете, молодой человек. Но ведь, что касается вины, то это легко исправить, как вы понимаете.
 – Тогда пропадет возможность и мне, и вам делать большие дела. Ведь, правда, ваше благородие? Я чувствую, что мне не хватает чего-то. От наших я имею мандат идти к немцам, а от немцев к нашим – такого мандата нет.
 – Знаете что, молодой человек? Вы или дурак и заврались, непонятно, с какой целью, или просто наглец. Я бы не советовал вам так шутить. Но я дураков учить не собираюсь, а наглецов быстро ставлю на место. Вот уж воистину, понадейся на помощников – и получишь подарочек. Тоже мне, нашли старосту, идиоты. Вот вас отведут и подержат немного в изоляции, а я подумаю и посоветуюсь, что с вами делать.
 – Не надо! Ваше благородие, может быть, и не нужно ни с кем советоваться? Лучше бы мы знали об этом только вдвоем. Больше возможностей. Если успех, то он и ваш тоже. А если я где-то сорвусь, то вы – не в курсе... А что? В гестапо меня проверяли? Проверяли. Замечаний, как я понял, нет, раз уж к вам привели. Вот они пусть и отвечают в случае чего...
 Витька говорил спокойно и уверенно, отчетливо произнося каждое слово. Но бургомистр уже вызвал из приемной двух своих помощников. Те повели Лихачева в подвал здания. Там по обе стороны коридора располагались комнаты. Судя по дорогим деревянным дверям, это не были тюремные камеры. Его ввели в одну из них и закрыли дверь на ключ. Комната походила на обыкновенный гостиничный номер.
 «В общем-то, авантюрный малой. Но весьма умен и обстоятелен», – подумал старик. Последнее обстоятельство ему явно нравилось.

Прошло два месяца. Витькина авантюра сработала. Он прошел у немцев все проверки, и его готовили к новой должности. Он прилежно трудился, участвуя в поиске бандитов, которые убили трех старост, сожгли маслозавод, сломали железнодорожное полотно около станции Молосковицы и сорвали график движения военных грузов. Объявление о разыскиваемых преступниках стало более внятным, обросло фактами. Как ни старайся, все равно зона действия группы становилась понятной даже дураку. Нужно было менять тактику. Астахову пришлось все это время скрываться в лесу.

В это время в деревнях все чаще стали появляться какие-то люди с оружием. Появятся, разузнают что-то и уходят. Для окруженцев – поздновато. Поговаривали, будто это из-под Волосово полицейские ушли от немцев. Наверное, обстановка на войне изменилась, вот они и кинулись кто куда. А может, это опять немецкие провокации, как в 41-м? В любом случае – с такими идти нельзя. Астахов их не признавал. Потому что они то бродячие, то специально созданные немцами, то еще какие. Одни так, для геройства, взяли и взорвали мост через Лемовжу, что стоял около дома Астаховых. Кому он понадобится? Ведь войск здесь не было с самого начала.

При очередной встрече Витька подробно рассказал Федору о том, как его проверяли в Волосово, в гестапо, о его рискованной беседе в Изваре с каким-то немецким начальником и об их второй встрече, где все и решилось так, как они затевали.

Понятно, что, соглашаясь на Витькину игру, немец ничем не рисковал. Напротив, сейчас за Лихачевым наверняка следили его люди. Они просто ждали контактов, чтобы выявить цепочку связи с центром или, если повезет, всю сеть. Кроме того, им нужно было

найти тех, кто в последнее время здесь в округе безнаказанно вредил и мешал немецким властям. Пока что никакие листовки с объявлениями о поиске преступников не помогали, местная скрытая немецкая агентура тоже молчала. Поэтому не использовать представившиеся им возможности лояльного «двойника» было бы глупо.

– Нужно ему подыгрывать, попытаться что-то сдать, – рассуждал Федор, – правда, пока у нас ничего нет.

– Он пустышку сразу почувствует. Да и проверить все это для него не составит особого труда, – добавил Лихачев. – Он старик обстоятельный и, как мне кажется, не ради мелкой авантюры пошел на это.

– Значит, он будет в любом случае выявлять твои возможности как для ареста, так и просто для того, чтобы о них знать. Нам, вернее, тебе главное – заинтересовать его настолько, чтобы он не дошел до простого ареста. Если он не немец, то должен ясно осознавать, что его ждет после прихода наших, и так же ясно понимать, за что конкретно его не будут преследовать, за что конкретно он сможет жить безбедно где-нибудь в другом месте... Я думаю так, – сделал выводы Астахов. – Ты согласен со мной?

– Да, все правильно. Он же не гестапо. Только пока не понятно, кто он.

– Разберемся, – сказал Федор и задумался. Он что-то вспоминал. Даже отошел чуть в сторону от Витьки. – Знаешь что? Недавно в Волосово объявилась какая-то контора. Я знаю, что все вокруг Извары загораживали проволокой. Ты-то что видел, когда тебя везли туда?

– Ничего не видел. Везли в санитарной машине. Там и окон-то нет.

– Ну а потом?

– Потом мельком видел. Ну, Извара, я же говорю. И по времени – километров десять будет, – убеждал

Лихачев. Федор продолжал ходить взад-вперед, мельком бросая вопросительные взгляды на Витьку. Он явно что-то почувствовал.

– Витька, я думаю, это их разведка там. Абвер называется. Это не олухи, они все насквозь видят. А мужик этот, наверное, главный, раз такой кабинет имеет. Ну, Витька, влезли... Я думаю, тут все не просто. Одной должностью не отделаешься. Ты вот что лучше расскажи – как тебе показалось. Этот старик, он для немцев большая фигура или так себе, как все наши? Я хочу сказать: они заберут его с собой, если придется бежать отсюда? Или как?

– Не знаю, Федька, не знаю. Хорошо, хоть вообще добрались до него. А ты уже давай с ним в Европу ехать. Так-то он здесь ценный для них человек. Всех местных знает. А как в другом месте? Черт его знает. По замашкам, он вроде как немец. Наверное, долго жил у нас перед войной. Я уже говорил, что на второй беседе он меня очень жестко спрашивал про всех наших деревенских. Тебя называл, брата твоего, потом Петрова. Помнишь такого? Его еще в тридцать первом выгнали из отряда по раскулачиванию.

– Так он что-то чувствует или просто проходится по списку?

– Да черт его знает.

– Интересное дело, – вспыхнул Федор, – для чего ж ты с ним говорил? Пожалуй, что мне тоже придется с ним познакомиться. Я ему раскроюсь, скажу, что я из центра, что это все моих рук дело и моего отряда: я, мол, получил «добро» идти с ним на контакт. Он уже разогрет после тебя. Самое время добавить. Цель такая, чтобы он тебя здесь назначил, а потом, отступая, забрал с собой. Ты ведь знаешь немецкий. Вот и пусть он тебя вводит в их круг. Ты вон почти спас одного...

– Ну, все и залетим.

– Ой, да успокойся ты. Что за мания все просчитывать и анализировать... От тебя и меня здесь вообще

мало что зависит. Главное – оказаться в этой лодке, а дальше посмотрим, куда вынесет.

– Как – куда вынесет?

– Да так! Например, если придут настоящие партизаны, все полиция побегут от немцев, только складывай в штабеля. Это я знаю точно. Тебе обязательно нужно быть вместе со всеми. Потом разберемся с начальством. Пусть они все согласуют, продумают. А ты уж постарайся и убежишь обратно. Например, принесешь какие-нибудь старые сведения про отряд.

– Вернусь – сразу назначат вместо Кленова.

– А может и нет. Может, у него другие планы. Ты же такой верный и умный, не то, что Кленов...

– А если сейчас успеют назначить, то как-то не с руки уходить со всеми, – засомневался Лихачев. – Да и не возьмут. Могут сразу шлепнуть не разбираясь.

– Могут. Это точно.

– Ну вот. Начинается. Я же говорил...

– Да ладно тебе, говорил, говорил, – сказал пердразнивая Астахов. – Давай так. Готовь мою встречу через неделю. Пусть приходит с охраной. Ради Бога. Пусть они меня обыщут. Только встреча будет в школе или на почте, около церкви. А ты всех оттуда уведешь заранее. Я приду незаметно со стороны леса. Удалось договориться или нет – оставишь записку в нашем месте. Согласен со мной?

– Очень все это опасно, рискованно, не знаю, как еще назвать, – сказал Лихачев, – и, может быть, не стоит того.

– Витька, ты кончай. Стоит – не стоит. Не в бухгалтерии. Чую, что надо! Все. Расходимся. – Астахов как бы на прощание махнул рукой и быстрой, уверенной походкой скрылся в лесу.

А Лихачев еще долго смотрел ему во след и, качая головой, приговаривал: «Ну, Федька, дурило. Ведь, честное слово, авантюра. Ну, ей-богу! Скоро уж наши придут, а он...»

Спускаясь с пригорка, он заметил за домом, где располагалась почта, двоих не местных, в хороших коротких пальто и шапках. Они курили и громко разговаривали. Увидев Лихачева, они развернулись и направились в сторону. «Ну вот, дождались. Может, они и Астахова видели? – подумал Виктор. – Нужно скорее напроситься на прием к этому Черкасову. Не так-то это просто, между прочим».

В течение недели в соседние деревни действительно несколько раз приходили партизаны. Эти были настоящими. Они вступили в бой с немецкой частью, находившейся в Большом Сабске. Астахов в это время как раз был на окраине этого поселка и с очень удобной позиции наблюдал за немцами. Ему было важно узнать, когда уходит большая часть охраны. Тогда можно было бы «внаглую» прорваться и бросить бутылки с керосином в окна комендатуры. Витька говорил, что здесь у них все хранилось: и списки жителей, и кого куда увозить, и личные дела полицаев.

Когда по наступающим партизанам начал стрелять немецкий пулемет от здания комендатуры, Федор за просто снял этого пулеметчика. Многого тогда партизанам не удалось. Но постреляли немцев прилично. Потом отряд отошел куда-то недалеко, по реке Луга в сторону деревни Гостиатино. Астахов тоже тихо ушел в лес за Хотнежу в надежде, что эти не уйдут и обязательно наведаются еще. «Скорее бы повстречаться с Витькиным стариком, – думал он, пролезая сквозь кусты в лесу. – Вдруг удастся Лихачева „запустить“. Тогда можно и в отряд...»

ВСТРЕЧА

Он уже часа три ждал на втором этаже разваливавшейся церкви, сидя на прогнившем мокром полу хозяйственного помещения. Две винтовки стояли рядом в углу. С утра был туман, и из окна комнатки вообще ничего не было видно. А теперь, когда солнце взошло повыше и стало чуть теплее, на траве, на «хрустальных» паутинах, заблестели капельки росы. Сверху хорошо просматривалась почта, песчаная дорога через Хотнежу, маленькие деревенские домики со слабым дымком из печных труб и краснеющий голый обрыв на другом берегу реки. Вся эта простая природная красота обрамлялась «золотой рамой» желтеющего осеннего леса, который окружал деревню со всех сторон.

Вчера Астахов получил весточку от Лихачева. Встреча должна быть сегодня в двенадцать часов в Хотнеже, в помещении почты. Мать Федора рано утром вышла из дома и направилась в сторону деревни Красный Маяк. «Очень болят суставы. Мазь нужна», – говорила она любознательным соседкам, уже сидевшим на лавках около своих домов. Ей пришлось медленно ковылять сначала в сторону церкви, а потом вдоль реки быстро уходить в направлении их старого хутора.

На почте и в школе никого не было. Витька постарался и увел всех полицаев в Красный Маяк для общего инструктажа в связи с участвовавшими появлениями партизан. Этой ночью Астахов принарядился. Нужно, чтобы от него прямо разило уверенностью и благополучием. Черные пиджак и брюки, в которых ему пришлось прятаться от немцев в яме, мать вычистила и выгладила. Он надел их и большие блестящие черные ботинки старшего брата. Вместо сорочки на нем была косоворотка брусничного цвета, в которой

в юности бегал на танцы. Аккуратно выбрит, черная шевелюра приглажена на пробор. До встречи оставалось чуть больше часа.

Еще издали Федор увидел идущих к церкви вдоль кромки леса троих мужчин с винтовками. Явно не партизаны. Один из них вошел в церковь и обосновался внутри, около широкого дверного проема. Сразу пахнуло табаком. «Неаккуратно», – подумал Астахов.

Двое других обошли почту и где-то там за ней и остались. «Ну что ж, этого мы ждали, надеюсь, не замной пришли. Пусть караулят своего хозяина. Ему без охраны даже подозрительно было бы разъезжать по округе».

Минут через двадцать к почте подкатил черный автомобиль, запыленный на грунтовой дороге из Извары в Хотнежу. Вышел водитель, степенно обошел машину и открыл заднюю правую дверь. Из нее, опираясь на руку шофера, тяжело вылез пожилой мужчина и, сутулясь, мелкими шажками быстро просеменил на крыльцо. Что-то до боли знакомое почудилось Федору в этой фигуре и походке. К начальнику подбежал один из тех, что скрывались за домом и стал что-то докладывать. Пожилой резко повернулся... «Докукин! Точно, он! Елки-палки. Вот это да-а-а», – быстро проговорил про себя Астахов, вздыхая всей грудью от неожиданности. Сначала возникло приятное чувство легкости от сброшенного груза ожидания неизвестного, потом оно сменилось апатией, и ничего больше не хотелось делать. В конце концов постепенно и она сменилась чувством, похожим на то, что он недавно испытывал по отношению к Кленову, Никитину, Осипову... «Но это же Докукин! Он наверняка другой, – Астахов хотел, но не мог выговорить слово „хороший“. – Тем более нужно идти... Прямо и открыто. Пусть видит!»

Астахов вылез через окно. Осторожно, чтобы не шуметь и не испачкаться, спустился по выступам в разбитой кирпичной стене. Обошел кустами церковь

и тихо проник в здание почты сбоку, через деревянные сени. У окна стоял опрятно одетый, в галстук, чуть сторбившийся старик в круглых очках.

– Неужели все так плохо, Петр Михайлович, что приходится самому ходить за почтой? – улыбаясь, громко спросил Астахов. Чувства и мысли, которые всегда зарождаются в подобных ситуациях, так быстро сменялись у Докукина, что ему невозможно было их ни произнести, ни хоть как-то выразить. Вместо удивления, радости, испуга и сожаления, в первый миг он тихо произнес всего лишь одно слово, как будто надпись прочитал по складам: «Федор».

Они крепко обнялись и потом еще долго стояли, смотря друг на друга, не пытаясь заговорить. На глазах у Докукина были слезы.

В окно постучала охрана. Докукин отвернулся и махнул им рукой, показывая, что у него все в порядке. Федор прошел за стойку и пригласил Докукина присесть. Там по обе стороны от широкого стола для сортировки почты стояли два больших стула, на которые они сели. Оба осмотрели комнату, как будто только что в нее зашли и совсем не видели ее раньше. Оба молчали и не знали, как начать разговор. Постепенно беседа завязалась.

Говорили обо всем. Как здоровье? Как родные? Но Федор все никак не мог спросить самое важное: почему его Докукин у немцев? А Докукин, в свою очередь, боялся своего вопроса: зачем через столько лет когда-то маленький парнишка-почтальон, вызвал его на разговор? Его, очень влиятельного человека в кругу местной Абвер-команды, советника начальника школы. У того и у другого эти трудные вопросы ждали своего ответа. Но ни Астахов, ни Докукин не хотели их произносить, боясь получить не тот ответ, на который втайне надеялись. Первым начал старший.

– Так это вы, Федор, – произнес Докукин, то ли вопросительно, то ли просто так, констатируя очевид-

ный факт. Он серьезно посмотрел на Астахова. – Где же вы живете, чем занимаетесь?

– Да здесь и живу, и работаю. По-прежнему, как в детстве почтальоном, так и сейчас, пытаюсь приносить людям всякие вести. Лучше хорошие. – Федор опять попытался пошутить, как-то сгладить прямой вопрос Петра Михайловича.

– О чем вы, Федор? Какие вести?

Федор не выдержал и принялся за главное.

– О Кленовых, о подожженном маслозаводе...

– Так это вы... – И эти слова Докукин произнес уже не так неопределенно, а вернее даже с сожалением. Потом закивал своей седой головой и добавил: – Они были гадами...

– Но они помогали вам. Или вы им. Это все равно.

– А мне – нет!

– Само собой такое не случается, Петр Михайлович.

– Да уж, не само собой. Нужно было кому-то очень постараться.

Разговор явно обострялся. Но это было то, для чего они встретились. Когда говоришь только о погоде или о здоровье, реальную проблему волей-неволей загоняешь все глубже. Конечно, каждый из них не раз и не два, рассуждая сам с собой, обдумывал этот разговор. Готовился к конкретному деловому разговору. Готовился вроде как к сделке. Но ни тот ни другой не ожидали такого поворота событий. В этих неожиданных для обоих условиях сразу говорить о деле было просто невозможно. Так не бывает в жизни. Слишком много личного наслаивалось на тему встречи. Им обоим нужно было сначала понять, что произошло с ними: Докукину – с Федором, а Федору – с Докукиным. Ведь не для ностальгических же чувств они так рисковали. Прежде чем сказать главное, придется делать друг другу больно, придется обострять разговор, вносить в него иронию, грубость... Требовалась откровенность. Но вызвать ее можно было только так.

– То есть вас заставили! Вы не хотели!

– Хотел, и заставили тоже.

– Как это?

– Ты, Федор все намекаешь на совесть? Так и скажи. Тебе хочется новую весть узнать? – спросил Докукин, переходя на ты. – Изволь. Только не уверен, что ты донесешь ее другим.

– Уж постараюсь как-нибудь.

– Я не стану говорить о своей личной беде, о своей семье, о том, чего натерпелся от советской власти. Не буду говорить и о том, что ты хочешь услышать: «Давай, мол, вместе работать против фашистов». Это я уже слышал не раз и не только от твоего Лихачева. Я скажу другое. – Докукин сделал паузу, как бы подчеркивая важность темы. – Что такое убитые тобою пять-шесть подлецов? Эта страна сдала своему врагу сотни тысяч, миллионы пленных. Многие из них стали такими же, как эти Кленовы...

– Не многие...

– Это зависит от того, кто ведет подсчет, Федор, – спокойно и уверенно парировал Докукин. – Но еще до этого она вырезала половину лучших командиров своей армии. Я видел и тех и других. Такая весть тебе нравится? Она хорошая? Или ее просто никому не нужно знать?

– Это не страна сдала!

– А кто тогда? Ну да, понимаю. Это те неучи с пролетарским гневом, что окопались там, наверху, еще с двадцатых! Какая разница. Все равно вся страна их воспевала и носила на руках как хрустальную вазу.

– Значит, сами виноваты.

– Вот в этом и беда, Федор. Всегда все виноваты. А значит – никто! Надо же, мы оказывается, повинны в том, что не увидели настоящего врага у ворот своего дома? Для этого есть армия. Мы ее, как говорится, кормили и обували... Весь мир увидел, а наши – нет. Может, у них такая же извращенная логика, как

и у тебя? Только так можно понять их патологическую потребность уничтожать своих людей, раз они все «сами виноваты»...

Оба замолчали. Астахов такого еще не слышал. Но в душе он был согласен со всем, что говорил Докукин. Больше того. Он тоже все это видел своими глазами и уже успел испытать на своей шкуре. Он только не мог понять одного. Даже если наверху все плохое. Даже если Сталин... Даже если весь народ такой, что это допустил и терпит. Все равно это не значит, что нужно радоваться чужим, пришедшим, якобы поправить жизнь в нашем доме, а заодно прибрать все к своим рукам да поубивать неполноценных. Это уже было лет пятнадцать назад. Тогда хоть свои же просили. Мол, уберите большевиков. Они переворот сделали...

– Может быть, все проще, – продолжил Федор. – Пришла сила, порядок, цивилизация. Они быстренько отбросили доверчивых да необученных. Сразу объявились те, что пообразованнее, которые любят во всем порядок... Что ж тут выбирать? С сильными, да культурными всегда веселей.

– Да уж, культурные. Сжигать и вешать они культурные.

– Так почему же?... Почему вы с ними? Почему – Черкасов?

– Это сложно, Федор. Это мое. Здесь и мое настоящее, и прошлое, и прошлое моих предков. Немцев, как ни странно.

– Вот тебе раз! Так вы...

– Нет, нет! Что ты! Я русский. Только один мой прадед был немцем. Другой, хоть и барон, но тоже русский. Это его фамилию я взял в 41-м, когда пришли немцы. Я ж тебе показывал его могилу на кладбище. Не помнишь, пожалуй?

– Я другое помню. «Если пришел непрощеный и чужой, гони его, чтобы неповадно было». Ваши слова.

– Так ты теперь хочешь сказать, что я за тебя в ответе?

– Нет. Просто за последние три года я тоже много растерял из того, к чему стремился. Вернее, не растерял, а бросил и стараюсь не замечать. Но эти слова, пожалуй, единственное, что осталось.

– Ну, членом этой партии-то – остался, надо думать.

– ...остался.

– Ну вот. Жизнь всем и правит. Не верю, что ты не насмотрелся всего того ужаса, бардака и зазнайства там, наверху. И, главное, безнаказанности за все это.

– И все же. Враг есть враг. Страна может быть такой или сякой, бедной или богатой, глупой или умной, несправедливой, наконец, но... я, то...

– Послушай, Федор, что я тебе скажу. Внешний враг для России ерунда. Здесь все ясно. А когда ясно, русский народ победит любого. Русских могут победить только сами русские, и то когда идейный разброд. Уж очень духовные люди. Сегодня ставка делается именно на это. Немцы изменили свою политику по отношению к населению. После того как не удалась быстрая победа, им важно сделать народ своим союзником. Тем более что для этого есть прекрасная основа. Только заикнись о твоей коллективизации – сразу в их ряды встают сотни и тысячи обиженных. Только напони о репрессиях в 30-е годы, как из-под земли появляются тысячи помощников нового режима. А пленные... Это же десятки армий, готовых грызть глотку тем, кто их по своей вине сначала бросил, а потом называл изменниками да еще мучает их семьи. Но и это не главное.

Докукин явно пытался найти понятные для Федора слова.

– Важно другое. Россия победит в этой войне. Теперь это ясно. А это значит: прежний режим только укрепится, и его уже ничем не столкнешь. Я думаю, не меньше полувека понадобится. Пока все «великие» помрут, пока все потихоньку забудется... Вот тогда, как

в революцию, какая-нибудь очередная яркая глупость властей все и решит. Только мне этого уже не увидеть. Теперь силой ничего не решить. Все будет зависеть от того, чем сейчас занимаются немецкие власти на оккупированных территориях. Разложение единства нации... – Докукин удовлетворенно остановился, посмотрел на Федора и добавил: – Вот здесь ты прав со своим Лихачевым. Правильно делали, что истребляли заразу в душах человеческих. Но велик ли этот вклад? Человек сто в наших родных деревнях будут помнить об общечеловеческих ценностях. Это я преувеличил. Много ты так изменишь во всей стране? Помнить нужно семью, дом, любовь, твою родину. Вот эту деревню. И не надо обобщать до небес. Мол, родина – это вся твоя страна. Да не твоя она! – Докукин остановился, пристально посмотрел на Федора и продолжил: – Это не мои слова... Ты знаешь, как погиб твой брат?

Астахов весь зажался. Весть об Алексее его сбила. Брат был намного старше его, и они редко с ним виделись. Но когда встречались, все, что говорил Алексей, для Федора было непререкаемой истиной. Он почти всегда был вне семьи. А в начале тридцатых вообще о нем уже никто ничего не знал. Федор, когда вернулся с финской войны, пытался что-нибудь узнать про брата. Ему сообщили только, что он капитан госбезопасности, и все.

Федор соображал: «Значит, Докукина в 37-м посадили вместе с теми начальниками, которых он рисовал. А брат. Он-то чего там делал? Непонятно. Уж не охранял же он их...»

– Так вот, в июле, почти через месяц после начала войны, твой брат был у меня. Он приехал в пересыльную тюрьму в Кингисеппе, чтобы предложить мне идти к немцам и работать на наших.

Слова Докукина ошеломили Федора. Такое совпадение – просто providение какое-то. В голове у него

все перемешалось. То, что он хотел от Докукина, ушло на второй план. Для него важнее было другое. Он, Астахов, делает то, что начал его старший брат. И не просто брат, а представитель государства – государства, которого он не видел и не слышал уже два года. Они бросили друг друга, и их связывала только тонкая ниточка хрупкой уверенности в правоте того, что он делал все это время. Это как глоток воздуха, когда долго плывешь под водой. Он придавал силы.

Астахов напряженно молчал и слушал.

– Я был почти согласен с ним, – продолжал Докукин, – именно он сказал мне тогда простые слова: «Не нужно путать и обобщать все и вся. От Родины, в твоём понимании, ты получил сполна. Пятнадцать лет лагерей – ни за что! Ты вправе ее ненавидеть. Но, может быть, для тебя Родина что-то другое? Без Сталина, без Ворошилова, без Днепрогэса... Уж всяко она не в Баварских Альпах и не в Лапландии. Найди ее, Докукин»... Я еще подумал тогда: «Надо же, они как будто опохмелились после большой пьянки. Начинают здраво мыслить, видеть очевидное, а не придуманное в пьяном угаре...»

– Но тогда все как-то перевернулось. Этот капитан, твой брат, погиб в тот же день, сразу после нашего первого откровенного разговора.

– Вы сами видели? – спросил Федор. – Видели, что погиб. Может, ранен, в плену?

– Я видел. Нас пытались вывезти в тыл и собрали в фургоне с двумя автоматчиками. А брат твой да еще трое в это время отстреливались из пистолетов... Потом шофер нашего фургона тоже погиб. Так что, когда пришли немцы, машина, наполненная осужденными, так и оставалась стоять во дворе тюрьмы.

– Брат твой ничего мне не успел передать. А я даже не успел согласиться...

– И вышло все так, как у Лихачева, – вдруг после долгого молчания заговорил Федор. – И наши при-

звали, и с вашими хорошо бы «подружиться». Даже Виктор, еще когда мы только начинали, сказал: «А что, если меня в полиции заставят убивать наших?» Знаете, Петр Михайлович, я так считаю, что можно притвориться кем угодно, но всегда есть черта, за которой...

– Знаю. Знаю, что делать зло можно из самых различных побуждений... Даже самых благородных... Короче. Я всегда старался эту черту не переступать. Не всегда это получалось... Наверное, поэтому и согласился с твоим парнем. Он, кстати, тоже так и сказал. Мол, ничего плохого он еще не делал ни для тех, ни для других.

– С другой стороны, как и хотел твой брат, я стал у немцев важной фигурой... И когда месяц назад меня удивил этот Лихачев, я сначала подумал, что это продолжение того же разговора. Но потом решил: «Вряд ли. Столько времени прошло».

– Петр Михайлович, знаете что? – тихо проговорил Астахов. – И мне, и вам удобнее считать, что это продолжение именно того разговора. Вы согласны со мной?

– Конечно, если ты действительно оттуда. – Доукин мотнул головой в сторону востока. Но ответа ему было не нужно.

Это не было вопросом, и Федор, не останавливаясь на этой теме, деловито перешел к конкретике:

– Сюда наверняка через несколько дней придут партизаны.

– Нашу базу к этому времени переведут из Извары в Эстонию.

– Мы с Лихачевым и еще человек семь-десять полицейских уйдем с ними. Потом Виктор вернется и с вашей помощью сдаст немцам что-нибудь про этот отряд и про меня. Это будет уже его, так сказать, второй подвиг. Вам останется его поднимать и поднимать. У него будет связь. Он сможет работать на немцев, а

помогать нашим. Вот и все. Главное, как вы правильно сказали, не переступить черту.

– Я знаю, что нужно будет делать. Мы вместе займемся теми, кого оставляют здесь после отступления. Попробуем. Кстати, твоему Лихачеву должны дать награду за спасение немецкого офицера... В общем, попробуем. Ты знаешь, Федор, я еще до Лихачева почувствовал, что это ты все здесь затеваешь. Вернее, я хотел бы, чтобы это был ты... Это мог только местный. Потом мне все время вспоминался твой брат. Правда, к НКВДэшникам у меня было и остается особое отношение, но волей-неволей мысли цеплялись друг за друга и вращались по кругу.

– А я очень рад, что наше с вами прошлое помогло...

– Помогло то, что нас окружало здесь с детства. Врожденное стремление человека к природе как единственной дороге его жизни. Наш с тобой земляк давно и очень хорошо об этом сказал: «Все нас гонит к природе: и духовное сознание, и эстетические требования, и тело наше...»

Они еще долго сидели за столом. Смотрели друг на друга. И каждый думал о своем. Доукин о том, что он после стольких мытарств, наконец-то, нашел свой путь. Правда, он был еще только в его начале... А Астахов...

– Я знаю, что до поры до времени и там, наверху, нам не будет веры, – вдруг произнес Федор. – Ее нужно еще заслужить. Будут все проверять и перепроверять. Я это на себе испытал. В чем-то наши судьбы даже схожи. Мне, бывшему пленному, нужно доказывать, что я не предатель. И вам... И вы лучше меня знаете, что хорошо бы это делать, находясь где-нибудь подальше от быстрых на руку...

Они расстались. Теперь уже навсегда.

Доукин сел в машину и быстро помчал в сторону Волосово. Он и так уже отсутствовал в школе больше пяти часов. А Федор еще долго сидел на почте и, опу-

стив голову, смотрел, не отрывая глаз, на Лешкины блестящие черные ботинки. Не было никаких мыслей. Не было никакой тревоги. Уже завтра он сможет спокойно уйти в партизаны с чувством выполненной большой работы. Хотелось есть.

ЧАСТЬ 4

«...ИСКУПАЛ
«... N C K A П A ПСВОЮ ВИНУ»
C B O Y B N H A »

КОМАНДИР ПОЛИЦАЕВ

Через два дня Федор узнал от матери, что в том партизанском отряде, который вел бой в Большом Сабске, были знакомые ему люди. Алехин, бывший председатель сельсовета, и Орешкин, бывший военком города Осьмино. Этим можно было верить. Он взял с собой мать, корову, три винтовки, и они пошли в отряд. Из домов повывезли местные старухи и заохали: «Так это ж Федор! Вот, оказывается, кто здесь был. Надо же. Ведь ни слухом ни духом». Дядя Егор остался дома в своей деревне Гостятино. Для партизан он был слишком стар, а если придут немцы, то он не такой уж и близкий родственник Астахову Федьке.

Лихачев, как они и договорились, присоединился к отряду вместе с другими местными полицейскими.

Так они пришли в настоящий партизанский отряд. Там были и полицейские, и бывшие власовцы, которые в последнее время сбежали от немцев. В общем, он состоял из разношерстной публики. Сто с лишним человек. Вот такой отряд. Но комиссар был свой, Алехин. Астахов его знал хорошо еще до войны. Командир отряда – Беляев. Этот из Ленинграда, посланный специально. Такой мужик простой, неразворотливый, работяга. Но преданный. Как чуть, так расстреливал. «Он что, у нас в отряде? Он же танк сдал немцам!»

Откуда-то узнал, и в этот же вечер расстреляли одного. Беспощадный, правдивый такой. К Федору относился хорошо. Все время напоминал ему про бой в Сабске. Он один знал про Витьку. Астахов тогда двадцать листов бумаги исписал про него, про Докукина и про брата своего. Все, что знал, и все, что вместе делали с февраля 42-го. Никогда в жизни он столько не писал. Ни до, ни после.

Позднее, после прорыва блокады, когда отряд пришел в Ленинград, Астахов уже как начальник штаба отряда сдавал представления для награждений. В Ленинградском штабе партизанского движения ему довелось увидеть свой листок по учету кадров. Там напротив фамилии «Астахов Федор Николаевич 1913 года рождения» в графе «откуда, когда и с какой должности прибыл в партизанский отряд» было записано: «из деревни Хотнежа Осьминского района Ленинградской области. С 1 октября 1941 года в партизанской группе, скрывался совершенно нелегально и занимался истреблением изменников Родины...» Листок был подписан Беляевым, командиром 10-го партизанского отряда 9-й Ленинградской партизанской бригады.

Федору передали в подчинение взвод из 25 человек. Одни бывшие полицейские. «Кому же еще их подчинять, как не тебе? Кто же их лучше тебя знает? Раз не прибил, значит, не гады. Значит, можно оставить в отряде. А там посмотрим», – объяснял ему комиссар отряда. А бывшие полицейские часто подшучивали над Басовым и Витькой Лихачевым.

– Вам нужно срочно искать ведро самогонки и поить Астахова до упаду за то, что он вас тогда пожалел и не убил на пароме.

Про Лихачева и Докукина командир сообщил в Штаб сразу же секретной связью. А еще через недели три Витька исчез прямо из лагеря. Говорили, что, наверное, к немцам ушел. «Видно, понравилось у них, – повторяли бывшие полицейские, – зря ты его, Федор, не

прибил тогда». Беляев перед строем объявил Астахову выговор за недосмотр.

Гораздо позднее, в 44-м, в Ленинграде сразу после расформирования партизанских отрядов в Большом доме ему опять дали подписать уже привычную для него бумагу о неразглашении. Теперь о Черкасове-Докукине и Лихачеве.

УЧИМСЯ РАДОВАТЬСЯ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВАЛИ ПАВЛОВОЙ:

...В январе 44-го сняли блокаду. Для ленинградцев это большая разница: „прорвали“ или „сняли“. Летом мы все вернулись домой, на Турбинку. В комнате у Тони появилась печка-буржуйка, дрова. Продолжалась светомаскировка. Достали большую банку из-под американских консервов, приделали ручку из веревки. Я ходила с ней за водой. Одна колонка на всю улицу. Хлеб получали по карточкам в булочной на проспекте Стачек, 11. В другом магазине — не получишь. Тот дом, где в первые дни войны мы пытались найти диверсантов, был разрушен. На его стенах были видны разные обои, в комнатах без окон и стен — нетронутая мебель. Возле моей 384-ой школы, построенной в виде серпа и молота, еще громоздились баррикады против немецких танков. Детей в городе мало. Во дворе мальчишки играли в войну. Бросали жребий: кто будет в этот раз за немца. В нашем классе было всего десять девочек. Три — блокадницы. Одна из них в блокаду была пухленькая, и мама не отпускала ее из дома. Боялась, что украдут и съедят. А другая была без обеих ног. Ее мать приносила в школу на спине.

У всех очень разные судьбы. Но беда сделала людей более добрыми друг к другу. Учимся жить в новых, непривычных для нас условиях. Учимся радоваться и дружить.

Пленные немцы восстанавливали детский сад, откуда мы выезжали в эвакуацию. Они такие жалкие, голодные, оборванные. Однажды увидела у одного из них в руках красивый домик-копилку. Я вынесла ему из дома одну вареную в мундире картофелину, и он отдал мне домик. Мы с Валериком складывали туда монетки. Три, две копейки, пять. Когда вернется его папа, он купит ему деревянную лошадку-качель и саблю.

После того как узнали, что дядя Федор жив и был партизаном, Антонине прекратили выплачивать пособие за погибшего мужа и начали удерживать из зарплаты то, что уже было выплачено за два с лишним года...

Для Астахова началась новая жизнь. Когда-то такая привычная и удобная. Он снова был в армии. Есть начальство, приказы, можно и нужно открыто командовать, организовывать и вести боевые действия, не бояться их последствий ни для себя, ни для местного населения. Они вели страшные бои под станцией Плюсса, взорвали три километра железнодорожного полотна около станции Молосковичи, захватили мосты через Лугу, наконец, участвовали в снятии блокады Ленинграда...

Но в памяти все время всплывали те «пустяки», которыми они занимались вместе с Витькой, дядей Егором и мамашей. Эти дела казались ему более яркими, острыми, наглыми, и потому, наверное, более близкими.

А в мае 44-го Ленинградский штаб партизанского движения был расформирован. Отряд, где Федор был начальником штаба, пришел в Ленинград.

Астахов представлял документы для награждения наиболее отличившихся партизан. Командир отряда направил документы и на него: представление к награждению Орденом Красного Знамени и медалью «Партизан Отечественной войны» 1-й степени.

Долго ожидая куда-то отлучившегося инструктора политотдела армии, Федор увидел у него на столе,

с краю, две огромные стопки документов – представлений к разным награждениям. По толщине они были почти одинаковые. На верхнем листе левой пачки поперек текста наискосок было что-то написано ярким цветом и большими буквами. Это привлекло его внимание, и он издала прочитал: «Был в плену. Искупал свою вину». «Ничего себе, – подумал Астахов, – я уж считал, что они отрезвели за эти годы».

Опять, как и вначале, он вспомнил слова Докукина, свои рассуждения о государственной машине, о больших задачах и о себе. О том, как мало они сделали на своей родине в то тяжелое время. Очень мало, даже по сравнению с тем, что сделал их партизанский отряд в 43-м и 44-м годах. А как же быть с 41-м годом, с 42-м? Когда большие цифры деяний были со знаком минус. Четыре с половиной миллиона пленных. Никаких партизан. Десятки тысяч полицаяев. Немецкий террор на оккупированной территории...

Именно тогда очень важны были такие «песчинки», которые сначала притормозили, помешали, а в конце концов остановили раскручивающийся маховик беды. Он постепенно, с большим трудом начинал возвращаться в другую сторону, вовлекая в эту спасительную круговерть все новые и новые массы людей...

...Это были его, Астахова, наградные документы.

РАССТАНОВКА СИЛ. ВТОРОЙ ФРОНТ

После Курской битвы 1943 года, завершившейся поражением вермахта, 20 августа в Квебеке заседали начальники штабов США и Великобритании, а также

Черчилль и Рузвельт. На повестке дня стоял вопрос о возможном выходе Соединенных Штатов и Британии из антигитлеровской коалиции и о вступлении в союз с нацистскими генералами для ведения совместной войны против Советского Союза. Нужно было «задержать этих русских варваров» так далеко на Востоке, как только можно. Если не разбить Советский Союз, то предельно ослабить его. Прежде всего, руками немцев. Так ставилась задача. Черчилль развивал эту идею еще в 1919 году. «Американцы, англичане и французы терпят неудачу и не могут задавить Советскую Россию, – говорил он. – Нужно возложить эту задачу на японцев и немцев». В аналогичном ключе Черчилль наставлял в 1930 году первого секретаря посольства Германии в Лондоне: «Немцы повели себя в Первой мировой войне, как недоумки, – утверждал он. – Вместо того, чтобы сосредоточиться на разгроме России, начали войну на два фронта. Если бы они занялись только Россией, то Англия нейтрализовала бы Францию».

То есть, когда говорят о разных вариантах ведения войны с нацистской Германией, не следует забывать о разном отношении к философии союзничества, к обязательствам, которые брали перед Москвой Англия и США. Обещания были без обязательств или – хуже того – для введения советского партнера в заблуждение.

Именно такая тактика сорвала переговоры СССР, Великобритании и Франции в августе 1939 года, когда еще можно было сделать что-то для сдерживания нацистской агрессии. Советский Союз подставили под удар нацистской военной машины. Именно так поступила Англия, когда Германия в сентябре 1939 года напала на Польшу, союзника Великобритании. Лондон объявил Берлину войну, но не сделал ни одного серьезного шага, чтобы чем-то реально помочь Варшаве.

Эта связь времен, связь событий существовала во время войны. Она давала пищу для размышлений. И эти размышления были не очень оптимистичными. Союзники неприкрыто выжидали: выдержит ли Москва, не сломается ли Красная Армия. В сорок первом они выжидали, когда падет столица СССР, в сорок втором не только Турция и Япония, но и США ждали, не сдадим ли мы Сталинград, чтобы решиться на пересмотр своей политики.

У руководства Советского Союза, конечно, имелись весомые основания присмотреться, насколько его союзники умеют воевать, насколько они хотят воевать и насколько они готовы продвигать свой главный план при осуществлении операции на континенте – план, который назывался «Рэнкин»²⁰. Именно этот план предусматривал установление англо-американского контроля над всей Германией, над всеми государствами Восточной Европы, чтобы не допустить туда Советский Союз.

В этом смысле сорок четвертый год, конец его – начало сорок пятого стал моментом истины. Война шла не на двух фронтах – Восточном и Западном, а на два фронта. Формально союзники вели боевые действия, для нас очень важные – какую-то часть германских войск они, безусловно, связывали. Но главный их замысел был – остановить Советский Союз.

Настолько сложной, противоречивой и опасной была ситуация для СССР на протяжении всей войны до ее победного салюта. И настолько трудным порой было принятие того или иного решения. Когда Запад не просто водил за нос своего союзника, а продолжал и продолжал просто подставлять его под удар.

Так почему же высадка союзников планировалась именно на сорок четвертый год? Между тем дата была выбрана совершенно не случайно. На Западе принимали в расчет, что под Сталинградом мы потеряли огромное количество солдат и офицеров, боевой тех-

ники. Колоссальные жертвы были и на Курской дуге... Танков мы потеряли больше, чем немцы. В сорок четвертом году в стране мобилизовали уже семнадцатилетних мальчишек. Деревню практически всю вычистили...

Американская и британская разведки, оценивая перспективы, сходились на том, что к весне 1944 года наступательный потенциал Советского Союза будет исчерпан. Людские резервы будут полностью израсходованы, и Советский Союз не сможет нанести вермахту удара, сравнимого с Московской, Сталинградской и Курской битвами. Стало быть, ко времени высадки союзников, увязнув в противостоянии с нацистами, мы уступим США и Англии стратегическую инициативу.

К этому моменту был приурочен и заговор против Гитлера. Приведенные к власти в рейхе генералы должны были распустить Западный фронт и открыть американцам и англичанам простор для оккупации Германии и «освобождения» Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Австрии... Красная армия должна была быть остановлена на границах 1939 года.

Второй фронт просуществовал всего 336 суток. Из них только 29 процентов времени приходилось на бои. На советско-германском же фронте все 1418 дней и ночей шли ожесточенные сражения. Красная армия разгромила 607 фашистских дивизий, англо-американские войска – 176.

Последние несколько месяцев вместили в себя столько событий, что Виктору Лихачеву хватило бы на три года его прошлой жизни. Он так думал. Все происходящее с ним было спрессовано во времени и следовало одно за другим, как падающие кости домино. В октябре побег из партизанского отряда. Потом – назначение старостой в Волосово, участие в «разгроме» отряда, который к тому времени уже успел покинуть место своей дислокации. В июне его перевели к Докукину на техническую работу с завербованными русскими, остающимися на освобождаемой Красной армией территории. Ему дали новые документы на фамилию Лангхофф и подчинили какому-то капитану. Виктор стал лейтенантом абвера. А Изварская школа перебазировалась в Эстонию.

Тогда в суете и неразберихе Лихачев умудрился выкрасть ящик с личными карточками всех полицейских из семи городов Ленинградской области и спрятал их в церкви, в старом тайнике Астахова. Астахов, конечно, об этом ничего не знал, но он знал место для тайника. Во время отступления немцев это могло пригодиться.

Так и случилось. Месяца через три после ухода Лихачева в партизанском отряде объявился офицер из Ленинграда и заставил Федора подробно описать их тайник для связи. Потом этот тайник с документами нашли, скопировали и вернули обратно.

В конце января 44-го, когда была снята блокада Ленинграда, немцев отбросили километров на сто. Прошло еще два месяца, и регулярным частям вермахта пришлось отступать в Курляндию. А Лихачеву было приказано вместе с Докукиным из Эстонии пробираться на север Финляндии в район Петсамо.

Там немецкое командование планировало сосредоточить группировку войск для обороны никелевых

шахт. Еще летом 43-го оно начало строить такие планы на случай возможного сепаратного мира между Финляндией и СССР. В течение всей прошлой зимы немцы улучшили дороги между Норвегией и Финляндией и разместили здесь свои склады. Карельскому фронту²¹ нужна была информация о том, что из специального оборудования и архивов вывозят из портов Финляндии в Норвегию или в Швецию. И кто это делает – немцы или финны?

У Докукина и Лихачева оставался только один отчаянный шаг – на катерах перебраться в Финляндию, к Выборгу и потом через Куасамо – на север.

Уже у самого острова Бьерке, близ Койвисто их катер потопили русские. Пришлось держаться на плаву в весенней воде Финского залива, пока их не вытащили финские моряки. Докукин сильно заболел, и на несколько дней их разместили в городской кирхе. Немецкому врачу удалось выходить старика. Хотя Петр Михайлович явно сдал и мог передвигаться только очень медленно. Во время кашля он всегда прикрывал рот платком. Потом на нем была видна кровь.

Как только Докукин чуть-чуть окреп, он стал часто навещать к врачу. Подолгу сидя в финском госпитале и расспрашивая доктора про местных жителей и про пастора кирхи, он несколько раз ездил в маленький старинный поселок Маннола, что в пяти километрах от Койвисто. Там двадцать лет назад он впервые увидел своего сына.

За пять лет войны с Россией финское население уже привыкло к тому, что если земля остается врагу, то ее все покидают. Так было и в этот раз. Уже в мае все уехали. А в самом начале июня русские начали наступление. Финская армия тогда отступала повсеместно и, в общем-то, была не пойми за кого. Немцы постепенно становились ее врагами.

Пока Выборг был еще финским, нужно было срочно двигаться дальше. До двадцатого июня Докукин и

Лихачев еле успели перебраться из Выборга в Хельсинки. А уж оттуда вместе с немецкими частями – на север. Сначала в Куасамо, а потом на границу с Норвегией, в Петсамо.

Связи у них не было уже месяца три. Сведения о перевозимом оборудовании и передвижениях немецких войск из Петсамо в Норвегию были собраны. Докукин добыл их через сына своего старинного шведского знакомого. Граждане нейтральной Швеции²² могли себе позволить колесить туда-сюда, особо не заботясь о легендировании поездок. Тем более что этот сын, как и отпрыски многих других дворянских семей, был дипломатом. Тогда финская армия, выполняя условия перемирия, изгоняла немцев со своей территории и начала демобилизацию. А Швеция, нейтральная страна, в течение нескольких лет активно помогавшая немецкой экономике, срочно поменяла вектор своей политической ориентации. Так что молодому дипломату не составило особого труда с помощью чиновников финского военного ведомства получить подробные документы о всех грузах, перевозимых по финским дорогам. Он даже не спрашивал, для кого нужна такая информация. Ему было достаточно того, что немцы были уже не те и что просил сведения старинный друг его отца.

В толстой папке было много важных материалов. Особый интерес представлял тот факт, что «уже на следующий день после подписания советско-финского перемирия от 19 сентября 1944 года к причальной стенке порта маленького городка Непнес пришвартовался шведский пароходик «Майники», а 21 сентября из Швеции успешно приплыли еще два пароходика – «Осмо» и «Георг». Большое количество грузов было доставлено в порт на армейских грузовиках, а затем люди, документация и часть оборудования были погружены на три парохода, которые вскоре, успешно миновав немецкие и советские подводные лодки в

Ботническом заливе, встали под разгрузку в шведском порту Хернлсанд.

Это была основная часть операции «Стелла Полярис». Финляндия намеревалась вывезти в Швецию все радиотехническое оборудование своей криптоаналитической службы.

После того как стало ясно, что Советский Союз не собирается оккупировать Финляндию, личный состав финской радиоразведки с семьями был возвращен в Финляндию. Однако большая часть документации и аппаратуры осталась в Швеции. Пятнадцать криптоаналитиков и специалистов по радиоперехвату взяли служить в шведскую разведку FRA, шестеро поступили на службу во французскую разведку, еще несколько – в английскую МИ-6. Многие сотрудники службы уже были демобилизованы и разбрелись по Финляндии. Произошло полное уничтожение криптографической и криптоаналитической службы Финляндии.

В Москве этому не поверили. И правильно сделали. Действительно, часть секретных документов была уничтожена, но основной объем попал на Запад, в том числе некоторые расшифрованные финнами советские коды. Парижу было передано требование выдать финских офицеров. Ответ последовал обычный в таких случаях: «Указанные лица уже покинули Францию...»

Проблема заключалась в том, что союзники стремились опередить друг друга. Кому достанется металлургическое оборудование? Кому остающиеся в Норвегии новые электролизные технологии производства тяжелой воды? Кому архивы разведки Финляндии?

Нужно было срочно переправить полученные документы. Но как? Вернуться в Выборг или идти на Мурманск? В начале октября Гитлер приказал командующему 20-й горной армией генерал-полковнику Рендуличу отступить в Норвегию. Это все и решило.

Группа, в которой были Докукин и Лихачев, поспешила к границе. Их начальник погиб в перестрелке с финнами уже на второй день. Это облегчало задачу. Лихачев сменил свой немецкий мундир лейтенанта на обычный костюм и вместе с Докукиным направился сначала на юг, в город Рованиemi, а затем в сторону нейтральной Швеции.

После того как они проехали полностью разрушенную немцами столицу Лапландии, Докукин почему-то стал нервничать, но продолжал уверенно показывать Виктору дорогу к границе. Через два часа быстрой езды по хорошей, только что отстроенной немцами дороге они оказались в селе Туртоле. Сразу за рекой – Швеция.

На берегу, около самого леса, одиноко стоял большой бревенчатый одноэтажный дом. Узенькая тропинка, извиваясь, вела от дороги к дому. Вокруг метровые сугробы снега, на крыше тоже большая белая шапка, небрежно спадающая на стену. Из печной трубы прямо вверх устремлялся белый дым. Он быстро исчезал в звездном заполярном небе. В одном из окон горел теплый желтый свет.

Докукин постучал в дверь. Она открылась. На пороге стоял мужчина лет тридцати, в финской форме без знаков различия, в ушанке и в валенках. Он вопросительно смотрел на непрошенных гостей.

– Простите, – произнес Докукин по-немецки, – здесь лет тридцать назад жила семья Коскинен...

– А вы кто? – тоже по-немецки спросил мужчина.

– Не беспокойтесь, мы не немцы. Мы ищем Айникки Коскинен...

В этот момент открылась дверь из освещенной и хорошо натопленной комнаты. Появилась худая женщина невысокого роста, седая, на вид лет шестидесяти. Она стояла, опустив руки, смотрела на Докукина своими большими голубыми усталыми глазами и плакала.

– Петр, – произнесла она тихо, как будто шепотом, – ты все-таки пришел. Ты жив... – Она больше ничего не могла говорить. Докукин подошел и обнял ее. Они долго стояли обнявшись, даже не пытаясь взглянуть в глаза друг другу. Когда женщина успокоилась, она повернулась в сторону мужчины, открывшего дверь, и по-русски сказала: «Тойво, это же твой отец!»

Докукин еще долго сидел рядом с Айникки, держа ее маленькие ладони в своих руках. Они тихо говорили. Лишь иногда женщина всхлипывала, смотря на Докукина любящими, влажными от слез глазами. На платье у нее блестела большая брошь овальной формы с янтарем в серебряной оправе – подарок Докукина тридцатилетней давности.

В это время Лихачев и Тойво ходили взад-вперед по дороге около дома и рассказывали друг другу каждый о себе. Виктор узнал, что сын Докукина в октябре демобилизовался из финской армии, где служил в отделе технического обслуживания шифровальщиков. Их подразделение полностью исчезло сразу после подписания перемирия с Советским Союзом. Испарилось, будто его и не было. Тойво сразу приехал в Лапландию, в дом своей бабушки. Подальше от столицы, от русских, да и от немцев. Его мать с лета жила в этом доме, заброшенном и неудобном после смерти бабушки. Она, как и все местные жители, покинула Койвисто, кладбище, где был похоронен ее отец, и теперь обживала дом, в котором родилась пятьдесят пять лет назад. Тойво своего отца не помнил. Он видел его всего один раз, когда еще был совсем маленьким. Но мать часто рассказывала ему о нем. Теперь, когда война заканчивалась, сын Докукина мечтал вернуться к своему любимому делу – математике.

Лихачев понимал, что собранные им материалы для русского командования прямо связаны с бывшей работой Коскинена. Но как это использовать, он не знал. Его просто тянуло к этому финну. Он чувствовал, что

они смогут многое сделать, если будут работать вместе. И Тойво совсем не обязательно знать – для кого.

Прошло часа два. Они вернулись в дом. Муж и жена по-прежнему сидели обнявшись за обеденным столом, на котором была лишь чистая белая скатерть.

«Вот старик, – подумал тогда Лихачев, – у него везде родственники и знакомые. Так можно всю Европу пройти не останавливаясь. Не зря на него рассчитывали наши и в начале войны, да и в 43-м тоже. И Федька-то как в воду смотрел, все про Европу мне говорил».

Докукин решил остаться.

– Все, хватит с меня, – сказал он уверенно Лихачеву. – Здесь мой дом, моя семья. Неужели нужно ждать треть века, чтобы заслужить свое счастье? Прости старика, Виктор. Я остаюсь. Если и делал что-то в своей жизни не так, то уж наверное полностью это искупил.

Лихачев молчал. Он понимал Докукина.

– Тойво проводит тебя в Швецию, – продолжал Петр Михайлович. – Он сам предложил. Там сейчас больше помогают союзникам, чем немцам. Так что этот путь самый короткий. Сейчас опасно идти к Мурманску или в Норвегию к Киркенесу²³, а тем более на юг, к Хельсинки. Слишком много повсюду разных людей и разных военных. Я думаю, что сразу за рекой, в Оверкаликсе, уже можно будет связаться с русскими. Это совсем рядом с финской границей.

Лихачев только кивал головой.

На следующее утро Докукин попрощался с Виктором. Он обнял его по-отечески и произнес:

– Федору когда-нибудь расскажи. Если бы не он...

Лихачев-Лангхофф вместе с Тойво Коскиным пешком отправились к границе. Они благополучно миновали финский пост на мосту и лесными тропинками двигались дальше. До Оверкаликса оставалось немного...

– Фамилия?

– Лангхофф.

– Звание?

– Лейтенант.

– Как оказались в Швеции?

– После наступления русских наша часть отступала от Петербурга в Прибалтику, а потом морем в Финляндию. Позднее нас перевели на север в район Петсамо. После выхода Финляндии из войны я с группой офицеров перебрался в Швецию.

– Какое отношение к вам имеет Тойво Коскинен? Он тоже служил в абвере?

– Нет. Мы познакомились совсем недавно, уже в Швеции. Он финн. Где-то рядом живут его родственники. Мы просили его показать дорогу к городу. Он привел нас к вам.

Американский капитан уже пятый час вел допрос немецких офицеров и гражданских лиц, бежавших из Финляндии. Он прибыл в Швецию из Лондона неделю назад как специалист со знанием немецкого языка и еще не привык к проявлению пленными немцами такого явного желания сотрудничать. Всех нужно было тщательно проверить.

Ему казалось, что этот с поврежденной рукой, по документам лейтенант, совсем не похож на других. Он не старался показаться лояльным. Судя по его показаниям, с июня 43-го он работал в специальной группе абвера, занимающейся русскими, служившими на оккупированной территории в качестве сельских старост, полицейских, а также являвшихся участниками «Народной стражи», «Народной милиции», РОА, «Национальных легионов» и других подобных организаций. Он много знал и был явно полезен.

– Можете назвать фамилии тех, кто остался на советской территории? – спросил капитан.

– Я помню только человек десять, не больше. Все сведения остались в России, в тайнике.

– Где это? Покажите на карте. – Капитан взял из шкафа стопку карт и стал искать. – Вот, пожалуйста. Подробные карты городов Луга, Волосово, Кингисепп... Подходит?

– Да. – Лангхофф показал церковь в деревне Хотнежа. – Ниша в левой разрушенной стене. Там металлический ящик с учетными карточками.

– Вот бумага. Садитесь за тот стол и напишите про десять человек, кого помните. Фамилии, приметы, адреса... Вы сами знаете, что писать.

Лангхофф устроился за столом у окна и принялся вспоминать. Капитан перебирал бумаги и делал вид, что чем-то занят. Через окно был виден двор, два деревянных недавно выстроенных маленьких барака. Тот, что слева на дверях имел табличку с большой буквой «А». Там уже три дня держали Тойво, Лангхоффа и еще пять человек – тоже немцев. Кто в других бараках, он не знал. Но там арестантов было гораздо меньше. Он это понял потому, что туда на тележке подвезли только одну небольшую кастрюлю с баландой.

– Вот, написал что помню. – Лангхофф передал капитану исписанные ровным мелким почерком листки и встал перед ним, ожидая дальнейших расспросов. «Хорошо, что это американец, – подумал Виктор, – немец бы сразу нашел в его каракулях кучу ошибок».

Американец просмотрел записи, что-то пометил сбоку на полях и затем положил их в отдельную папку.

– О'кей! На сегодня достаточно, – сказал капитан и позвал конвой.

«Ну что же. Понятно, что я им нужен, – рассуждал Лихачев после первого допроса, – теперь можно и дальше поиграть».

Прибыв в Оверкаликс, Лихачев и Коскинен очень удивились. Город являл собой оазис в объятый пламенем войны полуразрушенной Европе: на улицах хорошо одетые благообразные люди, работает кинотеатр, ресторан, кондитерские. Отсутствует карточная система, население испытывает трудности лишь... с кофе. О войне напоминают только фронтовые сводки газет и радио да поленицы дров на городских улицах.

Тогда в Швеции всюду царила атмосфера информации и дезинформации, двойной игры и двойной морали, которые были характерны для дипломатической игры между различными группировками. Разведку вели не только государства, враждующие между собой; подозрительность и недоверие накладывали отпечаток и на отношения англичан и американцев, с одной стороны, и русских – с другой.

Эта игра разведок охватила сетью многие города Швеции. Особенно те, что были рядом с границей Финляндии и Норвегии. Именно оттуда устремлялись потоки офицеров абвера, специалистов, работавших на оборудовании заводов в Петсамо и инженеров из «Норд-Гидро» в Вемарке – главном в мире производителе тяжелой воды.

Тойво довольно быстро разузнал, кто тут из союзников заправляет с позволения властей. Ему показали маленький домик с зелеными военными автомобилями у входа в центре города – это русские. Потом на окраине, у самой реки какая-то фирма – что-то английское или американское. Никто толком не знал. Но туда часто привозили людей в гражданском и в немецкой форме. Никто не видел, чтобы они потом уезжали.

Слава Богу, собранные сведения и документы об оборудовании они успели передать. По городу проезжала машина с русским флажком на крыле. Она остановилась. Мужчина в штатском вышел и направился в единственную в городе гостиницу. Шофер курил, опустив стекло. Тойво, проходя мимо, бросил папку в

машину и быстро скрылся. Потом они вместе с Лихачевым наблюдали за тем, как вернулся пассажир, осторожно взял папку, отрыл, посмотрел бумаги, быстро закрыл ее, и они поехали к себе, в центр города. На папке с обратной стороны было написано крупными буквами одно слово «Бухгалтер», дата: «20 октября 1944 года» и маленькими буквами – название английской фирмы на окраине города. «Бухгалтер» был позывной Лихачева-Лангхоффа.

Вчера они узнали, что русские уже в Киркенесе. «Мне-то, что делать? – размышлял Лихачев. – Возвращаться домой? Это, пожалуй, будет посложнее, чем здесь зацепиться, у американцев. Они явно хотят меня использовать. Хорошо хоть финны капитана убили. Меньше будут знать про меня. Теперь я сам по себе. Тойво, должно быть, отпустят. Зачем он им? Конечно, если не узнают его военную специальность. Ну что же, что умею, что знаю, то и предложу. А знаю я только архив, что в Хотнеже лежал. Наши его тоже знают. Должны знать. Да вот еще это случайное знакомство со знатоком в криптографии. Вот тебе, Витя, и поле для работы. А там посмотрим... Ну и жизнь мне уготовил этот Федька. Ползать, как уж меж острых камней».

Через неделю допросы Лихачева продолжились.

– Господин Лангхофф, способны ваши люди предоставить информацию о потенциале русской армии в Прибалтике и Финляндии? Они вообще что-нибудь умеют? Или это просто диверсанты?

– Нет, они не могут иметь такие сведения. Они все сосредоточены теперь уже в тылу Красной армии, в районе Петербурга. Да, в основном, это люди для диверсионной работы, но они могут быть использованы и для технических мероприятий при осуществлении разведывательных действий.

– Понятно. Скоро мы получим ваш архив и вернемся к этим вопросам.

– Получите? От русских?

– Нет, не от русских. Он давно уже у нас.

Лихачев не знал, что ответить. Конечно, это был блеф со стороны капитана. За неделю они бы не упрямились.

– У вас – так у вас. Мне теперь все равно. В общем, я для того и показал вам это место. Мне хотелось...

Витькины рассуждения прервал уверенный голос американца:

– Господин Лангхофф, мы решили отправить вас в Лондон, – капитан сделал паузу и внимательно посмотрел на Лихачева. Тот был непроницаем. – Вместе с этим финном. Как его? – Лихачев молчал. – Коскинен, – будто только вспомнил американец. Он нам тоже интересен по ряду соображений. Там с вами поработают специалисты, и я думаю, что вы сможете искупить свою вину перед союзными войсками и быть полезным нам. Вы ведь в России не участвовали в карательных акциях?

– Нет.

– И родных в Германии у вас нет?

– Нет. Все погибли в Мюнхене от бомбежки. И мать, и сестра.

– Ну вот и хорошо. То есть не хорошо, конечно. Но я не про это, – капитан нажал кнопку звонка, в кабинет вошел сержант. – Проводите господина Лангхоффа в блок «Б»...

В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Войска правого крыла 1-го Прибалтийского фронта, куда был направлен старший лейтенант Астахов после

расформирования партизанских отрядов, продвигались на северо-запад. Отступающие из-под Ленинграда немецкие части были прижаты к побережью Финского залива. Многие, используя катера и баржи, пытались перебраться на финский берег.

Опять Двинск. И снова ранение. В ту же руку. Госпиталь. Резерв. Так что освобождать этот город Федору уже не довелось. Потом был Кенигсберг. Медаль и наконец-то первый орден. Орден «Отечественной войны» второй степени.

Еще месяц, другой, и кончилась война.

А в августе началась новая. Бросок в Маньчжурию²⁴.

За неделю до этого командир 37-го полка своим приказом снял с должности комбата-3 «за трусость», а потом целых три часа ходил вдоль линии обороны с начальником штаба этого батальона Астаховым. Он расспрашивал о плене, о партизанах, о том, как приходилось выживать на оккупированной территории, о семье, о первых годах службы... Война кончалась, и полковнику не хотелось под конец ошибиться и перечеркнуть все, что прошел и заслужил за последние четыре года.

В результате этих «бесед» отдельный батальон с приданной артиллерией и танками под командованием старшего лейтенанта Астахова был направлен в тыл Квантунской армии через горный хребет Большого Хингана...

Степь, пески. Только что прошли ливневые дожди. Месиво. Машинам не проехать. Орудия артиллеристы тащили на себе. Танки так и норовили перевернуться на крутых спусках. Ночью холодно и нужно согреться, но нечем было растопить костер. Вокруг много брошенных японских автомобилей. Бойцы нашли в них огромные тюки с японскими деньгами. Вероятно, спешно вывозили из банков оставленной Маньчжурии. Этими «бумажками» хорошо было топить костры. Некоторые водители собирали валюту и прятали

у себя в кабине. Потом как-то умудрялись ее выгодно обменивать.

Дважды разведка батальона находила японских наблюдателей, до головы закопавшихся в песок. На допросах они стояли навывтяжку с гордо поднятой головой. На крик только упрямо дергали головой и еще больше вытягивались перед врагом. Невозможно было добиться от них ни одного слова. Таких Астахов уважал и приказывал не расстреливать, хотя тащить их за собой было и рискованно, и сложно.

С вершины увидели большое плато, все заполненное японскими военными частями. Настало время выхода на рубеж атаки. Батальон развернул орудия, дал первые залпы. С гор вниз по войскам ударили еще с двух сторон другие передовые части. В это же время с фронта начали действовать основные силы. Замысел простой и эффективный. В результате удалось предотвратить готовившиеся взрывы и затопления Мукденского арсенала, Аньшаньского металлургического комбината, электростанции, Фушуньских угольных шахт.

Неподалеку от Мукдена была освобождена из концлагеря большая группа военнопленных американских и английских солдат, офицеров, генералов. К концу августа вся территория Маньчжурии с населением почти в пятьдесят миллионов человек была полностью освобождена. Японская армия была разгромлена, очень много японцев попало в плен.

— Старший лейтенант, какой орден тебе дать: Красного Знамени или Суворова?

— Суворова²⁵, товарищ маршал, — ни секунды не раздумывая, отчеканил Федор. — Красного Знамени²⁶ мне уже однажды пробовали дать.

— Знаю, — сказал маршал, немного помолчав и отвернувшись. — Я все про тебя знаю. А операция-то у тебя, Астахов, действительно, вышла, как у Суворова в Альпах. Только он был генералиссимус, а ты старший лейтенант. Вся разница, — сказал он и рассмеялся. — Молодец. Настоящий кадровый офицер. Что дальше думаешь делать?

Для Федора эти два слова, сказанные маршалом, «кадровый офицер», были, пожалуй, самой главной оценкой. Чувства подкатили к горлу. Он вспомнил все — плен, побег, все мытарства на родной земле, Витьку Лихачева... и с трудом выдавил:

— В 41-м был в плену семь дней, товарищ маршал. В Ленинграде сказали, мол, я теперь беспартийный... Действующей армии сейчас нужны герои с биографией. А нашего брата еще не раз и не один год будут проверять. И все это время — без доверия. На войне-то быстро все проверяется, а в мирное время замучаешься ждать и доказывать. Так что подам рапорт, навоевался.

— Ну, смотри, — сказал Малиновский²⁷, повернувшись к присутствующим в кабинете двум офицерам штаба. — Жалко, когда такие уходят. Боевой, самостоятельный. Может, ты и прав, Астахов... Наверное, прав. Придется и это пережить, — добавил он, думая о чем-то своем. — Ты, Астахов, слушай меня, маршала. Спасибо тебе. За все спасибо. За выдержку, за уверенность в себя, за правильные решения... — Помолчал немного, потом вдруг заулыбался, как-то очень иск-

ренне и тихо произнес: — А-то ведь никто, кроме меня, и не поблагодарит...

Маршал вдруг стал серьезным.

— Последнее задание для тебя, Астахов. Командир дивизии, конечно, тебя еще вызовет для приказа. А пока важно, чтобы ты уяснил: задание очень сложное и не смотри что не боевое. Доставишь в Москву эшелон, а потом свободен. Чего не спрашиваешь, какой эшелон-то?

— Сами скажете, товарищ маршал.

— Победителей нужно вернуть домой. Целую дивизию. Кончились войны, теперь все герои, понимаешь, грудь в орденах, с оружием, с водкой, стреляют все кому ни лень. Понятно, чего от них можно ждать?

— Так точно. Могу представить.

— Справишься? Мы специально ищем таких, эшелонов-то много будет.

— У меня, товарищ маршал, какая-то любовь к эшелонам. В этой войне он будет четвертым.

— Любовь — это хорошо. Тогда я уверен. — Стоявшие рядом офицеры заулыбались.

Этот эшелон — просто чистый ад! Что-то изменить в его «образе жизни» было просто невозможно. В замкнутом пространстве вагона звания еще что-то значили. Но на остановках! Когда все вываливались из вагонов, расплзались по вокзалу, просачивались в город... Всего две стоянки поезда на всем пути следования. Но какие! Что творилось на станциях — не пересказать. И что мог тогда сделать специальный взвод автоматчиков? Эти, пожалуй, единственно трезвые ребята на ходу выпрыгивали из поезда и хорошо, если успевали перекрыть все возможные и невозможные выходы в город. А нужно было еще тихо снять больных и пораненных в драках... Прямо как с эками. Только эти свои и вооружены...

Любые резкие изменения в жизненном укладе вначале всегда сопровождаются неопределенностью и

неуправляемостью. Именно в это время толпа самопроизвольно выталкивает на поверхность своих лидеров. Нужно было очень быстро и в каждом вагоне найти такого. За кем позднее в хаосе всеобщего столпотворения пойдут все. И командиры тоже. Нужно было так сработаться с этими «вожаками», чтобы они поняли, осознали и продолжали долго и организованно пить всем вагоном. Это лучше, чем на остановке в поселке или городе вылавливать солдат, пьяных от внезапно свалившейся на них свободы, власти и неумной радости от того и другого.

На станциях стояли сотни людей с цветами. Они радовались победителям... Как встречная взрывная волна гасит пожар, так и эти искренние большие чувства встречавших останавливали и чуть-чуть отрезвляли бойцов.

Через две недели в Москве рано утром Астахов сдал этот литерный из сорока вагонов. Комендант вокзала с сопровождающими обошел состав, заглянул в каждый вагон, посмотрел бумаги, деловито подписал документы и произнес:

– Убыль два процента. Норма.

Эшелон со спящими вповалку бойцами, усталыми после безудержного буйства на протяжении двух недель, тихо стоял на станции на запасных путях. Интересно, когда о нем вспомнят?

А его поезд уезжал домой, в Ленинград, к родным. Для Федора закончились все войны на свете. Поезд мерно стучал колесами. Астахова клонило ко сну.

ЭПИЛОГ

Прошло без малого полвека. Астахову вручили значок «50 лет в КПСС»²⁸. Теперь, в свои семьдесят шесть, он мог без очереди лечиться в «хорошей» поликлинике на Крестовском острове и покупать на свою ветеранскую пенсию дефицитные лекарства. За ордена, конечно, ничего не давали, хотя и обещали во время войны... А еще через полтора года партии не стало²⁹. Она бесследно исчезла вместе со всеми своими яркими плакатами и светящимися надписями на домах, деньгами и типографиями, дворцами и санаториями, зданиями обкомов и райкомов. Не стало и той страны, в которой он жил, работал, за которую воевал. Да и другие европейские участники главной трагедии двадцатого века изменились. Многие ушло из того, что их разъединяло. Остались лишь пунктирные линии на карте.

Они встретились, когда обоим исполнилось по семьдесят. Тойво, профессор кафедры логистики Тартуского университета, со своими внуками приехал в Петербург на празднование Дня города, где проходила молодость его родителей. Вместе с Федором они навестили деревню Хотнежу и, сидя на берегу быстрой речушки около «сечения времени», долго говорили о своем. Федор – о Докукине и его родине. Коскинен – о родителях, которые успели пожить вместе всего лишь пять лет и умерли почти в один год. Потом – о Лангхоффе, с которым его познакомил отец. О том, как англичанам удалось отправить Лихачева-Лангхоффа вместе с ним из Швеции в Лондон, а позд-

нее внедрить их в группу скрывающихся нацистов. Они успели попасть в Аргентину до того, как та в марте 45-го объявила войну Германии. Потом – Бразилия. Только через пять лет Тойво вернулся к себе в Финляндию. А Лихачев остался. Был крупным предпринимателем. Уж на кого он там потом работал? Одному Богу известно... Погиб в сентябре 73-го в Сантьяго под бомбами путчистов Пиночета, защищая президента Альенде во дворце Ла Монеда³⁰. Потом в Лэнгли еще долго сличали найденные при нем документы на имя Макса Денис Райза с имеющимися у них карточками Лангхоффа.

Вот уж действительно «узорный покров» тонких кружев человеческих судеб.

Тогда, в 41-м, именно он, Федор Астахов, был ответственным за то, что повел за собой поверивших в него. Повел не просто в бой, на смерть, как шли миллионы, выполняя приказ. Приказов не было. Они сами выбрали для себя этот далеко не всегда очевидный и почти всегда невидимый многими путь.

Это был выбор Сашки-связного. Когда он, раненый, остался с Астаховым останавливать немецкие танки. Это было личное решение Сереги Прохорова, хорошего парня, оказавшегося в плену, как и многие тогда, совсем не по своей вине. А Витька Лихачев? Замкнутый деревенский парень поверил ему и сознательно пошел работать к врагу, чтобы, пройдя всю Европу и даже оказавшись на другом конце света... всегда оставаться самим собой. Сложнейшая личность – Докукин. Труднейшая судьба. Кто кого повел и куда? Здесь не все так просто. Но и он, соприкоснувшись только раз с Астаховым и идя потом по выбранному пути, сломил почти все нагромождения своих проблем... и нашел наконец-то свое счастье. А его сын?

Многое из того, что делал Федор Астахов в молодости, теперь стало модно окрашивать в черные тона. Это подлежало сомнению, осуждению или забвению.

Коллективизация, «его» войны в Финляндии, Бессарабии и Прибалтике в одночасье «оказались» несправедливыми, полицейские – «защитниками от большевизма», Ленинград, как выяснилось, нужно было вообще сдать немцам, как это «цивилизованно» проделали с Парижем французы... Опять, как и прежде, все под одну гребенку. Только в другую сторону. Как ни верти страной, а власть все такая же. Действительно, ей так проще.

Некоторые ветераны войны тогда сдали. Ими все это воспринималось как приговор. Какая же мощная жизненная сила была в Астахове, если уже глубоким стариком он с искренним интересом наблюдал за тем, как в совершенно новых, непонятных ему условиях живут и растут его дети и внуки. Несмотря на все перенесенные операции, он по-прежнему был подтянут и соблюдал режим. Даже в госпитале после тяжелой болезни его невозможно было найти в палате. Он ходил по лестнице с этажа на этаж, подолгу «инструктировал» таких же стариков, ветеранов и инвалидов войны... как варить щи. Дома, на его балконе, всегда лежал завернутый в полиэтилен обычный набор всех, кто пережил войну: мыло, спички и соль.

На День Победы Федора обязательно навещали дети и внуки. А однажды, в этот праздничный день, когда он находился в госпитале ветеранов войны, его навещил тогдашний мэр Петербурга Анатолий Собчак. Они долго о чем-то говорили... Эту встречу потом показывали по телевизору. Астахов каждый год приезжал в родную деревню, где и старые жители, и молодежь его знали и уважали. А школьники из Волосово в этот день обычно звали его к памятнику партизанам, построенному около церкви в деревне Хотнежа. Он всегда находил для них все новые и новые слова про то время.

Как это время оценивали тогда газеты и учебники – ему было наплевать. Это была его жизнь. Часто

без самозабвенного героизма и разноцветного салюта. Этого требовало то сложное время. А энергетика изменений – именно в таких. Она в уверенных, а не в убежденных.

Несмотря на все, что произошло за послевоенные годы, сегодня в деревне почти ничего не изменилось. Та же церковь на пригорке, школа, почта, излучина реки и... «сечение времени». Только цвет скалы стал чуть другим. Не такой красный что ли...

Дер. Хотнежа (Волосовский р-н) –
г. Приморск-Койвисто (Выборгский р-н) –
г. Флориополис (Бразилия)
2008–2009

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Репарационный план для Германии, разработанный международным комитетом экспертов под председательством американского банкира Ч. Дауэса (план Доуэса), был утвержден 16 августа 1924 года на Лондонской конференции представителями держав-победительниц в Первой мировой войне и принят Германией. План должен был обеспечить продолжение выплат Германией репараций державам-победительницам, облегчить проникновение американского капитала в Германию для захвата ключевых отраслей немецкой экономики. Под право контроля немецких железных дорог и банков Соединенные Штаты Америки давали Веймарской республике первый кредит в 200 миллионов долларов на восстановление экономики. Потом последовали и другие кредиты. Германия начала резко наращивать промышленные и торговые обороты, и с началом реализации плана Дауэса в германском будущем появился устойчивый просвет. А в Версальской системе – первая серьезная прореха. Депутаты бундестага план приняли – крупные промышленники увидели в нем хорошие возможности рассчитаться с репарационными долгами и провести ряд махинаций. В целом план Дауэса был направлен на восстановление военно-промышленного потенциала Германии и укрепление экономической и политической позиции германского империализма, которому предназначалась важная роль в борьбе против Советского Союза. Промышленное производство Германии уже в 1927 году достигло довоенного уровня.

В 1929 году США, опасаясь аннулирования плана Дауэса Германией односторонним актом, проявили инициативу в выработке очередного соглашения между Германией и ее кредиторами. В июне 1929 года на Гаагской конференции по репарациям директивы Дауэса заменили планом американского финансиста Оуэна Д. Юнга (план Юнга). Впрочем, Юнг занимал еще один пост – главы «Дженерал электрик», не считая постов в Федеральном резервном банке и в «Дженерал моторс». Новым планом все виды официального международного контроля

немецкой экономики отменялись. Немцы опять могли распоряжаться Рейхсбанком и Имперскими железными дорогами. План предусматривал снижение размера годовых платежей, отмену репарационного налога на промышленность, сокращение налогового обложения транспорта, ликвидацию иностранных контрольных органов. Одним из важнейших следствий принятия плана Юнга был досрочный вывод оккупационных войск из Рейнской области. План Юнга был официально отменен в 1932 году, за год до победы национал-социалистов на выборах в бундестаг.

² Образование самостоятельного Польского государства – 966 год. Объединение с Великим княжеством Литовским в конфедеративное государство Речь Посполитая – 1569 год. Разделение Речи Посполитой в ходе трех разделов на три части – Русскую, Прусскую и Австрийскую – 1772–1795 годы. Образование Варшавского герцогства, являвшегося французским протекторатом под эгидой саксонского короля – 1807 год.

Вхождение большей части герцогства в состав Российской империи на правах автономного Царства Польского – 1815 год. Образование независимой республики – 1918 год. Потеря независимости в начале Второй мировой войны, раздел Польши между Германией и СССР в соответствии с положениями пакта Молотова – Риббентропа – 1939 год. Освобождение Польши от нацистской оккупации войсками РККА – 1944–1945 годы. Преобразование ПНР в Республику Польша – 1989 год.

³ «Майн Кампф» (Моя борьба). Первый том книги был опубликован 18 июля 1925 года. Второй том – «Национал-социалистическое движение» – в 1926 году. Первоначально книга называлась «4,5 года борьбы против лжи, глупости и коварства». Гитлер диктовал текст книги Эмилю Морису во время своего заключения в Ландсберге и позже, в июле 1924 года, Рудольфу Гессу.

«Моя борьба» четко выражает расистское мировоззрение, разделяющее людей по происхождению. Гитлер утверждал, что арийская раса со светлыми волосами и голубыми глазами стоит на вершине человеческого развития. Евреи, негры и цыгане относились к «низшим расам». Призывал к борьбе за чистоту арийской расы и дискриминации остальных.

Гитлер говорил о необходимости завоевания «жизненного пространства на Востоке»: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому

пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

⁴ В 1932 году завершилась оккупация Маньчжурии японскими войсками. На оккупированной территории было создано марионеточное государство Маньчжоу-го.

Начало конфликту положили требования японской стороны о признании реки Халхин-Гол границей между Маньчжоу-го и Монголией (старая граница, по картам XIX века, проходила на 20–25 км восточнее). 12 марта 1936 году между СССР и МНР был подписан «Протокол о взаимопомощи». С 1937 года в соответствии с этим протоколом на территории Монголии были развернуты части Красной армии. К концу июня 1939 года штабом Квантунской армии был разработан план новой пограничной операции. Перед японскими войсками ставилась задача форсировать реку Халхин-Гол и прорвать оборону Красной армии на оперативном участке фронта. Наступление советско-монгольских войск, начавшееся 20 августа, оказалось полной неожиданностью для японского командования.

Неоднократные попытки японского командования провести контратаки и деблокировать окруженную в районе Халхин-Гола группировку закончились неудачей. После боев 24–26 августа командование Квантунской армии до самого конца операции на реке Халхин-Гол не пыталось больше деблокировать свои окруженные войска, смирившись с неизбежностью их гибели.

Красная армия в качестве трофеев захватила около 200 орудий, 100 автомашин, 400 пулеметов и 12 тысяч винтовок.

К утру 31 августа территория Монгольской Народной Республики была полностью очищена от японских войск. 15 сентября 1939 года было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол. Закончился конфликт в 1942 году, в мае, подписанием окончательного соглашения об урегулировании. Причем это было компромиссное, во многом в пользу японцев урегулирование – на основе старой карты.

Для Красной армии, которая терпела поражения на советско-германском фронте, тогда сложилась достаточно сложная ситуация. Поэтому урегулирование было проаппонским. Но оно просуществовало всего до 1945 года.

⁵ Договор о ненападении между Германией и Польшей (называемый также Пакт Пилсудского – Гитлера) – был заключен 26 января 1934 года. Текст договора гласил, что он не аннулирует обязательства, данные ранее правительствами Германии и Польши третьим странам. Чтобы еще больше успокоить своих западных союзников, Польша немедленно продлила польско-советский договор о ненападении, до истечения которого оставалось более года. Однако на протяжении следующих лет правительство Пилсудского рассматривало советскую угрозу как более серьезную и последовательно блокировало попытки создания советско-польско-чехословацкого антигерманского блока. Предусматривалось сохранение пакта в силе и в случае вступления в войну с третьими государствами одной из договаривающихся сторон. Гитлер односторонне разорвал пакт 1934 года 28 апреля 1939 года под предлогом того, что Польша отказалась предоставить гражданам Германии право безвизового транзита в Кёнигсберг через Данциг.

Еще до подписания договора о ненападении с СССР, сразу же после получения согласия Сталина 19 августа, Гитлер назначил на 22 августа в Берхтесгадене совещание для высших чинов вермахта. На нем он огласил дату нападения на Польшу в соответствии с планом «Вайс» – 26 августа 1939 года. Однако 25 августа германский фюрер получил известие о заключении польско-британского союза и одновременно об отказе Бенито Муссолини от участия Италии в войне. После чего принятое ранее решение о нападении на Польшу было отменено. Тем не менее Гитлер вновь вернулся к нему 30 августа, установив новую дату – 1 сентября 1939 года.

31 августа Гитлер подписал секретную директиву № 1 по ведению войны, в которой говорилось: «Нападение на Польшу должно быть осуществлено в соответствии с планом „Вайс“».

Стремясь оправдать перед мировой общественностью и немецким народом вероломное нападение на Польшу, по приказу Гитлера фашистская военная разведка и контрразведка, возглавляемая адмиралом Канарисом, совместно с гестапо разработала операцию «Гиммлер». Было тщательно подготовлено нападение эсэсовцев и уголовников, специально отобранных в немецких тюрьмах и переодетых в польскую форму, на радиостанцию пограничного немецкого городка Глейвиц. Эта

провокация необходима была гитлеровским генералам и дипломатам, чтобы возложить на Польшу, жертву агрессии, ответственность за развязывание войны.

⁶ Тяжелый бомбардировщик по проекту Туполева. Полетный вес ТБ-3 выпуска 1935 года с двигателями М-34 ФРН составлял 1887 кг, максимальная скорость – 288 км/ч. Состоял на вооружении с 1932 по 1939 год. Использовался и позднее, в том числе для десантирования парашютистов. Вместительность десанта – до 30 человек.

⁷ В 1939 – начале 1940 года по решению ЦК ВКП(б) на политработу в РККА призвали несколько тысяч членов партии. Большинство из них прежде находились на ответственной партийной, советской и хозяйственной работе. Для них организовали специальные краткосрочные курсы по обучению военному делу. В начале 1941 года на политработу в Красную армию было направлено местными партийными организациями 1500 коммунистов, а 17 июня ЦК решил с этой целью мобилизовать еще 3700 коммунистов.

⁸ Фоккер – низкокрылый моноплан с закрытой кабиной и неубираемым закапотированным шасси, D.XXI создавался в тесном взаимодействии с Rolls-Royce Ltd в Англии. Планируемое вооружение – пулеметы стрелкового калибра либо 20 мм пушки в крыльях и фюзеляже. Первоначальные расчеты летных характеристик давали максимальную скорость 410 км/ч на высоте 4250 м, дальность 888 км и потолок 10 000 м. D.XXI впервые показал себя в действии, когда советские войска 30 ноября 1939 года вторглись в Финляндию. Кроме семи машин, закупленных у головной компании, ВВС Финляндии было поставлено 38 самолетов (FR-83 – FR-120) лицензионной постройки. В ходе зимней войны, которая закончилась 12 марта 1940 года капитуляцией Финляндии, истребители D.XXI завоевали уважение советских пилотов и любовь финнов. Только 12 машин, окрещенные финнами «Ukkomokkeri» (Старик Моккер), было потеряно во время боевых действий, причем шесть из них не в бою.

⁹ Комиссары в Красной армии обладали огромными правами и привилегиями: комиссар подразделения мог и обязан был участвовать в разработке, обсуждении и принятии планов боевых действий, а его права в отношении личного состава подразделения не уступали правам командира. При подозрении в нелояльности беспартийного командира подразделения комиссар имел право принять на себя командование, отстранив командира от должности, а в случае необходимости арес-

товать его. С одной стороны, столь обширные полномочия были необходимы, поскольку значительную часть командных должностей в Красной армии занимали бывшие офицеры российской армии либо добровольно поступившие на службу, либо принужденные к ней путем взятия в заложники близких (так называемые военспецы). Руководству государства требовались гарантии того, что эти командиры не смогут повернуть оружие против советской власти. С другой стороны, во многих случаях это фактическое двоевластие приводило к негативным последствиям, поскольку комиссары, обычно не имевшие специального военного образования, попросту мешали командирам управлять подразделениями.

С 1919 года в частях Красной армии появилась должность «политрук» (сокращение от «политический руководитель») – заместитель командира по политической части. Политруки выполняли роль комиссаров в нижних звеньях армейского управления, на уровне роты и ниже, и не имели настолько больших прав, как комиссары подразделений. Фактически политруки выполняли функции «младших» командиров подразделений, ведя политико-воспитательную работу и выполняя часть административных функций.

С 1925 года должность комиссара была отменена в тех частях и соединениях, которыми командовали командиры-коммунисты. Такие командиры сами считались комиссарами своих частей, при этом командиру полагался «помполит» – помощник командира по политической части. Поскольку количество беспартийных командиров постоянно сокращалось, комиссаров также становилось все меньше.

В 1935 году, при восстановлении системы воинских званий, были введены специальные звания для политработников: «младший политрук», «политрук» и «старший политрук», соответствовавшие общим воинским званиям «лейтенант», «старший лейтенант» и «капитан». Старшие политработники имели специальные звания со словом «комиссар»: «батальонный комиссар» (майор), «полковой комиссар» (полковник), «дивизионный комиссар» (комдив) и так далее (в скобках указаны соответствующие общевойсковые звания). Эти политработники, несмотря на наличие слова «комиссар» в звании, чаще всего занимали должности помполитов, то есть комиссарами, как таковыми, не являлись.

В мае 1937 года институт комиссаров был восстановлен в Красной армии в полном объеме, очевидно, для сохранения управляемости армии в период политических чисток. На этот

раз должность комиссара просуществовала до 1940 года, после чего снова была заменена должностью помполита.

В последний раз должность военного комиссара была введена в Красной армии с началом Великой Отечественной войны, 16 июля 1941 года. Должность существовала полтора года, после чего, 19 октября 1942 года, была отменена окончательно. Одновременно была введена должность «заместитель командира по политической части» – «замполит». Замполиты не имели комиссарских полномочий, их функции ограничивались политической работой среди личного состава. Организационно замполит не занимал особого положения, считаясь одним из заместителей командира и в полной мере ему подчиняясь. В большинстве своем после замены должностей комиссары частей и соединений автоматически стали замполитами. Тем из них, кто имел специальные звания, были присвоены общевойсковые воинские звания (обычно на ступень ниже звания, ранее соответствовавшего специальному). Некоторое время замполитов продолжали называть «комиссарами», но со временем это обыкновение отмерло.

Роль политработников во время Великой Отечественной войны оценивается по-разному. В одних публикациях их показывают как исключительно деструктивную силу, упирая на их политически-надзорные функции и утверждая, что они лишь мешали командирам руководить подразделениями. В других говорится о большой роли комиссаров в сплочении военнослужащих и организации подразделений. Объективно, во время этой войны большая часть политработников имела специальное, в том числе военное образование, нередко в бою они показывали пример бойцам, брали на себя командование в случае гибели командиров. Потери политработников были ничуть не меньше, чем прочих категорий офицеров, что полностью опровергает иногда высказываемое мнение, что «комиссары сидели по землянкам, пока остальные ходили в бой».

Из Полевого Устава РККА (ПУ-39) (Москва, 1939):

«Задачи Рабоче-Крестьянской Красной Армии интернациональны; они имеют международное, всемирно-историческое значение...

Красная Армия вступит на территорию напавшего врага как освободительница угнетенных и порабощенных...

Привлечение на сторону пролетарской революции широких масс армии противника и населения театра военных действий является важной задачей Красной Армии. Это достигается политической работой, ведущейся в армии и вне ее

всеми командирами, военными комиссарами и политработниками РККА.

«Грозная в бою, наша армия является другом и защитником трудящихся масс напавшей страны, оберегая их жизнь, жилища и имущество».

¹⁰ Задачу коллективизации сельского хозяйства поставил в конце 1929 года Сталин, достаточно точно выразив характерную черту развернувшихся процессов: внесение в крестьянство новой организации производства сверху. Ленинский кооперативный план предполагал иной порядок: естественное перерастание простейших форм кооперации в более сложные.

Различие было принципиальным. Ленин исходил из добровольности кооперирования и потому делал ставку на повышение уровня культуры и сознания трудящихся. Это требовало от государства создания предпосылок, которые должны «сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие». Сталин считал возможным обойтись без промежуточных стадий. «Насажение» колхозов сверху плюс «форсирование» их организации логически вело к насилию.

Ленинский принцип добровольности был нарушен. Кулаком или подкулачником объявлялся тот, кто не хотел вступать в колхоз. Наказание за это полагалось обоим одинаковое: лишение избирательных прав и раскулачивание, т. е. конфискация имущества и лишение свободы. Это коснулось нескольких миллионов людей. Такими средствами удалось за первые три месяца 1930 года увеличить число записанных в колхоз крестьянских хозяйств и еще почти в три раза, доведя их «охват» до 60%.

Все это вызвало недовольство крестьян. По стране вновь покатила волна вооруженных выступлений крестьян. За три первых месяца 1930 года их было более двух тысяч.

Обеспокоенное этим руководство партии принимает решение остановить «гонку» коллективизации. 2 марта в «Правде» появляется статья Сталина «Головокружение от успехов», где такое указание было дано публично. Однако статья полна умолчаний и противоречий. Вся вина за случившееся была возложена на местных работников. Вопреки логике Сталин требует «закрепить» достигнутый к тому времени уровень коллективизации.

ЦК ВКП(б) опубликовал в середине марта 1930 года постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Перегибы временно прекратились. Все, кто был записан в колхозы против воли, вышли из них. Колхозное дви-

жение медленно начало расти на добровольной основе. Однако колхозники продолжали отстаивать свое право быть хозяевами в своих артелях и распоряжаться хотя бы частью произведенной продукции. Отдавая значительную часть своей продукции государству по твердым ценам, колхозы были заинтересованы в том, чтобы хотя бы частично возместить затраты на рынке. Такое разрешение было получено в 1932 году.

Эти стихийные попытки перестроить на хозрасчетной основе отношения с государством были истолкованы Сталиным как проявление классовой борьбы со стороны проникших в колхозы и совхозы кулаков. В этом же духе объяснялись и отдельные неудачи, срывы в деятельности совхозов и колхозов, вызванные отсутствием опыта, низкой квалификацией их руководителей. В 1933 году Сталин снова под видом развития теории высказывает одно из коренных положений для его системы воззрений: по мере успехов социализма классовая борьба якобы неизбежно обостряется. Эти выводы стали своего рода инструкцией для созданных тогда же в МТС и колхозах политических отделов – чрезвычайных органов, соединявших в одних руках партийную, административную власть, источник местной информации (многотиражную газету) и следственные функции (в каждом политотделе была предусмотрена должность заместителя начальника политотдела по вопросам ОГПУ). Положение в деревне вновь обострилось. Тысячи председателей колхозов, руководителей совхозов и МТС, бригадиров и механиков, агрономов и рядовых колхозников в 1933–1934 гг. были без серьезных оснований обвинены во вредительстве и арестованы.

Параллельно продолжались изменения в положении колхозов. В 1933 году были введены обязательные поставки колхозами продукции государству по низким ценам. МТС получали за обработку полей натуральную оплату с колхозов также в больших количествах. Колхозники перестали фактически быть хозяевами произведенной ими продукции. Нарушались и принципы колхозной демократии. Колхозы, таким образом, в сравнении с годами до сплошной коллективизации надолго утратили важнейшие свои кооперативные права и фактически оказались огосударствлены. В 1940 году в колхозах было объединено фактически все советское крестьянство – 96,9% крестьянских дворов. Неиспользование колхозом хозяйственного потенциала крестьянской семьи превращало их в механические объединения. В конце 1932 года в СССР была введена паспортная система. Паспорта выдавались гражданам от

16 лет и старше во всех городах, рабочих поселках, районных центрах, новостройках, совхозах, МТС, а также в 100-километровой полосе вдоль европейской границы СССР и в нескольких пригородных зонах. Во всех прочих местностях население (колхозники) паспортов не получало и учитывалось по спискам, которые велись сельсоветами. Это лишало колхозников возможности свободного изменения места жительства, административно прикрепляло их к колхозам.

Такое положение существовало до начала 1960-х гг.

¹¹ Символизм – одно из крупнейших направлений в искусстве (в литературе, музыке и живописи), возникшее во Франции в 1870–1880-х гг. и достигшее наибольшего развития на рубеже XIX и XX веков, прежде всего в самой Франции, Бельгии и России. Символисты радикально изменили не только различные виды искусства, но и само отношение к нему. Их экспериментаторский характер, стремление к новаторству, космополитизм и обширный диапазон влияний стали образцом для большинства современных направлений искусства. К тому времени существовал другой, уже устойчивый термин «декадентство», которым пренебрежительно нарекали новые формы в поэзии их критики. «Символизм» стал первой теоретической попыткой самих декадентов, поэтому никаких резких разграничений и тем более эстетической конфронтации между декадентством и символизмом не устанавливалось. В России в 1890-е гг., после первых русских декадентских сочинений, эти термины стали противопоставлять: в символизме видели идеалы и духовность и соответственно так его манифестовали, а в декадентстве – безволие и безнравственность. В европейском и русском искусстве 1870–1910-х гг. символизм сосредоточен преимущественно на художественном выражении посредством символа интуитивно постигаемых сущностей и идей, смутных, часто изощренных чувств и видений. Философско-эстетические принципы символизма восходят к сочинениям А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше, творчеству Р. Вагнера. Стремясь проникнуть в тайны бытия и сознания, узреть сквозь видимую реальность сверхвременную идеальную сущность мира («от реального к реальнейшему») и его «нетленную», или трансцендентную красоту, символисты выражали неприятие буржуазности и позитивизма, тоску по духовной свободе, трагическое предчувствие мировых социально-исторических сдвигов. В России символизм нередко мыслился как «жизнетворчество» – сакральное действо, выходящее за пределы искусства. Основные представители сим-

волизма в литературе: П. Верлен, П. Валери, А. Рембо, С. Малларме, М. Метерлинк, А.А. Блок, А. Белый, Вяч.И. Иванов, Ф.К. Сологуб; в изобразительном искусстве: Э. Мунк, Г. Моро, М.К. Чюрленис, М.А. Врубель, В.Э. Борисов-Мусатов; близко к символизму творчество П. Гогена и мастеров группы Наби, графика О. Бердсли, работы многих мастеров стиля модерн.

¹² Лютеранская кирха на 1800 мест была торжественно открыта в Койвисто 18 декабря 1904 года. Строительство нового гранитного храма вместо небольшой деревянной церкви началось в 1902 году. Высота колокольни нового храма составила почти 60 метров.

Здание построено по проекту архитектора И. Стенбека (1854–1929), он же автор кирхи в Терийоках (Зеленогорске). Стенбек сохранил в проекте неоготические черты в виде островерхой башни и добавил к ним простую выразительность средневековых форм входных и оконных арок, а также усилил местный характер здания, применив в облицовке фасадов гранит.

Через некоторое время после окончания строительства кирхи в Койвисто пожаловал царь Николай II с многочисленной свитой и домочадцами. Царь подарил приходу значительную сумму, на эти деньги в Кангасало был заказан 31-регистрационный орган. Судьба органа неизвестна, но достоверно, что после военного лихолетья он еще какой-то срок находился в церкви. По рассказам старожилов орган то ли вывезли в Кронштадт, то ли расплавили на грузила (Койвисто – рыбацкий поселок), но ни одного очевидца тех событий не нашлось.

Проектируя кирху с необычными по форме стрельчатыми окнами, напоминающими стилизованный лист березы, Стенбек мог думать и о применении здесь витражей. Однако лишь в 1928 году известный финский художник Леннарт Сегерстрале (1892–1975) выполняет в окне западного фасада великолепный витраж на библейскую тему «Христос и четыре ангела». Это был самый большой по площади (46 кв. м.) витраж Финляндии.

Поскольку кирха в Койвисто была воздвигнута в честь Марии Магдалины, на алтарном окне был изображен момент явления Христа Марии Магдалене. В центре композиции фигура Христа в полный рост (4 м), ее высота превышала другие фигуры вдвое. Левой рукой он прижимает к груди терновый венец, правой рассыпает розы в протянутые руки сидящей у его ног плачущей Марии Магдалины.

¹³ Национальное движение за независимость в Великом княжестве Финляндском получило развитие в ходе Первой мировой войны при поддержке кайзеровской Германии, ко-

торая таким образом стремилась ослабить Российскую империю, входившую в антигерманскую коалицию.

Вскоре после Октябрьской революции – 23 ноября (6 декабря) 1917 года – финский сейм провозгласил Финляндию независимым государством. 31 (18) декабря 1917 года независимость Финляндии была признана советским правительством.

18 января 1918 года радикально настроенные социал-демократы вместе с другими левыми силами во главе с Отто Куусиненом организовали отряды Красной гвардии и провозгласили Финляндскую Социалистическую Рабочую Республику.

1 марта ФССР и РСФСР установили дипломатические отношения и заключили договор о дружбе и сотрудничестве.

Белое правительство Финляндии скрылось на севере, где лидер консервативной партии барон Карл Густав Эмиль Маннергейм сформировал отряды Белой гвардии (шюцкор), чтобы помешать распространению революционного движения. Началась гражданская война между белыми и красными, которым помогали российские войска, остававшиеся еще в стране. Германия направила дивизию, чтобы помочь белофиннам установить прогерманский режим. Красные не смогли противостоять хорошо вооруженным кайзеровским войскам, которые вскоре захватили Тампере и Хельсинки. Последний оплот красных – Выборг пал в апреле 1918 года. Был создан сейм для формирования правительства, и Пер Эвинд Свинхувуд был назначен исполняющим обязанности главы государства.

На территориях со смешанным русско-финским населением, прежде всего в Терийоки (ныне Зеленогорск) и Виипури, сначала группы финских «добровольцев», а затем и отряды шюцкора устроили этнические чистки, уничтожая военнослужащих русского происхождения (в том числе офицеров, не имевших никакого отношения к красным) и принуждая русское население к выезду в Советскую Россию. Количество помещенных в тюрьмы и концлагеря лиц достигало 90 тыс. человек, было казнено 8,3 тыс. человек, около 12 тыс. человек умерло в концлагерях летом 1918 года (во время боевых действий белые потеряли 3178, красные – 3463 человека). Истреблению подвергалось и гражданское население русского происхождения. Все это вызвало негативную международную реакцию, так, например, в Швеции был создан Комитет против белого террора в Финляндии.

После гражданской войны под влиянием прогерманских сил осенью 1918 года на недолгое время было создано Королевство Финляндия. В конце 1918 года Финляндия стала республикой.

Договор РСФСР с Финляндией был подписан 14 октября 1920 года в Тарту после четырехмесячных переговоров. Договором была определена новая финско-советская граница.

Договор завершил первую советско-финскую войну 1918–1920 гг., в ходе которой финская армия вторглась на российские территории в Восточной Карелии и Заполярье (которые никогда не были частью шведско-финского государства и Великого княжества Финляндского). Договором была определена новая финско-советская граница и зафиксированы территориальные уступки в пользу Финляндии. Состояние войны прекращается по вступлении договора в силу (то есть с 31 декабря 1920 года, через 2,5 месяца после его заключения – беспрецедентный факт в истории международных соглашений).

Граница на Карельском перешейке устанавливалась от Финского залива по реке Сестра (Систер-бек, Райййоки) и далее шла на север по линии старой русско-финляндской границы, отделявшей Великое княжество Финляндское от собственно русских губерний. То есть, согласно договору Финляндии отошла вся Выборгская губерния.

¹⁴ Присоединение Прибалтики к СССР (1940) – процесс включения независимых прибалтийских государств – Эстонии, Латвии и большей части территории современной Литвы – в состав Советского Союза, осуществленный, по мнению ряда исследователей, вследствие подписания СССР и Германией в августе 1939 года Пакта Молотова – Риббентропа и договора о дружбе и границе, секретные протоколы которых зафиксировали разграничение сфер интересов этих двух держав в Восточной Европе. Официальная позиция МИД России заключается в том, что присоединение стран Прибалтики к СССР соответствовало всем нормам международного права по состоянию на 1940 год, а также, что вхождение этих стран в состав СССР получило официальное международное признание. Эта позиция основывается на *de facto* признании целостности границ СССР на июнь 1941 года на Ялтинской и Потсдамской конференциях государствами-участниками, а также на признании в 1975 году нерушимости европейских границ участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

¹⁵ Постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 июля 1937 года личный состав госбезопасности был переведен на систему знаков различия, принятую в РККА. Во исполнение этого постановления НКВД СССР 15 июля 1937 года был выпущен приказ № 278, в соответствии с которым вводились следующие изменения в форме одежды: светло-синяя фуражка

вместо синей; при прежнем цвете гимнастерки воротник и обшлага рукавов обшивались малиновым кантом; вместо тулупа вводился френч из шерстяной ткани цвета хаки с нагрудными накладными карманами и шестью пуговицами-застежками, на воротнике и обшлагах рукавов – малиновый кант; брюки на выпуск теперь тоже были цвета хаки, а не темно-синие. Приказом вводились и знаки различия на петлицах, аналогичные принятым в РККА, – покрытые красной эмалью посеребренные ромбы, прямоугольники («шпалы») и квадраты. Цвет петлиц и окантовка оставались прежними, исчезла лишь продольная полоска в центре. Капитан носил в петлицах три шпалы, так же как и подполковник РККА. Эта форма одежды и знаки различия просуществовали до 18 февраля 1943 года, когда приказом НКВД № 126 были введены новая форма, знаки различия и погоны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1943 года была изменена система специальных званий в НКВД: упразднено звание старшего майора ГБ, появились новые – подполковник ГБ, полковник ГБ, комиссар ГБ. В связи с этим всем имевшим звание майора ГБ и старшего майора ГБ приказами по НКВД в персональном порядке были присвоены новые звания. Как правило, майоры ГБ стали полковниками ГБ, а старшие майоры ГБ – комиссарами ГБ и, частично, комиссарами ГБ 3-го ранга. Начиная с капитанов ГБ и ниже приказом НКВД № 102 от 11 февраля 1943 года была предусмотрена следующая схема перехода на новые звания: всем капитанам ГБ было присвоено звание подполковников ГБ, старшим лейтенантам ГБ – майоров ГБ, лейтенантам ГБ – капитанов ГБ, младшим лейтенантам ГБ – старших лейтенантов ГБ, тем сержантам ГБ, кому звание было присвоено до 1 января 1942 года, – лейтенанта ГБ, тем, кому звание было присвоено позже, – младшего лейтенанта ГБ. В августе 1937 года Постановлением ЦИК и СНК СССР для лиц младшего командного и начальствующего состава, окончивших специальные краткосрочные курсы, были введены звания младший лейтенант, младший политрук и младший воентехник. Постановлением 4-й сессии Верховного Совета СССР от 1 сентября 1939 года устанавливались воинские звания подполковник и старший батальонный комиссар. Полковник стал носить четыре прямоугольника на петлицах, а подполковник – три.

¹⁶ В 1918 году Румыния объявила западноевропейским государствам о том, что не исключает аннексии Буковины и Бессарабии. В тот момент Молдавской демократической рес-

публикой руководил лояльный Румынии Сфатул Цэрий. Воспользовавшись Гражданской войной в России и анархией, румынские войска в январе того же года пересекли реки Дунай и Прут и дошли до Днестра. Это нарушало договор с РСФСР, подписанный в начале года. Со Сфатулом Цэрием был подписан договор об объединении Бессарабии с Румынией. Новая граница с УССР и Молдавской АССР в составе СССР до 1940 года проходила по линии Днестра. Она не была признана советским правительством. РСФСР также категорически отказалась признать эти территории за Румынией. В ответ румынские власти 28 октября 1920 года в Париже подписали Бессарабский протокол. С одной стороны подписалась Румыния, с другой – Великобритания, Франция, Италия и Япония. Исходя из протокола, аннексия румынами Бессарабии признавалась законной и считалась воссоединением Румынии и Бессарабии. В подписании протокола не принимала участия РСФСР, а румынские власти отказались провести плебисцит в регионе. Франция ратифицировала его в 1924 году, а Италия – в 1927-м. Япония протокол не ратифицировала, в результате чего он так и не вступил в силу. 1 ноября 1920 года правительства УССР и РСФСР заявили правительствам Румынии, Италии, Франции и Великобритании, что они не могут признать имеющим какую-либо силу этот протокол, так как он был принят без их участия. В дальнейшем это было подтверждено на многочисленных международных конференциях.

Присоединение Бессарабии и Северной Буковины к СССР (также Бессарабская операция, Бессарабский поход, Прутский поход 1940 года, присоединение Северной Буковины к СССР и Бессарабская кампания) – передача Бессарабии и Северной Буковины Румынией СССР в 1940 году – советской стороной планировалось как военное вторжение в Румынию, но за несколько часов до начала операции король Румынии Кароль II принял ультимативную ноту советской стороны и передал Бессарабию и Северную Буковину СССР. Операция по занятию территории советскими войсками продолжалась шесть дней. В операции использовался парашютный десант и самолеты ТБ-3. В частности в район г. Измаила для пресечения вывоза имущества в Румынию было в один день десантировано свыше 500 парашютистов.

¹⁷ Pz. Kpfw. IV (или Т-4, как его часто называют в России) являлся самым массовым танком германского вермахта. Изначально был принят на вооружение в качестве машины для ко-

мандиров танковых батальонов. Это единственный германский танк, который находился в серийном производстве всю Вторую мировую войну. Выпускался фирмами Krupp,omag, Niebelungenwerke. С 1937 по 1945 год было изготовлено свыше 8500 танков. Pz. Kpfw. IV принимали участие во всех военных операциях, начиная с захвата Судетской области и заканчивая битвой за Берлин. На 10 апреля 1945 года полевые части располагали 505 танками, еще 130 таких машин имелось в армии резерва.

¹⁸ *Верховное главнокомандование вермахта, Штаб оперативного руководства, отдел обороны страны L IV/Qu № 44822/41*

Совершенно секретно

Главная Ставка Фюрера

6. 6. 41 г. (Только для командования)

Передавать только через офицера.

В приложение к указу фюрера от 14.5 о применении военной подсудности в районе „Барбаросса“ направляются „Указания об обращении с политическими комиссарами“.

В борьбе с большевизмом на соблюдение врагом принципов гуманности или международного права рассчитывать нельзя!

Особенно жестокого и диктуемого ненавистью бесчеловечного обращения с нашими военнопленными следует ожидать от всякого рода комиссаров, этих подлинных носителей сопротивления.

Войска должны осознавать следующее:

1. В нынешней войне пощада этим элементам и соблюдение в отношении их международных правил неуместны. Они представляют собой угрозу нашей безопасности и быстрому освобождению нами населения захваченных областей.

2. Политические комиссары – инициаторы варварских азиатских методов ведения войны. Поэтому против них следует немедленно и без всяких задержек действовать со всей беспощадностью. Если же они оказывают вооруженное сопротивление, следует немедленно устранять их силой оружия.

В остальном действуют следующие положения.

I. Во фронтовых областях.

1. Обращаться с действующими против наших войск политическими комиссарами согласно «Указу о военной подсудности в районе „Барбаросса“». То же самое относится к комиссарам всех видов и должностей, даже только подозреваемых в сопротивлении, саботаже или подстрекательстве к ним.

2. Опознать политических комиссаров в качестве враждебных органов можно по особому знаку различия – красной звезде с вытканными на ней серпом и молотом на рукаве.

Их надлежит немедленно, то есть прямо на поле боя, отделять от всех остальных военнопленных. Это необходимо, чтобы лишить их всякой возможности оказывать влияние на взятых в плен солдат. Комиссары в качестве солдат не признаются; никакая международно-правовая защита к ним не применяется.

После произведенной сортировки их надлежит уничтожить.

3. Политических комиссаров, которые не виновны ни в каких вражеских действиях или только подозреваются в них, первоначально не уничтожать. Только в ходе дальнейшего продвижения вглубь страны может быть решен вопрос о том, следует ли их оставить на месте или же передать в руки зондеркоманд. Следует стремиться, чтобы те производили следствие сами. При решении вопроса „о виновности или невиновности“ в принципе личное впечатление имеет значение большее, чем, по всей вероятности, недоказуемый состав преступления.

4. Все вышеперечисленные меры не должны задерживать проведение операций. Поэтому планомерные поиски и „чистку“ полевым войскам запретить.

II. Во фронтовом тылу. Комиссаров, схваченных во фронтовом тылу при вызывающем сомнение поведении, следует передавать айнзацгруппам или айнзацкомандам. Службы Безопасности. Просьба разослать только командующим армиями и воздушными флотами, остальных командующих соединениями и командиров частей ознакомить устно.

¹⁹ 17 сентября 1941 года Военный совет Ленинградского фронта направил Военным советам 42-й и 55-й армий, которые отходили под натиском немцев, известный приказ № 0064 с такими словами: «За оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу». В соответствии с этим приказом создавались заградительные отряды, которые задерживали покинувших фронт, потерявших свои части бойцов и командиров. Только за два сентябрьских дня – 18 и 19 – комендатура Ленинграда задержала около четырех с половиной тысяч бойцов и командиров, которые по разным причинам оказались в тылу, а не на передовой. Около 400 человек были переданы следственным органам. Многих из них расстреляли.

Негласно этот приказ действовал и в других армиях Ленинградского фронта. Заградительные отряды вылавливали всех, кто в горячке боя под ударами немецких танков и мотопехоты отходил к Ленинграду. Так, например, в бою под Мгой

бронемашина Б-20 старшины Василия Ченцова была подбита. Экипаж погиб. Он, контуженный, ничего не понимающий, с трудом выбрался из-под ее горящих обломков и пополз к своим. Сколько часов полз – не помнил. Попал на заградотряд. Его арестовали, доставили в штаб какого-то подразделения, сначала имитировали расстрел, а потом отправили для разбирательства в Ленинград. Там оказался в следственном изоляторе Кресты вместе с ворами, людьми без прописки и другими социально вредными элементами. Без суда и следствия старшину этапировали на барже через Ладожское озеро до Волхова, а затем по железной дороге в товарном вагоне в Томск-2. Везли месяц, еще два месяца держали в томской тюрьме. Выпустили живым скелетом.

С начала войны по октябрь 1941 года особыми отделами и заградотрядами войск НКВД было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. В этой массе было выявлено и разоблачено 1505 шпионов и 308 диверсантов. По состоянию на декабрь 1941 года особыми отделами было арестовано изменников – 4647 человек, трусов и паникеров – 3325, дезертиров – 13 887, распространителей провокационных слухов – 4295, самострельщиков – 2358, за бандитизм и мародерство – 4214 человек.

²⁰ Даже в годы войны многие понимали, что вопрос об открытии второго фронта диктовался не только военной необходимостью. Это был пробный камень, которым испытывалось взаимное доверие союзников по антигитлеровской коалиции. Готовясь к встрече с Рузвельтом, в декабре 41-го, Черчилль заявил: если союзники будут действовать энергично и последовательно, война с Германией может закончиться в конце 1942-го – начале 1943-го. В ходе беседы Молотова с Рузвельтом и Черчиллем в июне 1942 года говорилось, что Гитлера удастся поставить на колени в 43-м. Выводы эти делались не на пустом месте, а вытекали из оценки состояния немецких вооруженных сил после поражения под Москвой. Германии пришлось переходить к позиционной войне, выиграть которую у нее шансов не было.

Но союзники этот момент упустили. Сталинградская битва, по существу, изменила природу и ход Второй мировой войны: если в 1941–1942 годах союзники рассуждали, что нужно отвлекать немецкие вооруженные силы с Восточного фронта и оказывать СССР помощь, которая ослабит Германию, то после Сталинграда этот вопрос был снят с повестки дня. Появились другие вопросы: а не слишком ли окрепли русские,

не пора ли подумать, как сохранить Германию – основной барьер против проникновения русских далеко в Европу?

1943 год. СССР сражается с Германией, по существу, в одиночку. Более того, перед Курской дугой Черчилль направляет в Москву стратегическую дезинформацию, что немцы свертывают подготовку к наступлению на Курской дуге. Дальше – больше. 20 августа в Квебеке на заседании лидеров США и Британии ставится вопрос о том, что немцы должны задерживать русских как можно дольше на востоке. На этом совещании принимаются два плана: «Оверлорд», о котором советскую сторону проинформируют в октябре 1943-го в Тегеране, и сверхсекретный план «Рэнкин», по которому немцы входят в сговор с западными державами, распускают Западный фронт, оказывают поддержку при высадке десанта в Нормандии и обеспечивают быстрое продвижение союзников через Францию и Германию на линию удержания советских войск. В этом случае под контроль США и Англии попадают Варшава, Прага, Будапешт, Бухарест, София, Вена и Белград, а немецкие войска на западе организованно двигаются на восток для укрепления немецкой линии обороны...

На Западе брали в расчет, что под Сталинградом, на Курской дуге и в последующих сражениях мы понесли огромные потери. Союзники сходились на том, что к середине 1944 года наступательный потенциал СССР практически будет исчерпан, людские резервы израсходованы. Стало быть, ко времени высадки союзников, увязнув в противостоянии с немцами, мы уступим стратегическую инициативу США и Англии, которые, запланировав высадиться 6 июня 1944 года и в августе закончить войну, даже не позаботились о подготовке к осени и зиме. Гитлер, воспользовавшись этим, нанес им удар в Арденнах, даже не снимая войск с Восточного фронта. Союзники бросились за помощью к Сталину – и он выручил, начав раньше срока Висло-Одерскую операцию.

Эйзенхауэр в своих воспоминаниях признает, что второго фронта уже в конце февраля 1945-го практически не существовало. В начале апреля Черчилль отдает своим штабам приказ готовить операцию «Рэнкин (Немыслимое)»: с участием США, Англии, Канады, польских корпусов и 10–12 немецких дивизий начать боевые действия против СССР. Третья мировая война должна была грянуть 1 июля 1945 года! Кстати, Лондон долго отрицал существование такого плана, но несколько лет назад англичане рассекретили часть своих архивов, а среди документов оказались бумаги, касающиеся

плана «Немыслимое». Если бы не штурм Берлина, Третья мировая могла и начаться в обозначенный Черчиллем срок. Но Сталин настоял на проведении Берлинской операции, продемонстрировал ударную огневую мощь наших Вооруженных Сил – для того, чтобы ни у Черчилля, ни у Эйзенхауэра, ни у кого другого не появилось желания воевать с СССР.

Задержка с открытием второго фронта объяснялась и интересами крупного бизнеса в США. Его не устраивало быстрое окончание войны и уменьшение доходов. То, что советский народ нес в это время колоссальные жертвы, а народы Европы стонали под игом немецкой оккупации, для американских предпринимателей было делом второстепенным. Кстати, наша страна каждые две недели до открытия второго фронта теряла людей больше, чем союзники потеряли за все годы войны в Европе.

Дискуссия об «исторической и решающей» победе союзников СССР в ходе Второй мировой войны в целом и о десантной операции на севере Франции в частности не прекращается до сих пор. Но вновь исторически засвидетельствуем: второй фронт, обещанный еще в 1942 году, был открыт только 6 июня 1944-го – когда стало совершенно очевидным, что Красная Армия может и собственными силами совершить полный разгром фашистской Германии.

²¹ Карельский фронт существовал дольше всех других фронтов Великой Отечественной – с 23 августа 1941 по 15 ноября 1944 года. Он имел самую большую протяженность среди всех фронтов – до 1600 км в 1943 году. Это единственный из всех фронтов, который имел особо сложные северные природно-климатические особенности и который не отправлял в тыл страны на ремонт военную технику и вооружение. Этот ремонт делался в специальных частях и на предприятиях Карелии и Мурманской области. На Параде Победы сводный полк Карельского фронта шел первым. С тех пор традиционно на парадах 9 мая знамя Карельского фронта несут первым среди знамен фронтов. Это единственный фронт, на одном из участков которого (в районе Мурманска) немецко-фашистские войска не смогли нарушить государственную границу СССР. 15 ноября 1944 года, после выхода Финляндии из Второй мировой войны, фронт был расформирован.

²² В начале Второй мировой войны был объявлен нейтралитет Швеции. Советско-финская война глубоко задела чувства шведского народа, в связи с чем была организована разного рода помощь Финляндии. Через территорию Швеции

существовал транзит оружия немецким соединениям на севере. Вообще в 1940–1941 гг. Швеция испытывала сильное давление со стороны Германии. Ей приходилось предоставлять Германии всевозможные привилегии и уступки.

Большие военные заказы Швеция получила после начала Второй мировой войны. В основном это были заказы для гитлеровской Германии. Достаточно сказать, что только в 1943 году из добытых 10,8 млн. т железной руды в Германию из Швеции было отправлено 10,3 млн. т. Поэтому одной из главных задач кораблей ВМФ Советского Союза, воевавших на Балтике, была не только борьба с фашистскими кораблями, но и уничтожение судов нейтральной Швеции, перевозивших грузы для нацистов.

Свою выгодную торговлю с нацистами шведы прекратили лишь осенью 1944 года, когда близкий крах Третьего рейха был уже очевидным для всех. Правительство стало лояльно относиться к различного рода просьбам представителей союзных войск, в том числе по линии разведывательной деятельности против Германии. Работе внешней разведки СССР в Швеции уделялось особое внимание. Помимо общих задач выявления планов шведского руководства в отношении СССР, перед внешней разведкой СССР стояла задача создания нелегальной резидентуры на случай разрыва дипломатических отношений между двумя странами. Ставились также задачи по ведению разведывательной работы против Германии, Финляндии, Норвегии, Дании и по созданию в этих странах нелегальных резидентур. С территории Швеции научно-техническая разведка СССР пыталась отслеживать ведущиеся в нацистской Германии работы по созданию нового оружия, транспортные потоки со стратегическими грузами.

²³ Киркенес – город в северо-восточной части Норвегии, приблизительно в 8 км от норвежско-российской границы. Численность проживающих – 9,7 тыс. человек. В годы Второй мировой войны подвергался массированным бомбовым ударам – на город было совершено 320 авианалетов.

Петсамо-Киркенесская операция – стратегическое наступление войск 14-й армии Карельского фронта 7 октября 1944 года в направлении на Луостари и Петсамо (Печенгу) с целью разгромить в финском Заполярье основные силы немецкого 19-го горнострелкового корпуса и в дальнейшем наступать на Киркенес в Северной Норвегии. Гитлеровцы продолжали занимать часть советской и финской территорий. Германия стремилась удержать за собой этот район Заполярья, являвшийся важным источником стратегического сырья (медь, никель,

молибден) и имеющий незамерзающие морские порты, в которых базировались силы германского флота.

В районе Лапландского «гранитного вала», в труднопроходимой горно-лесистой местности со множеством скал, рек, озер и болот за три года была создана сильная оборона, состоявшая из трех полос глубиной до 150 км. В составе петсамо-киркенесской группировки противника насчитывалось 53 тысячи солдат и офицеров, 160 самолетов и 200 кораблей, 770 орудий и минометов.

25 октября передовые советские части ворвались в Киркенес. Отступая, гитлеровцы взорвали все портовые сооружения и разрушили административные здания. Наряду с Киркенесом были освобождены населенные пункты – Тарнет, Сванвик, Стурбукт, Бьерневанн, Нейден и другие. Принимая во внимание, что подразделения немцев были рассеяны и отступали мелкими группами вглубь норвежской территории, а также наступление зимы, командование Карельского фронта сочло нецелесообразным дальнейшее продвижение вглубь Норвегии.

²⁴ Опасность войны СССР с Японией существовала со второй половины 1930-х годов. В 1938 году произошли столкновения на озере Хасан, а в 1939-м сражение на реке Халхин-Гол, на границе Монголии и Маньчжоу-Го. В 1940 году был создан советский Дальневосточный фронт, что указывало на реальный риск начала войны.

Однако обострение ситуации на западных границах заставило СССР искать компромисса в отношениях с Японией. Последняя, в свою очередь, выбирая между вариантами агрессии на север (против СССР) и на юг (против США и Великобритании), все более склонялась к последнему варианту, и стремилась обезопасить себя со стороны СССР. Результатом временного совпадения интересов двух стран становится подписание 13 апреля 1941 года пакта о нейтралитете. В апреле 1945 года договор был денонсирован СССР.

В 1941 году страны гитлеровской коалиции, кроме Японии, объявили войну СССР (Великая Отечественная война), а в том же году Япония напала на США, начав войну на Тихом океане.

В феврале 1945 года на Ялтинской конференции Сталин дал обещание союзникам объявить войну Японии через 2–3 месяца после окончания боевых действий в Европе. На Потсдамской конференции в июле 1945 года союзники выступили с совместной декларацией, требуя безоговорочной капитуляции Японии. Тем же летом Япония пыталась вести сепаратные мирные переговоры с СССР, но безуспешно.

Война, как и было обещано союзникам, была объявлена ровно через три месяца после победы в Европе – 8 августа 1945 года, через два дня после первого применения США ядерного оружия против Японии (Хиросима) и накануне атомной бомбежки Нагасаки. Главнокомандующим был Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Действовало 3 фронта: Забайкальский фронт, 1-й Дальневосточный и 2-й Дальневосточный (командующие Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков и М.А. Пуркаев), общей численностью примерно в 1,5 миллиона человек. Им противостояла японская Квантунская армия под командованием генерала Оцуцудзо Ямады.

Состав Квантунской армии: около 1 млн. человек, 6260 орудий и минометов, 1150 танков, 1500 самолетов.

На рассвете 9 августа 1945 года советские войска начали наземную операцию. Из Монголии в центр Маньчжурии наступала 6-я гвардейская танковая армия генерала Кравченко. Были случаи упорного сопротивления противника в полосах Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов. Японская армия предпринимала и неоднократные контратаки. 17 августа 1945 года в Мукдене советские войска взяли в плен императора Маньчжоу-Го Пу И.

14 августа японское командование обратилось с предложением о заключении перемирия. Но практически военные действия с японской стороны не прекращались. Лишь через три дня Квантунская армия получила приказ своего командования о капитуляции, которая началась 20 августа. Но и он не сразу до всех дошел, а кое-где японцы действовали и вопреки приказу.

18 августа была начата высадка десанта на самый северный из Курильских островов – хотя по совместным решениям союзников Курильские острова, Южный Сахалин и Порт-Артур однозначно переходили к СССР. В этот же день, 18 августа, главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Василевский отдал приказ об оккупации японского острова Хоккайдо силами двух стрелковых дивизий. Эта высадка не была осуществлена из-за задержки продвижения советских войск в Южном Сахалине, а затем отложена до указаний Ставки.

Советские войска заняли южную часть Сахалина, Курильские острова, Маньчжурию и часть Кореи. Основные боевые действия на континенте велись 12 дней, по 20 августа. Однако отдельные боестолкновения продолжались вплоть до 10 сентября, ставшего днем окончания полной капитуляции и пле-

нения Квантунской армии. Боевые действия на островах полностью закончились 1 сентября.

Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября 1945 года на борту линкора «Миссури» в Токийском заливе.

В результате была полностью разгромлена миллионная Квантунская армия. По советским данным, ее потери убитыми составили 84 тыс. человек, взято в плен около 600 тыс. Безвозвратные потери РККА составили 12 тыс. человек.

Манчжурская операция имела огромное политическое и военное значение. Так, 9 августа на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной японский премьер-министр Судзуки заявил:

«Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны». Государственный секретарь США Э. Стеттиниус утверждал следующее:

«Накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта, что Япония может капитулировать только в 1947 году или позже, а разгром ее может стоить Америке миллиона солдат».

²⁵ Это первый орден СССР, имевший три степени, и старший из орденов, носивших имя полководца. Он был учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года. Вместе с орденом Кутузова, имевшим тогда две степени, и орденом Александра Невского. Решение об учреждении орденов специально для награждения военачальников было принято в июне 1942 года, в дни тяжелейших боев на юге СССР, когда советские войска под ударами немцев откатывались к Дону и Волге, а осажденный Севастополь был уже обречен. Будущие успехи командиров Красной армии необходимо было поощрять, поэтому решили отойти от традиционной для СССР системы награждения, по которой любым орденом мог быть награжден любой представленный к награде: красноармеец, командир, маршал или гражданский человек. По замыслу новые ордена можно было получить, только занимая соответствующую должность.

Орденом Суворова I степени награждались командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных управлений и оперативных отделов и начальники родов войск (артиллерии, авиации, бронетанковых и минометных сил) фронтов и армий «за отлично организованную и проведенную фронтовую или армейскую операцию с разгромом противника меньшими силами», «за... маневр

по окружению численно превосходящего противника; полное уничтожение его живой силы и захват вооружения и техники», «за... выбор места главного удара» и его нанесение и т. п. Орденом Суворова II степени награждались командиры корпусов, дивизий и бригад, их заместители и начальники штабов за разгром «вражеского корпуса или дивизии... с меньшими силами», «за прорыв оборонительной полосы противника, развитие прорыва и организацию... уничтожения противника», «за... выход из кружения и сохранение боеспособности своих частей, их вооружения и техники», «за совершенный бронетанковыми соединениями глубокий рейд в тыл противника... обеспечивающий успешное выполнение армейской операции». Орденом III степени награждались командиры полков, батальонов, начальники штабов полков и командиры рот «за организацию боя и инициативу в выборе момента для смелой и стремительной атаки превосходящего по силе» противника и уничтожение его, «за упорство и полное противодействие наступлению превосходящих сил противника в удержании занимаемых рубежей, умелое противопоставление всех имеющихся средств борьбы и решительный переход в атаку».

Орденом Суворова II степени было произведено 2863 награждения, в том числе 676 соединений и частей Красной Армии. Орден Суворова III степени вручался 4012 раз, в том числе 849 соединениям и частям. Всего орденом Суворова за годы войны было произведено 7266 награждений, в том числе 1528 соединений, частей и учреждений Красной армии.

²⁶ Орден Красного Знамени был учрежден 16 сентября 1918 года во время Гражданской войны декретом ВЦИК. Первоначально назывался орден «Красное Знамя». Во время Гражданской войны аналогичные ордена были также учреждены в других советских республиках. 1 августа 1924 года все ордена советских республик были преобразованы в единый для всего СССР «Орден Красного Знамени». Статут ордена был утвержден Постановлением Президиума ЦИК СССР от 11 января 1932 года (19 июня 1943 года и 16 декабря 1947-го в это Постановление вносились изменения и дополнения и изменения Указами Президиума Верховного Совета СССР). Последняя редакция статута ордена была утверждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 марта 1980 года. Последнее награждение – 1991 г. Количество награждений – 581 300.

²⁷ Родион Яковлевич Малиновский родился 23 ноября 1898 года в Одессе. Воспитывался матерью. В 1911 году окончил церковно-приходскую школу. Затем, уйдя из семьи, не-

сколько лет скитался и бродяжничал. В 1914 году уговорил солдат, отправляющихся на фронт Первой мировой войны, взять его в воинский эшелон, после чего был зачислен добровольцем в пулеметную команду пехотного полка. В октябре 1915 года был ранен и получил первую боевую награду – Георгиевский крест 4-й степени. В 1916 году в составе Русского экспедиционного корпуса отправлен во Францию, воевал на Западном фронте, был еще раз ранен и получил французские награды. В 1917 году принял участие в восстании русских солдат в лагере Ла-Куртин, во время которого был ранен.

Вернувшись в Россию только в 1919 году, вступил в Красную армию, принял участие в Гражданской войне на Восточном фронте против войск адмирала Колчака.

После Гражданской войны окончил школу младшего начсостава, назначен командиром пулеметного взвода, затем – начальник пулеметной команды, помощник командира и командир стрелкового батальона. Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе в 1930 году. С этого года – начальник штаба кавалерийского полка, офицер штабов Северо-Кавказского и Белорусского военных округов, начальник штаба кавалерийского корпуса. В 1937–1938 годах полковник Малиновский находился в Испании в качестве военного советника во время испанской Гражданской войны (псевдоним «генерал Малино»), где был награжден двумя орденами. 15 июля 1938 года ему было присвоено воинское звание комбриг. С 1939 года – преподаватель Военной академии имени М.В. Фрунзе, генерал-майор (4 июня 1940). С марта 1941 года – командир 48-го стрелкового корпуса в Одесском военном округе.

Войну встретил в должности командира 48-го стрелкового корпуса, расположенного в молдавском городе Бельцы. В начале войны, несмотря на отступление, сумел сохранить главные силы своего корпуса и проявил хорошие командирские навыки. С августа 1941 года командовал 6-й армией, а в декабре 1941-го назначен командующим Южным фронтом. Генерал-лейтенант (9 ноября 1941). В январе 1942 года Южный и Юго-Западный фронты отбросили немецкий фронт в районе Харькова на 100 километров в ходе Барвенковско-Лозовской операции. Однако в мае 1942 года в этом же районе оба этих фронта потерпели сокрушительное поражение, известное как Харьковская катастрофа. Затем противник отбросил войска Малиновского от Харькова к Дону с большими потерями.

В июле 1942 года Малиновский был снят с должности командующего фронтом и назначен с понижением командующим

войсками 66-й армии севернее Сталинграда. С октября 1942 года – заместитель командующего войсками Воронежского фронта. С ноября 1942 года – командующий войсками 2-й гвардейской армии. На этом посту он вновь проявил себя с наилучшей стороны: войска армии выдвигались на ростовское направление, когда ударная группировка генерала Манштейна нанесла удар с юга в направлении на Сталинград, имея задачу прорвать советское кольцо окружения вокруг 6-й армии Паулюса. Пока генерал А.М. Василевский доказывал И.В. Сталину необходимость привлечь армию Малиновского к отражению немецкого удара, Малиновский по своей инициативе остановил движение армии и развернул ее в боевые порядки. Инициативные действия Малиновского и героизм личного состава возглавляемой им армии сыграли большую роль в победе в Котельниковской операции и, как следствие – в победе в Сталинградской битве.

В результате Сталин вновь вернул Малиновского на должность командующего войсками Южным фронтом в феврале 1943 года. На этом посту ему удалось освободить Ростов-на-Дону. Генерал-полковник (12 февраля 1943). С марта 1943 года командовал войсками Юго-Западного фронта, с октября 1943 года переименованного в 3-й Украинский фронт. На этом посту самостоятельно и во взаимодействии с другими фронтами в период с августа 1943-го по апрель 1944 года провел Донбасскую, Нижне-Днепровскую, Запорожскую, Никопольско-Криворожскую, Березнеговато-Снегиревскую, Одесскую наступательные операции. В результате были освобождены Донбасс и вся Южная Украина. В апреле 1944 года ему довелось освободить свой родной город Одессу. Генерал армии (28 апреля 1943).

В мае 1944 года Малиновский был переведен командующим на 2-й Украинский фронт, который вместе с 3-м Украинским фронтом (под командованием Толбухина) продолжил наступление на южном направлении, разгромив войска германской группы армий «Южная Украина» в ходе Ясско-Кишиневской стратегической операции. После этого Румыния вышла из союза с Германией и объявила ей войну. 10 сентября 1944 года, по представлению С.К. Тимошенко Сталину, Малиновскому было присвоено воинское звание «Маршал Советского Союза». В октябре 1944 года Малиновский нанес противнику вторичное жестокое поражение в восточной Венгрии в ходе Дебреценской операции и вышел на ближние подступы к Будапешту. Однако крайне ожесточенная битва за Будапешт затянулась почти на пять месяцев. Хотя в ее ходе удалось сначала окружить, а по-

том уничтожить почти 200-тысячную группировку врага, но победа была достигнута дорогой ценой и потеряно дорогое время.

Весной 1945 года во взаимодействии с войсками Ф.И. Толбухина фронт Малиновского успешно провел Венскую операцию, по существу ликвидировав немецкий фронт в Австрии и соединившись с войсками союзников. За полный разгром войск противника в этой операции Малиновский удостоен высшего советского полководческого ордена Победы.

Закончив Великую Отечественную войну в Австрии и Чехословакии, Малиновский был переведен на Дальний Восток, где в ходе советско-японской войны вступил в командование Забайкальским фронтом; фронт совершенно неожиданно для японского командования прорвался через пустыню Гоби в центральную часть Маньчжурии, довершив окружение и полный разгром японских войск. Малиновскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

С марта 1956 года – первый заместитель министра обороны и главнокомандующий Сухопутными войсками. В октябре 1957 года Р.Я. Малиновский был назначен министром обороны СССР. На этом посту он оставался до конца своей жизни, проводя большую работу по укреплению оборонного могущества государства и повышению мощи его Вооруженных Сил. Умер 31 марта 1967 года.

²⁸ Почетный знак «50 лет в КПСС» учрежден ЦК КПСС в 1981 году. Выдавался на основании постановления районного комитета КПСС (где хранилась учетная карточка члена или кандидата в члены КПСС). Вручался члену КПСС с непрерывным стажем пребывания в партии не менее 50 лет.

²⁹ Указом Президента РФ от 23 августа 1991 года была приостановлена деятельность КП РСФСР, а Указом от 6 ноября 1991 года прекращена на территории РФ деятельность КПСС и КП РСФСР; Указом от 23 августа 1991 года поручалось МВД РСФСР обеспечить сохранность имущества КП РСФСР, Центральному банку РСФСР приостановить операции по счетам органов и организаций КП РСФСР, а Указами от 25 августа и 6 ноября 1991 года предусматривался ряд охранных мероприятий по отношению к имуществу КПСС и КП РСФСР на территории РФ, которое объявлялось находящимся в государственной собственности, в связи с чем государственным органам передавалось право пользования этим имуществом.

Меры, предусмотренные в отношении КПСС и КП РСФСР в Указах от 23 и 25 августа 1991 года, получили развитие в Указе от 6 ноября 1991 года, который по своим юридическим

последствиям в основном поглощает два предыдущих. Основанием для рассмотрения дела стала обнаружившаяся неопределенность в вопросе о соответствии целей и деятельности КПСС и КП РСФСР Конституции РФ.

В преамбуле Указа Президента от 6 ноября 1991 года «О деятельности КПСС и КП РСФСР» отрицается природа КПСС как политической партии. В то же время вопрос о конституционности КПСС и КП РСФСР тесно связан с вопросом об их правовой природе, которая является отправной точкой для оценки конституционности мер, принятых в отношении них согласно проверяемым Указам.

Поэтому КС соединил ходатайство о проверке конституционности трех названных Указов Президента РФ и ходатайства о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР, считая последний вопрос сопутствующим.

Дело о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 года № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 года № 90 «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 года № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР.

Дело рассматривалось 26 мая, 6–15 июля, 20 июля–4 августа, 14 сентября–23 октября, 28 октября–30 ноября 1992 года. Постановление № 9-П от 30 ноября 1992 года:

Конституционный Суд постановил:

По Указу от 23 августа „О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР“ признать не соответствующим Конституции содержащееся в пункте 1 предписание министру внутренних дел и прокуратуре „провести расследование фактов антиконституционной деятельности КП РСФСР“.

Указания прокуратуре направить материалы расследования на рассмотрение судебных органов (п. 1) и обеспечить надзор за исполнением указа (п. 5) признаны не имеющими юридической силы, т. к. это и так является обязанностью органов прокуратуры.

Пункт 6 – о вступлении указа в силу с момента подписания – признан не соответствующим принципу права, в соответствии с которым акт, ограничивающий права граждан, вступает в силу только после официального опубликования.

Остальные пункты этого указа, которыми до разрешения вопроса о конституционности КП РСФСР в судебном поряд-

ке была приостановлена деятельность органов и организаций российской компартии, ее имущество было передано на сохранение государственных органов, а ее денежные средства были заморожены, Суд посчитал соответствующими Конституции.

По указу от 25 августа «Об имуществе КПСС и КП РСФСР» пункты, содержащие распоряжения о передаче имущества компартии органам исполнительной власти, признаны соответствующими Конституции по отношению к той части имущества, которая хоть и находилось во владении, распоряжении и пользовании КПСС, но являлась государственной или муниципальной собственностью.

Неконституционными признаны указания Президента РФ национализировать ту часть имущества, которая либо являлась собственностью КПСС, либо находилась в ее ведении, хотя права собственника вообще не были определены документально.

³⁰ В 1969 году политические партии Чили образовали блок Народное единство, кандидат от которого Сальвадор Альенде победил в президентских выборах 1970 года. Правительство Альенде национализировало предприятия, принадлежавшие монополиям США, предпринимало меры по улучшению материального положения рабочих и служащих, осуществляло аграрные реформы и т. д. Качественно новый характер приобрели связи Чили с СССР, были восстановлены дипломатические отношения с Кубой и другими соцстранами. Но реформы правительства вызвали недовольство среднего класса, представителей корпораций и правительства США. К лету 1973 года политические силы страны разделились на два враждующих лагеря – сторонников Альенде и его противников. 11 сентября 1973 года в столице Чили Сантьяго силами армии был совершен военный переворот, в результате которого президент Сальвадор Альенде и правительство Народного единства были свергнуты. Все политические партии, входившие в блок, были запрещены, а их члены были подвергнуты жестоким репрессиям. Сам Альенде погиб во время штурма президентского дворца. В стране была установлена диктатура правительственной хунты во главе с генералом Аугусто Пиночетом. Было отменено действие конституции, распущен Национальный конгресс, объявлены вне закона все политические и массовые организации. За месяц «осадного положения», введенного для совершения переворота, было убито свыше 30 тыс. человек. Переворот был подготовлен и осуществлен под руководством и при непосредственном участии ЦРУ США.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Акт о взаимопомощи между СССР и Эстонской Республикой. Полпреды сообщают... М.: Международные отношения, 1990.

Александров П. Расколотый щит. Линия Маннергейма и ее прорыв // Родина. 1995. № 12.

Березовское – Бьерке – Койвисто – Приморск. СПб.: ИПК «Вести», 1998.

Боярский В.И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Минск: Хаовест; М.: АСТ, 2001.

Великая Отечественная Война. 1941–1945. М.: Сов. энциклопедия, 1985.

В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области (1941–1944): Сб. док.: В 4 тт. Л., 1979–1985.

Гальднер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. М.: Воениздат, 1968–1971.

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. 1940–1942. М.: АСТ, 2003.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1983.

Гриф секретности снят // Статистические исследования. Под ред. Г. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.

Договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой. Полпреды сообщают... М.: Международные отношения, 1990.

Егорычев В. «План Оверлорд» // Вечерний Минск. 2009. № 240.

Забелин А. Малоизвестные страницы истории тайных войн // Независимое военное обозрение. 2008. 22 февраля.

История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М.: Наука, 2004.

Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

Койвисто М. Русская идея. М.: Весь мир, 2002.

Куликова В. ГПУ – ОГПУ. 1922–1934. Цейхгауз. 1991. № 1.

Кутузов В.А. Возрождение земли Ленинградской. Л., 1985.

Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000.

Маннергейм К.Г. Мемуары // Пер. с финск. П. Куйиала, Б. Злобин. М.: Вагриус, 1999.

Маништейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006.

Накануне Второй мировой войны. 1937–1939: Документы и материалы. Т. 1–2. М., 1981.

ОСМАЗ. От бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Пакт о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвийской Республикой. Полпреды сообщают... М.: Международные отношения, 1990.

Пизтола Э. Военнопленные в Финляндии. 1941–1944. Пер. с финск. // Север. 1990. № 12.

План Дауэса. Финансовое восстановление Германии. Доклад комиссии Дауэса. М., 1925.

План Юнга и Гагская конференция 1929–1930 гг. Документы и материалы. М.; Л., 1931.

Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. М.: Наука, 1982. С. 85.

Попов А.Ю. К вопросу об эффективности операции «Рельсовая война» на временно оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны // Вехи минувшего: Ученые записки истор. фак-та. Липецк, 2000.

Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Постников В.В. США и дауэсизация Германии (1924–1929 гг.). М., 1957.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск II. Войны и мирные договоры. Книга 3: Европа в первой половине XX века. Справочник. М., 1999.

Препарата Г.Д. Гитлер, Инс. Как Британия и США создавали Третий рейх. М.: Поколение, 2007.

Пыхалов И. Юбилей Великого предательства // Спецназ России. 2008. № 10 (145), октябрь.

Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Рыбников В.В., Алексушин Г.В. История правоохранительных органов Отечества. М.: Издательство «Щит-М», 2007.

Свердлов Ф.Д. Советские генералы в плену. М.: Фонд Холокост, 1999.

Сейдин И.И. О той войне незначительной. Принимай нас Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. СПб., 2000. Ч. 1.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992.

Смит П., Пулман К., Дивайн А.Д. Первые залпы британского флота. М.: АСТ, 2004.

Солонин М. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М.: Эксмо, Яуза, 2005.

Стаднюк И.Ф. Исповедь сталиниста. Мемуары. М.: Патриот, 1993.

Сухарев А.Я. и др. Нюрнбергский процесс: Сб. матер.: В 8 тт. М.: Юридическая литература, 1989. Т. 4–5.

Тарле Е.В. Талейран. М., 1962.

Фалин В. Как Вторая мировая война переросла в третью // Российская Федерация сегодня. 2005. № 9.

Фролов Д.Д. Из истории Зимней войны 1939–1940: Сб. док. Петрозаводск, 1999.

Хинчинский Т. Немецкая диверсия в Польше в свете политических и военных документов 2-й Речи Посполитой и спецслужб Третьего рейха // Память и справедливость. 2006. № 1 (9).

Черчилль У. Вторая мировая война // Пер. под ред. к. и. н. А.С. Орлова. М.: Воениздат, 1991.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991.

Чуев Ф. Молотов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Шишов А.В. Россия и Япония: История военных конфликтов. М.: Вече, 2001.

РОБИНЗОНАДА БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Б О Р И С Н З О Р Н А Ч И В Р О Б И Н З О Н В О Й Н Н

Робинзон, как известно, жил на необитаемом острове. Почему эта старинная книга до сих пор волнует наше воображение? Не потому ли, что она универсальна? – в сущности, речь в ней идет о человеческом одиночестве, об упорной борьбе за выживание, когда ничьи руки тебе не помогают, ничье плечо не поддерживает. Одиночество же – вещь коварная, оно поджидает нас не только на необитаемых островах; иной нынешний Робинзон с утра до ночи окружен людьми, да люди-то эти равнодушнее деревьев в лесной чаще, – вот и приходится ему выживать, точно путнику, заблудившемуся в тайге. А что, если люди не просто равнодушны, но даже враждебны новому Робинзону? Что, если вместо бескрайнего океана его окружает бесконечная (во времени и в пространстве) война? Что если он не смог прибиться к родному берегу и не желает плыть к берегу чужому? Если его лодка мечется среди безжалостных волн, среди смертоносных рифов всемирной бойни?

Значит, нашему военному Робинзону надо своими руками создавать свой собственный необитаемый остров. Вот об этом-то, собственно, и повествует книга Бориса Корнева «Дальтоник».

«Дальтоник» – первая художественная книга Корнева, первая его повесть, но так уж получилось, что именно с ней я познакомился в последнюю очередь. Уже были прочитаны и «Тандем», и «Бухта Провидения», и «Одна на всех...», и головокругительный «Танец Психеи»... И вот дошли руки до «Дальтоника».

Не знаю, известно ли вам это странное ощущение, которое возникает, когда берешь в руки литературный дебют хорошо известного тебе мастера. Сколько открытий тут бывает! Оказывается, во-первых, что стиль, манера изложения, образ мысли, знакомые нам по зрелым произведениям, вовсе не были даны автору изначально, что он над ними упорно трудился, что он их вырабатывал! И с другой стороны: знакомая рука чувствуется непрестанно, – значит, все-таки, было, существовало что-то априори, что-то (простите за невольный каламбур) корневое, коренное!..

И как радостно узнавать в потоке повествования то тут, то там встречающиеся ростки будущих книг: этот деловитый, емкий язык «Тандема», эта сквозь строки сочащаяся боль «Одной на всех...», эта дружеская доверительность «Бухты Провидения», и даже психоделическая изощренность «Танца Психеи», – даже она порой отзывается в «Дальтонике».

И другое обстоятельство (уже совершенно личное) не могло не задеть меня при чтении повести: действие «Дальтоника» разворачивается на западе Ленинградской области, там, где Волосовский район примыкает к Кингисеппскому, в нашей «Петербургской Германии» (ибо при царях этими землями владели по большей части помещики из русских немцев); мне эта местность весьма знакома, а потому в моем воображении повесть превращалась в своего рода документальную кинохронику...

Это очень своеобразные места, совершенно не похожие на прочие земли Ленинградской области – своеобразные и по природе своей, и по тому, до сих пор не выветрившемуся духу, что внесли сюда остзейские помещики... Истинно – Петербургская Германия, не вполне русская земля... Где, как не здесь и случится той истории, что рассказывается в «Дальтонике»...

Видимо, не обойтись без краткого пересказа. Вот он: командир Красной Армии, парашютист Федор Астахов, успевший повоевать на страшном Карельском перешейке, встречает свою новую войну в Прибалтике, под городом Двинском. Финская кампания научила Федора своеобразной самостоятельности; он отлично понял: никогда не следует рассчитывать на мудрость вышестоящих, все задачи необходимо решать самому и немедленно. Именно этот принцип помогает ему спасти семью, в то время, когда десятки мирных людей, рассчитывавших получить помощь от власти, погибли под немецкими пулями. Именно этот принцип помогает ему не сломаться в первые же дни немецкого плена, не превратиться в покорную скотину, как это происходило со многими пленными; помогло ему бежать и в одиночку через тысячи опасностей пройти по вражеским тылам до Ленинграда. Именно эта самостоятельность помогает Федору не ощутить себя жертвой, когда в Ленинграде он вновь становится пленником – уже у своих: Астахов бежит снова, переходит линию фронта и начинает собственную войну с оккупантами. Он становится партизанским отрядом в количестве одного человека, Робинзоном в океане Большой войны. Он казнит полицаев, устраивает диверсии, – все, как полагается настоящему партизанско-

му отряду; засылает своих агентов в немецкую администрацию, вербует сторонников... И все это в одиночестве, без помощи «Центра», без радиосвязи со своими; наши самолеты не сбрасывают ему боеприпасы и медикаменты, а Москва не диктует ему, как следует воевать. Так продолжалось почти два года, пока Красная Армия не перешла в наступление, и Федор не примкнул к своим. В этот раз его никто не арестовывал и войну Астахов закончил честь-честью, ничем не выделяясь среди прочих советских офицеров.

Все это поначалу представляется совершенно невероятным, и я, признаться принимал «Дальтоника» за красивую авторскую придумку, пока не увидел в конце книги фотографии – портрет самого Федора Астахова, его семьи, деревни Хотнежа, где он вел свои партизанские действия...

И тут я одновременно ощутил и радость, и разочарование. Радость: «Как здорово, что такой человек действительно жил на свете!» Разочарование: «Так значит, это чистая документалистика... Значит ни о какой оригинальной задумке здесь речи нет: автор попросту, как рядовой журналист, описывал подлинные события...»

Но не долго пришлось мне размышлять, чтобы понять всю нелепость своего разочарования. Да, Борис Корнев не придумал свою историю, и расточать комплименты его фантазии не стоит. Но он нашел этого человека! Он его увидел! А что это значит? Это значит, что среди тысяч рассказов о войне, среди которых зачастую попадаются поистине поразительные (у каждого из нас, наверное, хранится в памяти слышанный когда-то совершенно великолепный рассказ!) – писатель сумел выбрать такую историю, чтобы она дала начало для нового взгляда на войну, для новой концепции исторических событий.

Именно так.

Ибо, в конце концов, сколько бы нам ни выдвигали различных версий, сколько бы называли причин неудач 1941–1942 гг. и побед 1943–1945 гг., а все-таки все эти версии хороши для учебников, но не для реального взгляда на историю.

А вот «Дальтоник» такой взгляд, такую концепцию дает. Вкратце она сводится к следующему. Громоздкая государственная машина живет своей жизнью, мало сообразуясь с живой действительностью. У нее своя логика, свои требования к людям, которые, собственно говоря, и людьми-то в ее глазах не являются, – так, циферки в ведомости, бесплотные «души населения». Пока страну не трясет, машина эта рабо-

тает более или менее бесперебойно и подстраивает людей под свой ход, превращает их в собственные винтики-болтики. Но как только машина встречает на своем пути препятствие – войну, революцию, перестройку – так сразу оказывается, что к действиям в новой обстановке она не приспособлена. Спасти ее могут только те, кто не сломался в ее шестернях, кто не стал винтиком, кто остался человеком. Если этих людей будет достаточно много, они сумеют переделать машину сообразно с новыми задачами и придать ей новый ход.

Словом, если вернуться к истории Великой Отечественной, то можно сказать, что СССР победил именно потому, что в России было достаточно много Федоров Астаховых.

Наверное, многим из нас понятно: армия в мирное время и армия во время войны, – это вещи очень и очень разные. Армия в дни мира – это армия шагистики, аккуратизма, формализма, армия старых генералов, хорошо помнящих прежнюю войну и не помышляющих о войне будущей... Армия в дни войны (в идеальном случае) – это армия у которой есть одна цель – побеждать, и в огне этой цели сторают весь формализм, все «галочки» мирного времени. Нередко и сама воинская дисциплина (святая святых!) отдается в жертву Победе: победителей не судят! Именно о таком несудимом победителе написана повесть Бориса Корнева.

Понятно, что люди, которые выдвигаются на первые места в дни войны, совсем не похожи на тех, кто выдвинулся в дни мира. Более того: аутсайдеры мирных дней нередко становятся в авангарде боевых действий, а выдвинутцы мира на войне задвигаются в тылы, а то и куда подальше. Так в идеале. Очень не скоро верхам становится ясно, что за вещи, щедро поощряемые вчера, сегодня уже надо строго карать.

Беда в том, что войну всегда начинает армия мирных дней. Вступает в бой армия, которая «тянула ножку» усерднее, чем бегала через полосу препятствий и занималась на стрельбище. Начинает армия, которая генеральской проверки боится больше, чем наступающего противника, и все трясется: «Мы тут стреляем, а как бы чего не вышло!..» Именно такая армия с грехом пополам выкарабкалась из снегов Карельского перешейка. Именно такая армия отступала в 1941 г.

Действие «Дальтоника» начинается во время Зимней кампании, – и это замечательно. Борис Корнев, конечно, следует за фактами, ибо его герой, Федор Астахов, действительно повоевал на Финской, но автор сумел не просто рассказать о боях на Перешейке, но показать, как душе молодого коман-

дира формируется такая воля к победе, которую не сломить ни бестолковому командованию, ни идеологическим установкам. Почему, собственно, повесть и называется «Дальтоник»? Борис Корнев поясняет это так:

– Именно такие (как Федор Астахов. – А.Б.), десятки сотни тысяч таких, уверенных, а не убежденных, сначала притормозили и в конце концов остановили раскрутившийся маховик беды. Он постепенно, с большим трудом начал вращаться в другую сторону, вовлекая в эту спасительную круговерть все новые и новые массы людей. Чаще всего они это делали без идеологизированного и самозабвенного героизма, не замечая изменчивого разноцветья искусственного и наносного. Главное было за плотными слоями налипшей грязи и лжи УВИДЕТЬ ДОБРО. И не менее важно – РАЗГЛЯДЕТЬ ЗЛО под сверкающим на свету, густо намазанным повидлом.

И все-таки было бы неверным сводить содержание «Дальтоника» к одной лишь исторической составляющей. Я бы даже взял на себя смелость заявить: повесть Корнева – вовсе не военная, не историческая повесть. Это, если угодно, притча о человеке, оказавшемся в кризисной ситуации, – и не важно, чем именно обернулся кризис – войной ли, или каким иным бедствием. Давайте вспомним, что автор повести – ученый, который, как сказано в биографической справке *«специализируется в вопросах формирования эмоционально-энергетического и информационного поля кризисного проекта... Автор научных работ и научно-популярных книг по вопросам кризисного управления...»*.

Можно даже так сказать: «Дальтоник» – это своего рода инструкция для человека, попавшего в такое положение, когда «куда ни кинь – всюду клин», когда «кругом шестнадцать», – и инструкция далеко не бесполезная. Рассказ о человеке, который добровольно отправился в тыл врага, зная, что не только немцев следует ему опасаться, но и свои могут его «неправильно понять»; о человеке, который не только выжил в таком положении, но и победил, – это очень интересный урок для многих наших современников, живущих в мире, где «человек человеку волк». Текст повести насыщен всевозможными авторскими замечаниями, в которых чувствуется уверенность специалиста, прекрасно изучившего свою область, то есть, в данном случае теорию кризисного управления. И не важно, что Федору Астахову приходится управлять лишь самим собой...

Вот для примера два таких замечания, весьма, на мой взгляд, полезных любому читателю:

– ...Явно наступал момент насыщения. Это время, когда продолжение задуманного становится невозможным. Как из-за внешних, так и из-за внутренних причин. Требовались кардинальные изменения в целях, в средствах их достижения и в конце концов в его месте и роли во всем этом. И не только его. А это всегда сложно. Тем более, если ты не уверен в том, что до конца все делал правильно. Зачастую люди не выдерживают такого состояния. На допросе они начинают «колоться», в плену кидаются под автомат... в быту у них начинаются невроты, и они постепенно сходят с ума, на фронте пропадает боевой дух и начинается общее разложение.

Чрезвычайно интересно, – не правда ли? Или вот еще:

– Если у тебя вдруг возникают реальные основания для сомнений в правильности того или иного поступка, индикатор-совесть моментально заработает. Это произойдет даже раньше, чем возникнет рефлексия, чем появится мысль: «что-то не так». Но там, где таких реальных оснований нет, изобретать себе муки и посыпать голову пеплом совершенно незачем. Совестьливость не должна становиться болезнью или мазохистской страстью. В этом случае человек может так увлечься муками совести, что забудет о реальной жизни.

Впрочем, дело даже не в таких прямых обращениях автора-ученого к читателю. Важно, что саму историю Федора Астахова Борис Корнев подает так, чтобы она стала для нас поучительным примером. Автор на наших глазах изучает своего героя, точно врач в клинике, который беседует с больным перед толпой студентов. Сравнение, может быть, не слишком удачное, ибо Астахов – ни в каком смысле не больной; совсем наоборот: это человек здоровый духом, это победитель по натуре, способный самую безвыходную ситуацию поставить себе на службу. Люди, подобные ему – это золотой фонд нации; пока они есть – страна живет, народ не сходит с исторической арены.

Чрезвычайно интересен и финал повести. Прошедший всю Великую Отечественную войну и в придачу Японскую кампанию, Федор Астахов возвращается домой. Через всю Россию идет эшелон с демобилизованными солдатами. Что в этой поездке – только радость, ликование? Оказывается – нет, не только... *«Этот эшелон – просто чистый ад!»* – говорит Корнев. Солдаты, и без того начисто опьяненные и победой, и свободой, разогревают свою радость еще и водкой, гульбой, драками... Каждый такой эшелон, если не держать его в крепких руках, может превратиться в неуправляемую и опасную орду... И вот Астахов получает от маршала Малиновского свое по-

следнее боевое задание: довести один из таких составов в Москву. Снова герой оказывается в центре кризисной ситуации.

И здесь Борис Корнев дает читателям еще одну психологическую максиму:

– Любые резкие изменения в жизненном укладе вначале всегда сопровождаются неопределенностью и неуправляемостью. Именно в это время толпа самопроизвольно выталкивает на поверхность своих лидеров. Нужно было очень быстро и в каждом вагоне найти такого, за кем позднее в хаосе всеобщего столкновения пойдут все. И командиры тоже. Нужно было так сработаться с этими «вожаками», чтобы они поняли, осознали...

Итак – война начинается и заканчивается хаосом. И в обоих случаях на пути у хаоса встают такие люди, как Федор Астахов. Так ли часто они обращают на себя внимание наших писателей? В советское время любили писать о героях, но подходили к ним совсем с иной стороны. Можно сказать, что психология подвига у нас не разрабатывалась совершенно, а ведь подвиг – это, прежде всего, противостояние хаосу. В этом смысле повесть Бориса Корнева можно назвать уникальной: по крайней мере, на моей памяти это единственный случай, когда о подвиге пишет не просто литератор, но специалист-психолог, который может силу художественного образа соединить с глубиной научного постижения.

Сам автор, рассуждая в предисловии о потере исторической памяти в новых поколениях России, говорит так:

– Духовная инфантильность и социальное безразличие, постепенно поражающие современную молодежь, могут вконец исковеркать ее сознание, и тогда все мы неотвратимо придем к еще больше трагедии, чем та, что случилась в прошлом веке. Наверное, нужно каждому приложить руку к тому, чтобы отвести беду. Сделать что-то свое. Пусть мизерное, но так нужное для детей, для истории, для памяти...

Несомненно – повесть «Дальтоник», это для Бориса Корнева и есть то «немногое, но нужное», что он противопоставляет наступающему хаосу. Его более поздние книги – и зрелые, и глубокие, и чрезвычайно интересные, – говорят все-таки о иных вещах, а вот «Дальтоник» действительно нуждается в широкой аудитории. Точнее сказать, современная широкая аудитория нуждается в нем. Это не та книга, что пишется «на любителя», на «узкий круг»: ее уроки полезны именно сегодня, и надеюсь, со временем дойдут до многих.

Алексей Бакулин

ОТЗЫВЫ ПИСАТЕЛЕЙ САНТ-ПЕТЕРБУРГА

О ПРОЗЕ Б.Ф. КОРНЕВА

Всё, что берётся изображать Борис Корнев, имеет не просто реальную основу, но и досконально ему известно. Большая, кстати, редкость в литературе вообще, а в современной – тем более. Сам материал исследован значительно глубже, чем явлено в книге, и это хорошо чувствуется по тексту... На 150 страницах повести **«Реальная четвёрка»** пролетела насыщенная и по-разному захватывающая жизнь четырех одноклассников – партийного функционера, диссидента, бандита и КГБ-эшника. Пролетела так быстро, как и в реальной жизни. Да и вообще, всё произведение реальное. (Алексей Ахматов)

Так и пахло со страниц дурным ветром той эпохи, наверное, тоже по-своему великой или, во всяком случае, величественной. Это-то погибельное величие очень хорошо передано в романе, – вот, что хочется сказать первым делом. Не просто «схвачен дух времени» (хотя он, разумеется, чувствуется на страницах романа **«Тандем»** очень живо), – а целая панорама развёрнута, которая у иного автора расплзлась бы на хороший двухтомник, а тут компактно так уложилась на двухстах всего-то страничках, и никто не жалуется на тесноту, на скороговорку, на торопливую конспективность. Действие изящно порхает через годы и пространства, захватывает и закат Советов, и перестройку, и далее, далее; из России перелетает во Францию, в Голландию, даже в Бразилию... В Абхазии мы успеваем побывать – в самые-самые кровавые её дни, – и в весёлых кварталах Амстердама, и в коридорах власти. (Алексей Бакулин)

Автор повести **«Дальтоник»**, совместив воедино мироощущение длительно–короткого времени в судьбе главного героя, кадрового офицера Красной армии, глубоко и полномерно показывает читателю сотканную из противоречий жизнь военного времени, где перемешались поступки глупые, трусливые и героические. Б.Ф. Корнев стремится постигнуть,

понять причины коллаборационизма в оккупированных деревнях, причины возникновения партизанских отрядов. Почему сотни и сотни тысяч военнопленных были объявлены врагами народа и фактически лишены надежды на помощь армии. Художественно-публицистическая повесть «Дальтоник» посвящена поколению отца Бориса Федоровича Корнева. Достоинство повести в интересном сюжете, точности композиции. Книга талантлива. (Владимир Ершов)

В центре повести «**Реальная четвёрка**» судьбы четырех друзей-одноклассников. Автор воспринимает их не как сторонний наблюдатель. Он сживает с ними настолько, что со страниц книги с нами беседует как бы их непосредственный участник. Более того, соучастниками события он делает и читателя. Персонажи, встающие из-под писательского пера, красочны и рельефны, судьбы героев порою способны перевернуть душу... Палитра авторского дарования обогащена нестираемыми школьными впечатлениями (первый поступок, первая четвёрка в четверти, первая любовь...) Сказать умное, честное слово немудрено. Их так много сказано и написано; но чтоб истины действовали, убеждали, умудряли, чтоб они проходили прежде через души – это дано не каждому автору. Повесть Корнева Б.Ф. не оставляет читателей равнодушными. (Маргарита Боженкова)

В повести «**Дальтоник**» Б.Ф. Корнев ставит своей целью не только описать события тяжких дней отступления и оккупации, но прежде всего старается исследовать, что происходит в душе 27-летнего Фёдора Астахова, когда тот попадает в плен, видит предательство и трусость... Раскрыть «изнутри» характер своего героя, объяснить эволюцию его умонастроений автору удаётся. (Юрий Туйск)

Читатель книг Бориса Корнева с первых страниц попадает в напряжённую ситуацию. Его герои не пассивные наблюдатели. Они смелы, умны, заражают читателя энергией, правдолюбием. (Александр Гостомыслов)

Надо признать, что Б. Корнев твёрдо и умело следует в русле толстовской (вообще, русской литературной) традиции: убедительно изображает героизм без позы и без фразы, то есть, героизм как таковой. (Алексей Бакулин)

СОДЕРЖАНИЕ

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
ПРОЛОГ	9
Часть 1. ВСЕ КОНЧИЛОСЬ – НЕ НАЧИНАЯСЬ	13
Расстановка сил. Европа перед большой войной	14
Затяжной прыжок	19
Все кончилось – не начинаясь	22
Расстановка сил. Прибалтика перед большой войной ..	31
Федор Астахов	37
Петр Докукин	42
Разорванная фотография	48
Третий день войны	53
Фронт без управления	60
Мост через Двину	64
Плен	73
Часть 2. ВЫБОР	79
Альтернатива – смерть	80
Тоня и Валерка	86
К своим	89
К своим (продолжение)	92
Заградительный отряд	96
К своим (продолжение)	100
Дядя Егор	106
Расстановка сил. Тыл врага. Оккупационный режим ..	114
Целеполагание	119
Расстановка сил. Тыл врага. Партизаны	126
Часть 3. И СУДЬЯ, И ПАЛАЧ	131
«...Нужно было всех убить»	132
Кленовы	135
Плохо скрываемая радость	137
Вдвоем	144

То ли полицейский, то ли партизан	148
Возмездие	151
«...рост средний, глаза голубые...»	155
Расстановка сил. Иммуитет против страха	159
Ва-банк	162
Авантюра	166
Встреча.....	171
 Часть 4. «ИСКУПАЛ СВОЮ ВИНУ»	 183
Командир полицаев	184
Учимся радоваться	186
Расстановка сил. Второй фронт	188
«...Найди свою Родину»	192
Без имени	199
В действующей армии	203
Встреча с маршалом	206
 ЭПИЛОГ	 209
 Примечания	 213
Использованная литература.....	243
<i>Алексей Бакулин</i>	
Робинзонада большой войны	246
Отзывы писателей Санкт-Петербурга о прозе Б.Ф. Корнева	253

Редактор Е.Г. Шабалова
Художник А.В. Спиридонов
Технический редактор А.В. Слободин
Корректор Г.С. Якушева

Главный редактор Н.В. Кирющенко

Издательство «Историческая иллюстрация».
192019, Санкт-Петербург, ул Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru; тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 05.04.2016. Формат 60 × 90¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 16 п. л. + вкл. 0,5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 573

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 38